3 1761 08821044 8

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/mikhailiurevichl00kotl

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

R
6165
Yxo

Kotlyarevsky, Nestor Aleksandrovich

Михаилъ Юрьевичъ

Mikhail Yur'evich

ЛЕРМОНТОВЪ

Lermontov

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Н. КОТЛЯРЕВСКАГО

---

3. ispr. i pop. izd.

ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

519805
22. 3. 51

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28
1909

3845

Эта книга была написана въ 1891 году, въ годъ пятидесятилѣтія со дня кончины Лермонтова. Тогда много говорили и писали о Михаилѣ Юрьевичѣ.

Судъ потомства надъ нимъ, какъ человѣкомъ и поэтомъ, поражалъ отсутствіемъ единодушія и согласія въ конечныхъ выводахъ. Каждый изъ судившихъ истолковывалъ по-своему душу писателя и смыслъ его словъ, по-своему оцѣнивалъ общечеловѣческое или историческое значеніе его поэзіи.

Такое разногласіе не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ, какой сложной, полной противорѣчій,—какой загадочной психической организаціей былъ одаренъ Лермонтовъ; какъ глубокъ былъ смыслъ его рѣчей—плодъ его острой мысли и какъ богато оттѣнками его настроеніе—откликъ его поэтической души на всѣ впечатлѣнія жизни, не только его окружавшей, но жизни вообще, какъ великой нравственной проблемы.

Долгіе годы, протекшіе со дня кончины Лермонтова, сохранили его живымъ для насъ. Многое, о чемъ онъ думалъ, осталось и для насъ предметомъ живого размышленія; многіе изъ его страданій и радостей продолжали

и насъ печалить и радовать, и мы, говоря о немъ, не могли забыть о себѣ.

Личныя симпатіи и антипатіи должны были примѣшаться ко всѣмъ сужденіямъ объ этомъ большомъ поэтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь типичномъ выразителѣ и истолкователѣ одной весьма знаменательной эпохи въ исторіи нашей образованности.

Жизнь поэта была такимъ образомъ продолжена за предѣлы его гроба, и это было новымъ оправданіемъ красоты его поэзіи и ея общечеловѣческаго смысла.

Исторія жизни Лермонтова въ настоящее время возстановлена насколько это допускали дошедшія до насъ скудныя свѣдѣнія. Нельзя сказать, что это жизнеописаніе во внѣшнихъ своихъ очертаніяхъ представляетъ большой интересъ. Поэтъ умеръ очень рано и въ книгѣ жизни успѣлъ перелистать лишь нѣсколько страницъ, и то довольно однообразныхъ. Но онъ въ себѣ самомъ носилъ цѣлый міръ чувствъ, идей и видѣній.

Эти мысли, настроенія и грезы онъ облекъ въ художественную поэтическую ризу. Для всѣхъ, кто чутокъ къ красотѣ, кто склоненъ и любитъ думать объ ея смыслѣ и назначеніи въ нашей жизни, поэзія Лермонтова навсегда останется неизсякаемымъ родникомъ восторга и размышленія.

Но въ ней есть и иная сила, столь же вѣчная, какъ ея красота. Въ художественную форму облекла эта поэзія цѣлый рядъ вопросовъ нравственнаго порядка,—вопросовъ не только связанныхъ съ опредѣленнымъ историческимъ моментомъ нашей русской жизни, но связанныхъ вообще съ бытіемъ человѣка, поскольку онъ мыслитъ и ощущаетъ себя не единичнымъ явленіемъ, а частью единаго цѣлаго,

въ отношеніи къ которому у него есть, и права, и обязанности.

Лермонтовъ—изъ семьи моралистовъ, искателей нравственной истины.

Чего искалъ онъ и какъ искалъ — вотъ вопросъ, на который авторъ настоящей книги желалъ бы отвѣтить.

I.

Глубокое раздумье надъ нравственной цѣнностью жизни и нравственнымъ призваніемъ человѣка составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ только-что минувшаго XIX вѣка. Онъ былъ вѣкомъ тяжелыхъ испытаній для нашего нравственнаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ очень сильнаго воздѣйствія всевозможныхъ этическихъ ученій на ходъ нашей жизни. Рѣдко когда человѣкъ мучился такъ вопросами личной и общественной этики, какъ въ это столѣтіе, начавшееся съ крутой ломки главнѣйшихъ устоевъ духовной и матеріальной жизни всего культурнаго міра и окончившееся ожиданіемъ столь же радикальнаго перелома.

Несомнѣнно, что вѣка зарождающагося и торжествующаго христіанства, равно какъ и эпоха реформаціонныхъ движеній могутъ по силѣ и глубинѣ поднятыхъ тогда нравственныхъ вопросовъ поспорить съ XIX столѣтіемъ. Но надо помнить, что первые христіане и реформаторы въ своей борьбѣ за новый или обновленный нравственный идеалъ жизни имѣли одну великую союзницу — сильную своей простотой и наивностью религіозную вѣру, которая освящала нравственныя понятія, утверждала кодексъ личной и общественной этики и давала людямъ готовую формулу поведенія. XIX вѣкъ, наслѣдникъ скептицизма и раціонализма предшествующихъ вѣковъ, такой союзницы не имѣлъ и все теоретическое построеніе морали и практическое проведеніе ея

въ жизнь долженъ былъ совершить лишь при поддержкѣ свободнаго разума и свободнаго чувства, которые все болѣе и болѣе освобождались отъ всякой не ими установленной санкціи. Такая свобода приводила къ великимъ умственнымъ и душевнымъ колебаніямъ и тревогамъ и дала въ результатѣ то поражающее разногласіе въ философскихъ основахъ морали и въ программахъ практическаго проведенія въ жизнь принциповъ добра и справедливости, которое бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ходъ развитія культурной жизни за минувшее столѣтіе. Моралистъ-теоретикъ или практикъ, открытый или тайный—вотъ тотъ повсемѣстно распространенный типъ культурнаго человѣка, который въ изобиліи выработанъ XIX вѣкомъ. Служители церкви разныхъ вѣроисповѣданій перенесли центръ своихъ интересовъ съ вопросовъ богословскихъ на вопросы нравственные, стремясь главнымъ образомъ оправдать истинность своихъ религіозныхъ догмъ не столько передъ Богомъ, сколько передъ людьми... Философы всевозможныхъ школъ завершали свои философскія системы построеніемъ морали на принципахъ умозрѣнія, не говоря уже о томъ, что сама этика разрослась въ цѣлую самостоятельную науку, обогащенную новымъ матеріаломъ, добытымъ антропологіей, этнографіей, языковѣдѣніемъ и естественно-историческими знаніями... Люди строгой науки, которые могли оставить нравственные вопросы внѣ поля своего зрѣнія, и они—физіологи, біологи и зоологи, не говоря уже объ историкахъ всѣхъ видовъ и направленій—старались привести свою науку въ связь съ этическими требованіями человѣческаго духа... Если отъ людей теоретической мысли мы перейдемъ къ людямъ практическаго дѣла, то общій и самый бѣглый взглядъ на политическія и соціальныя движенія, которыя въ XIX вѣкѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ проявлялись такъ рѣшительно и въ такомъ разнообразіи, убѣдитъ насъ еще болѣе въ томъ, какъ настойчиво современный человѣкъ стремился и стремится устроить свою земную жизнь

согласно съ тѣми нравственными принципами, которые онъ признаетъ разумными и природѣ человѣческой свойственными. Наконецъ, поэты и художники, и они не избѣгли въ минувшемъ столѣтіи этого самовластія моральной мысли и чувства — и стòитъ только углубиться въ міръ ихъ мечтаній, чтобы увидать, какъ часто они отожествляли свою роль творцовъ красоты съ ролью наставниковъ, проповѣдниковъ житейской мудрости, пророковъ добра и истины, законодателей и вождей. И какъ много мучились они надъ вопросомъ о связи добра и красоты, которой они служили, какъ поспѣшно подчиняли они иногда красоту добру и затѣмъ, разсерженные, какъ рѣзко и раздраженно пытались они порвать всякую связь между ними!

XIX вѣкъ—вѣкъ своеобразный по интенсивности въ людяхъ нравственной мысли и чувства, вѣкъ, когда недовольство установлявшимися этическими нормами жизни заставляло людей часто переоцѣнивать всѣ цѣнности, отъ утвержденія быстро переходить къ отрицанію, отъ любви къ ненависти, отъ смиренія къ возстанію.

Этотъ интересъ къ вопросамъ нравственнаго порядка,— къ вопросамъ личной и гражданской этики, теоретической и практической, — былъ въ минувшемъ вѣкѣ очень силенъ и у насъ въ Россіи. Особенности нашего политическаго и общественнаго строя не могли, конечно, не отразиться на тѣхъ формахъ, въ какія облеклась эта этическая мысль у насъ. При неподвижности и косности мысли религіозной, при отсутствіи широкаго и разносторонняго гласнаго обсужденія многихъ самыхъ существенныхъ сторонъ жизни, при всѣхъ тѣхъ стѣсненіяхъ, какими у насъ было обставлено всякое проявленіе свободной иниціативы въ мысляхъ и дѣяніяхъ — нельзя было, конечно, надѣяться встрѣтить свободнаго моралиста на разныхъ поприщахъ теоретической или практической дѣятельности. И вся воспитательная работа въ этомъ направленіи почти всей своей тяжестью легла на искусство, преимущественно, конечно, на искусство словесное.

Художникъ-писатель, подъ давленіемъ этической мысли, узкой или широкой, личной или общественной, привыкалъ смотрѣть на себя какъ на судью, который долженъ дать извѣстную нравственную оцѣнку окружающей его дѣйствительности; и это неравномѣрное распредѣленіе ролей въ дѣлѣ общественнаго воспитанія поставило русскаго художника-писателя въ положеніе исключительно трудное.

Какъ сынъ своего вѣка, столь явно пристрастнаго къ этическимъ вопросамъ и кромѣ того какъ гражданинъ страны, гдѣ всякая моральная проповѣдь, глубоко врѣзывающаяся въ жизнь, обставлена великими стѣсненіями,— художникъ-писатель, безъ поддержки иныхъ культурныхъ силъ, имѣлъ много случаевъ задуматься надъ своимъ призваніемъ и надъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ жизнью; и эти думы становились для него источникомъ большихъ мученій.

II.

Изъ всѣхъ людей, стоящихъ въ первыхъ рядахъ общества, никто не бываетъ такъ безоруженъ передъ этическими вопросами жизни, какъ поэтъ, этотъ признанный баловень природы.

Сложная и весьма часто болѣзненно напряженная нервная система; повышенная отзывчивость на всѣ впечатлѣнія жизни безъ разбора; міръ мечты и видѣній, заслоняющій такъ часто реальный обликъ жизни и тѣмъ обостряющій столкновеніе съ нею,—держатъ художника въ постоянной тревогѣ духа; и чѣмъ сложнѣе запросы жизни его окружающей, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе его отношеніе къ нимъ. Ему болѣе, чѣмъ кому-либо, приходится страдать отъ постояннаго разлада идеала и дѣйствительности, такъ какъ результаты его дѣятельности менѣе осязательны, чѣмъ плоды какой-либо иной работы.

Способность преображать, и людей, и минуту; способность жить въ иномъ мірѣ, силою своего воображенія, иногда торжествующаго, а иногда беззащитнаго передъ сарказмами разсудка; поэтическая идеализація земныхъ чувствъ и умѣнье наслаждаться призраками, какъ бы предметами земными и осязаемыми,—все выводитъ поэта на опасный путь раздвоенія и вражды съ окружающей его обстановкой,—если его фантазія не настолько сильна, чтобы поработить въ немъ всѣ остальныя духовныя силы и заставить его совсѣмъ забыть о томъ, что онъ видитъ плотскими глазами.

Этотъ разладъ въ душѣ поэта можетъ быть смягченъ и умиротворенъ лишь однимъ сознаніемъ—увѣренностью, что его поэтическая греза есть живая сила, которая при всей своей видимой отчужденности отъ жизни есть сама эта жизнь, но только въ своеобразной формѣ. Художникъ долженъ прежде всего сознать свою солидарность съ окружающими людьми—какъ бы онъ на нихъ ни сердился и даже ни презиралъ ихъ—потому что только эта солидарность, эта нравственная связь обезпечиваетъ ему самое цѣнное — увѣренность, что онъ самъ есть сила живая, дѣйствующая, а не призрачная.

III.

Душевныя страданія Лермонтова, застывшія въ столь красивыхъ формахъ, проистекали изъ его раздумья надъ вопросомъ—въ чемъ и какъ должна выразиться связь между нимъ, поэтомъ и человѣкомъ, и людьми, среди которыхъ судьба ему жить опредѣлила.

Лермонтовъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ старался выяснить себѣ свое, если такъ можно выразиться, общественное положеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Вопросы религіозные, философскіе и политическіе скользнули по его глубокому уму и взволновали его душу, и онъ умеръ, не успѣвъ доработаться въ раздуміи надъ этими вопросами до

какого-нибудь опредѣленнаго объединяющаго міровоззрѣнія. А ему нужна была ясность во взглядѣ на міръ и въ пониманіи своей роли въ немъ, такъ какъ съ дѣтскихъ лѣтъ онъ былъ убѣжденъ, что судьба забросила его на землю для какого-то великаго подвига. Онъ чувствовалъ въ себѣ большую силу характера и таланта, и не зналъ куда ее направить. Міръ представлялся ему ареной, которая ждала его выхода, его борьбы за идеалы. Онъ страдалъ отъ того, что эти туманные, но облюбованные имъ идеалы не укладывались ни въ опредѣленную теоретическую формулу, ни въ практическую программу. Эти поиски идеаловъ и эти мечты о своемъ великомъ призваніи были въ поэтѣ нечѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ сознанія своей связи съ людьми и обнаруженіемъ желанія служить имъ въ одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ и трудныхъ ролей героя. Не покидавшее поэта сознаніе своей безпомощности передъ этой высокой задачей стало источникомъ его недовольства жизнью, его разочарованія и его скорби.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, какъ извѣстно, умеръ очень рано, на 27 году жизни—[родился 2—3 октября 1814 г. Умеръ 15 іюля 1841 года]. Ранняя смерть прервала его литературную дѣятельность, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда талантъ его, пройдя черезъ длинную подготовительную школу литературнаго и жизненнаго воспитанія, былъ наканунѣ полнаго расцвѣта. Въ оставшихся произведеніяхъ Лермонтова передъ нами далеко не законченная картина, а лишь болѣе или менѣе вырисованные этюды и наброски.

Естественно, что отъ человѣка, который жилъ такъ мало, мы не въ правѣ требовать исчерпывающаго рѣшенія труднѣйшихъ вопросовъ жизни. Къ этому рѣшенію Лермонтовъ только готовился, и вся его литературная дѣятельность не что иное, какъ отраженіе этой духовной работы, постоянно кипучей, нервной и часто до болѣзненности изнурительной.

По своему темпераменту Лермонтовъ былъ натурой

очень дѣятельной, живой въ мысляхъ и поступкахъ; его фантазія никогда не вызывала въ немъ мечтательно-томнаго пассивнаго настроенія, а, наоборотъ, отрывая его отъ слишкомъ монотонной будничной жизни, переносила его въ міръ образовъ, гдѣ все было огонь и движеніе. Жить и творить значило для него волноваться. Какъ въ жизни онъ не мирился ни съ однимъ изъ своихъ положеній, свѣтскаго ли человѣка или военнаго, такъ и въ своей поэзіи онъ не могъ найти покоя и отдыха. Смотрѣть на мечту какъ на мирную пристань для взволнованнаго и мятежнаго духа Лермонтовъ не могъ. Онъ не могъ усвоить себѣ того тихаго и ровнаго творчества, того душевнаго покоя и чувства удовлетворенія, какое испытывали напр. его ближайшіе предшественники, поэты двадцатыхъ годовъ, ограждавшіе себя мечтой отъ суетъ и волненій жизни.

Для Лермонтова—поэзія котораго не выходила изъ круга личныхъ ощущеній и настроеній — анализъ собственнаго сердца былъ результатомъ мучительной борьбы двухъ спорящихъ душевныхъ состояній: изнурительной жажды какой-то великой, героической дѣятельности, и сознанія своей несвободы, своего безсилія въ утоленіи этой жажды. При такомъ душевномъ разладѣ никакое примиреніе съ жизнью, на почвѣ чисто эстетическаго ея созерцанія или пересозданія, не могло состояться.

Не могъ поэтъ доработаться и до спокойнаго и широкаго философскаго взгляда на жизнь и на роль искусства въ жизни. Къ отвлеченному мышленію, къ которому его не подготовили ни природа, ни воспитаніе — онъ не имѣлъ склонности, и утѣшеніе въ философіи не пришло ему на помощь.

Единственный возможный выходъ изъ этого тяжелаго разлада идеаловъ и жизни, надеждъ и разочарованія была борьба, вмѣшательство въ самую жизнь, во имя опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ. Но для этого нужно было, прежде всего, имѣть такіе опредѣлившіеся идеалы, и кромѣ

того жить при условіяхъ, благопріятныхъ для ихъ утвержденія и обороны.

Туманность идеаловъ и неустойчивость взглядовъ на коренные нравственные вопросы жизни причиняли поэту большія страданія, питали въ немъ его разочарованіе и ту склонность къ меланхоліи и грусти, которой съ рожденія надѣлила его природа.

Не было ни одного живого вопроса минуты, котораго бы Лермонтовъ не затронулъ вскользь и отъ котораго бы не отвернулся съ тайной досадой на свою безпомощность овладѣть имъ и съ раздраженіемъ противъ обстоятельствъ и людей, которые этотъ вопросъ запутали.

Трудно вычитать идеалы изъ книгъ, не имѣя передъ глазами самой жизни, которая своимъ живымъ, быстрымъ и шумнымъ движеніемъ рождаетъ въ умахъ людей то или другое требованіе разума и въ ихъ сердцѣ то или другое острое желаніе. Писатель на западѣ, присматриваясь къ окружавшей его дѣйствительности и разбираясь въ ней, строилъ и провѣрялъ свое міровоззрѣніе на живомъ теченіи событій. Русская жизнь шла своимъ особымъ шагомъ, и поверхность ея была въ годы, когда жилъ Лермонтовъ, такъ гладка и невозмутимо спокойна, что угадать ея насущныя, и притомъ скрытыя, потребности, умственныя и нравственныя, было дѣломъ очень труднымъ. Рѣдкіе изъ нашихъ передовыхъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, угадали эти потребности,—но Лермонтовъ не принадлежалъ къ ихъ числу. Изъ того знанія, какимъ онъ обладалъ, онъ не могъ создать себѣ хоть сколько-нибудь цѣльнаго взгляда на насущные запросы жизни. Все въ немъ было бореніе, порывъ, колебаніе и сомнѣніе. Вина была, конечно, его, но большая часть вины должна быть поставлена въ счетъ самой русской жизни того времени, которая давала такъ мало пищи умамъ и сердцамъ людей, по природѣ своей болѣе склонныхъ къ дѣйствію, чѣмъ къ тихому мечтанію.

И зла была иронія судьбы, которая такъ неожиданно прервала жизнь поэта!

Поэтъ, который съ дѣтскихъ дней мечталъ о какой-то великой дѣятельности, о героическихъ подвигахъ, въ которомъ каждое движеніе души было порывомъ и вспышкой или тоской по идеалу, писатель, откликавшійся по мѣрѣ силъ на всѣ запросы современности, оставилъ намъ въ своемъ, наиболѣе яркомъ литературномъ типѣ образъ печальнаго, разочарованнаго, озлобленнаго и совершенно безполезнаго человѣка, прожигающаго свою жизнь безъ всякой мысли о какихъ-либо идеалахъ.

Какъ могъ сложиться въ творческой фантазіи Лермонтова этотъ типъ, который несомнѣнно хранилъ частицу души самого художника?

Дѣтство и юность

I.

Свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о дѣтствѣ и ранней юности Лермонтова крайне скудны. Уединенная, замкнутая жизнь въ деревнѣ, въ кругу семьи совершенно скрыла отъ насъ тѣ первыя ступени духовнаго развитія поэта, которыя особенно цѣнны для біографа. Когда мы знакомимся съ Лермонтовымъ, какъ писателемъ, — передъ нами уже 15-лѣтній мальчикъ, съ довольно характернымъ міросозерцаніемъ и нравственнымъ обликомъ, основныя черты котораго сохраняются у него до самой смерти. Вопросъ, какимъ образомъ сложился этотъ своеобразный умъ и характеръ, какія событія внѣшней жизни повліяли на выработку такихъ, а не иныхъ склонностей и взглядовъ ребенка, долженъ остаться открытымъ и можетъ допустить лишь приблизительное рѣшеніе.

Семейная жизнь родителей Лермонтова не была счастлива. Мать вышла замужъ по любви, но противъ воли старшихъ, и поставила этимъ въ своей семьѣ себя и своего мужа въ трудное положеніе. Юрій Петровичъ, отецъ нашего поэта, былъ человѣкъ довольно легкомысленный и, повидимому, не вполнѣ достойный той жертвы, какую ему принесла его су-

пруга. Больная и нервная женщина, она умерла очень рано и ребенокъ остался на рукахъ своей бабушки, которая послѣ смерти дочери не имѣла особыхъ причинъ стѣсняться съ зятемъ. Они разссорились, и отецъ былъ вынужденъ уступить своего сына бабушкѣ и уѣхать.

Въ первые годы дѣтства вся эта семейная драма была для ребенка, конечно, тайной; но съ годами она стала ему открываться и вызвала въ немъ сильное нравственное потрясеніе. Бабушка не переставала вести постоянную войну съ зятемъ, и мальчику приходилось нерѣдко колебаться между живымъ чувствомъ къ безумно его любившей женщинѣ и чувствомъ болѣе идейнымъ, которое онъ питалъ къ своему отцу. Юрій Петровичъ наѣзжалъ лишь изрѣдка навѣстить своего сына и не рѣшался взять его къ себѣ, такъ какъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ, чтобы дать ему должное образованіе и воспитаніе.

Рѣшить семейной загадки въ чью-либо пользу ребенокъ, конечно, не могъ, и потому въ мечтахъ своихъ преувеличивалъ то свою любовь къ отцу *), то свое раздраженіе про-

---

*) Когда его отецъ скончался, Лермонтовъ посвятилъ ему стихотвореніе, въ которомъ правды, вѣроятно, было столько же, сколько и преувеличенія:

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ:
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ? Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный творцомъ?
Однакожъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты пль нѣтъ? [1831].

тивъ бабушки; онъ рисовалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ судьбу несчастнаго гонимаго родителя и въ той же степени идеализировалъ образъ своей матери. Въ самый разгаръ семейной драмы мальчику мелькнула даже мысль о самоубійствѣ. Однако, онъ искренно и всей душой любилъ свою бабушку, и если, въ своихъ поэтическихъ образахъ, иногда какъ будто хотѣлъ задѣть ее за живое, то въ письмахъ не иначе говорилъ о ней, какъ словами самой теплой любви.

Біографы часто останавливались на этой домашней семейной ссорѣ, пытаясь найти въ ней главный источникъ печальныхъ взглядовъ на жизнь, такъ рано утвердившихся въ умѣ ребенка. Нѣтъ сомнѣнія, что ненормальное положеніе въ семьѣ старило мальчика. Оно вырывало изъ его юности цѣлую свѣтлую страницу, лишало его семьи въ строгомъ смыслѣ слова, не дало расцвѣсти въ немъ цѣлому ряду чувствъ, которыя могли бы помѣшать развитію въ его душѣ излишней склонности къ меланхоліи, излишняго раздумья надъ своимъ одиночествомъ, надъ горькой участью отца, несчастіемъ матери и многими другими вопросами, слишкомъ трудными и опасными для дѣтскаго ума *).

Этотъ семейный разладъ былъ важнымъ, но зато единственнымъ мрачнымъ событіемъ въ дѣтствѣ Лермонтова. Семья, въ которой онъ остался жить, не жалѣла средствъ на то, чтобы обставить воспитаніе ребенка наилучшимъ образомъ. Мальчику была предоставлена большая свобода;

---

*) Поэтъ вообще любилъ приводить свою загадочную меланхолію въ связь съ грустными воспоминаніями объ этомъ выстраданномъ семейномъ раздорѣ. Такъ, напр., онъ писалъ:

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена;
Дочь смерти — смерть ей суждена. [1831].

деревенская жизнь помогла ему рано полюбить природу и простыхъ людей и испытать на себѣ ихъ умиротворяющее вліяніе; женское общество, изъ котораго, главнымъ образомъ, состояла его семья, развивало въ немъ много нѣжныхъ и поэтичныхъ чувствъ, хотя, быть можетъ, слишкомъ рано воспламенило его фантазію. Гувернеры разныхъ національностей постоянно поддерживали въ немъ духовные интересы и расширяли умственный кругозоръ своего воспитанника, который, живя въ глухой деревнѣ, рисковалъ утратить идейную связь съ современной ему жизнью.

Въ деревнѣ Лермонтовъ провелъ тринадцать лѣтъ, — не только свое дѣтство, но и отрочество.

Крестьянскій бытъ былъ у него передъ глазами и онъ, какъ разсказываютъ, жилъ въ довольно тѣсномъ общеніи съ простымъ людомъ.

II.

Лермонтовъ иногда вспоминалъ свое дѣтство и любилъ разукрашать его насчетъ настоящаго. Когда въ его душѣ началась тяжелая борьба идеаловъ съ дѣйствительностью и на него легла трудная обязанность найти въ этой дѣйствительности мѣсто и оправданіе своимъ неяснымъ стремленіямъ, поэтъ, нервный и раздраженный, съ грустью говорилъ о быломъ времени, когда его душевная гармонія не была, какъ ему казалось, нарушена никакимъ идейнымъ или сердечнымъ диссонансомъ.

Еще въ 1830 году, живя въ Москвѣ, онъ писалъ:

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ! [1830].

Та же мысль выражена Лермонтовымъ и въ другомъ стихотвореніи, но только болѣе поэтично. Намекая на свою „бурную“ жизнь, онъ сравнивалъ себя съ волной и говорилъ:

Волна
Ко брегу возвратиться не сильна,
Когда, гонима бурей роковой,
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей... [1831].

И въ 1833 году мы встрѣчаемся съ тѣмъ же настроеніемъ:

Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ,
Но исключая два, три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство. [1833].

Вообще же Лермонтовъ не далъ намъ въ своихъ стихотвореніяхъ подробныхъ и пространныхъ картинъ изъ своей дѣтской жизни. Онъ очень скоро сталъ предпочитать воспоминаніямъ анализъ наличныхъ ощущеній и волненій.

Такимъ образомъ, за скудостью постороннихъ свѣдѣній и въ виду молчанія самого Лермонтова, весь этотъ ранній періодъ его жизни остается для насъ полузагадкой. Мы можемъ съ увѣренностью сказать только одно, что основная черта Лермонтовскаго характера — его грусть, его меланхолія, сказалась въ немъ необычайно рано, хотя въ этотъ ранній періодъ и смѣнялась иногда проблесками болѣе свѣтлаго настроенія, которое потомъ стало исчезать очень быстро.

Эта грусть, стремленіе во всѣхъ впечатлѣніяхъ жизни отмѣчать ихъ печальную сторону, была несомнѣнно врожденной склонностью, даромъ природы, такъ какъ въ самихъ фактахъ юношеской жизни поэта—свѣта было гораздо больше, чѣмъ мрака.

Такой даръ самой природы былъ хоть и опасный и печальный, но онъ пріучалъ мальчика рано вникать въ смыслъ жизни.

Въ борьбѣ съ трудными загадками этой жизни Лермонтовъ, какъ видно по его самымъ раннимъ стихотвореніямъ, прошелъ прежде всего черезъ ту полосу „романтическаго“, неопредѣленнаго, малопродуманнаго томленія, когда земное существованіе кажется тяжкимъ бременемъ, когда грустный

юноша готовъ на словахъ „прервать токъ своей жизни“, а на дѣлѣ только начинаетъ ощущать всю прелесть ея юныхъ впечатлѣній. Жуковскій лучше всѣхъ умѣлъ нѣкогда выразить такое томленіе.

Чрезъ эту ступень развитія Лермонтовъ прошелъ очень быстро и только въ самыхъ раннихъ его стихахъ мы можемъ подмѣтить туманное стремленіе въ даль, поэтичную тоску по надземному блаженству, томленіе по какому-то лучшему міру вмѣстѣ съ огульнымъ осужденіемъ міра земного. Очень скоро эти мечты уступили мѣсто другому чувству, болѣе опредѣленному, но зато и болѣе печальному.

Мальчикъ все больше и больше привязывался къ землѣ и сталъ пристальнѣе присматриваться къ ея явленіямъ. Томиться по иному міру онъ переставалъ, но надъ міромъ земнымъ онъ произнесъ приговоръ очень строгій и мрачный.

III.

Лермонтову было тринадцать лѣтъ, когда его привезли въ Москву; здѣсь онъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, а оттуда въ университетъ, сначала на этико-политическое отдѣленіе, а затѣмъ на словесное.

Въ столицѣ поэтъ сразу попалъ въ совершенно новую для него обстановку. Вокругъ него не было ни деревенской свободы и простоты, ни природы, которую онъ такъ любилъ и чувствовалъ. Къ тому же онъ пріѣхалъ въ Москву съ несвободнымъ сердцемъ, насколько можетъ быть несвободно сердце тринадцатилѣтняго мальчика. Въ 1825 году, живя съ бабушкой на Кавказѣ, куда она ѣздила съ нимъ для поправленія его хрупкаго здоровья, Лермонтовъ испыталъ чувство первой сердечной привязанности, которое оставило глубокій слѣдъ въ его памяти.

Перемѣна обстановки и связанный съ нею наплывъ воспоминаній, всегда грустныхъ, за отсутствіемъ предметовъ, которые ихъ вызывали, частыя сердечныя вспышки, семей-

ныя ссоры отца и бабушки, принявшія въ Москвѣ особенно острый характеръ — все поддерживало въ мальчикѣ его меланхолическое, но теперь уже, временами, желчное настроеніе.

Прежній замкнутый образъ жизни рѣзко измѣнился. Приходилось сталкиваться съ товарищами, съ ихъ интересами, университетскими и иными, приходилось, наконецъ, столкнуться и съ вопросами общественными и политическими, которые въ началѣ тридцатыхъ годовъ начинали волновать русское общество.

Ко всѣмъ этимъ новымъ для него сторонамъ жизни Лермонтовъ принаровлялся туго. Изъ разсказовъ его товарищей мы знаемъ, что въ университетѣ онъ занималъ въ ихъ кругу совершенно обособленное мѣсто, друзей не имѣлъ и даже ни съ кѣмъ изъ нихъ не разговаривалъ. Вѣрны ли эти разсказы объ его угрюмомъ видѣ, объ его дерзкихъ отвѣтахъ, о постоянномъ чтеніи въ аудиторіи какой-то англійской книги,—утверждать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ держался въ сторонѣ отъ товарищей, хотя, вѣроятно, не изъ гордости или презрѣнія къ людямъ. Такое нелюдимое и угрюмое поведеніе Лермонтова объясняется отчасти тѣмъ, что поэтъ переживалъ какъ разъ въ эти годы [1829—1831] тяжелый нравственный и умственный кризисъ: цѣлый рядъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ взволновалъ сразу его умъ и душу, и онъ, по природѣ скрытный и гордый, предпочелъ разбираться въ нихъ въ тиши, не призывая никого на помощь.

Что собственно далъ Лермонтову московскій университетъ въ смыслѣ умственнаго развитія, опредѣлить трудно *).

*) Лермонтовъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ университетѣ съ иронією:

Святое мѣсто!.. Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры.
Твоихъ сыновъ заносчивые споры,

Насколько живы были тогда духовные интересы молодежи— а вѣдь рядомъ съ Лермонтовымъ на одной студенческой скамьѣ сидѣли тогда Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ, К. Аксаковъ и ихъ друзья — настолько, за весьма малыми исключеніями, мертва была въ то время рѣчь преподавателей. Лермонтовъ, избѣгая близкаго общенія съ товарищами, тѣмъ самымъ ставилъ себя и внѣ ихъ умственныхъ интересовъ.

Товарищамъ же бросалась въ глаза его свѣтская жизнь и тотъ кругъ блестящихъ барышень, въ обществѣ которыхъ онъ появлялся въ театрѣ и на балахъ. Внѣшній лоскъ молодого студента, сопоставленный съ его нелюдимымъ поведеніемъ въ аудиторіи, конечно, подавалъ поводъ обвинить его въ высокомѣріи и гордынѣ.

Страннымъ можетъ показаться, однако, что, несмотря на это видимое отчужденіе отъ общей товарищеской жизни, Лермонтовъ принялъ участіе въ извѣстномъ скандалѣ, устроенномъ студентами профессору Малову. Но какую именно роль сыгралъ Лермонтовъ въ этой расправѣ съ нелюбимымъ преподавателемъ, съ точностью неизвѣстно.

Имѣются также свѣдѣнія, что Лермонтовъ ссорился съ профессорами на экзаменахъ, а при тогдашнихъ взглядахъ на субординацію такія стычки съ начальствомъ не могли, конечно, пройти даромъ. Отразились ли онѣ непосред-

---

О Богѣ, о вселенной и о томъ
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями
Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало только восемь бьетъ часовъ
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный,
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно,
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже...

ственно на положеніи Лермонтова въ университетѣ, — неизвѣстно, но только въ 1832 году мы застаемъ поэта въ Петербургѣ со свидѣтельствомъ отъ московскаго университета въ томъ, что онъ прослушалъ двухлѣтній курсъ лекцій и выбылъ изъ числа слушателей.

IV.

Московскій періодъ въ жизни Лермонтова окончился, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Чѣмъ могъ поэтъ помянуть эти годы?

Жизнь текла однообразно, раздѣленная между семейными и свѣтскими интересами, хожденіемъ въ университетъ и домашними занятіями.

Семья и „свѣтъ“ не могли наполнить его жизни. Для свѣта Лермонтовъ былъ еще слишкомъ молодъ, а въ семьѣ, несмотря на окружавшую его всеобщую любовь, положеніе его было не изъ легкихъ.

Профессора давали мало пищи его уму, а шумная, но вмѣстѣ съ тѣмъ идейная жизнь товарищей не находила себѣ отклика.

Домашнія занятія шли зато правильно и успѣшно; юноша быстро развивался, читалъ много, размышлялъ и наблюдалъ.

Недостатокъ внѣшнихъ впечатлѣній вознаграждался, такимъ образомъ, для Лермонтова усиленной внутренней жизнью, тѣмъ анализомъ собственныхъ чувствъ и мыслей, которому онъ всецѣло отдался. Плодомъ этого анализа была очень спѣшная и напряженная литературная работа. Въ этотъ именно короткій промежутокъ времени, съ 1828 до 1832 года, Лермонтовымъ написаны всѣ многочисленныя его юношескія стихотворенія, „Демонъ“, „Измаилъ-Бей“, „Историческая повѣсть“, нѣсколько драмъ, поэмъ меньшаго размѣра, набросковъ и отрывковъ.

Мы разсмотримъ подробно всѣ эти стихотворенія и тогда передъ нами развернется очень характерное, хоть и не цѣльное, міросозерцаніе совсѣмъ юнаго философа, стремящагося преодолѣть необычайную трудность тѣхъ сложныхъ этическихъ проблемъ, на которыя жизнь его натолкнула.

Юношескія стихотворенія

I.

Когда мы, ознакомившись съ фактическими данными дѣтской и юношеской жизни Лермонтова, переходимъ къ чтенію его стихотвореній, относящихся къ этой эпохѣ, насъ поражаетъ въ нихъ несоотвѣтствіе между поэтическимъ вымысломъ автора и внѣшними фактами его жизни. Несложныя и очень обыденныя обстоятельства жизни находятся въ противорѣчіи со сложнымъ и совсѣмъ необычнымъ духовнымъ міромъ молодого поэта.

Юношескія стихотворенія Лермонтова затрогиваютъ широкій кругъ вопросовъ, и чисто житейскихъ, и вопросовъ общаго характера. Они частью скользятъ по нимъ, частью даютъ на нихъ отвѣты. Соединяя эти разрозненные отвѣты въ одно цѣлое—насколько, конечно, это возможно—мы получаемъ въ итогѣ довольно своеобразную житейскую философію. Она иногда до того безотрадна и мрачна, до того нервна и подчасъ болѣзненна, что читатель, незнакомый съ обстоятельствами жизни самого поэта, имѣетъ полное право пожалѣть гонимаго, оскорбленнаго и несчастнаго человѣка, дѣтскія впечатлѣнія котораго излились въ такихъ скорбныхъ и отчаянныхъ пѣсняхъ.

Но мы знаемъ, что Лермонтовъ не былъ ни гонимъ, ни несчастенъ, ни даже оскорбленъ. Онъ былъ отъ природы меланхоликъ, не по годамъ уменъ, очень впечатлителенъ и большой мечтатель,—уменъ прежде всего, и, конечно, этотъ перевѣсъ ума, эта способность, не довольствуясь впечатлѣніемъ, расчленять его и продолжать его въ выводахъ, сыграла не послѣднюю роль въ укрѣпленіи того печальнаго взгляда на жизнь, съ которымъ Лермонтовъ съ дѣтства сроднился. Ранній умъ старитъ ребенка и преждевременная утрата дѣтской наивности вредно отражается на немъ. Эта утрата можетъ стать источникомъ подозрительности и желчности, которая способна заставить человѣка думать, что природа его обидѣла, обошла на жизненномъ пиру, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она его слишкомъ одарила.

Біографы поэта часто говорятъ объ извѣстномъ намъ семейномъ разладѣ, о ранней смерти матери, о грустныхъ мысляхъ ребенка объ отцѣ, объ опасной болѣзни Лермонтова въ юности, о не совсѣмъ благопріятной его наружности, объ его ранней любви, которая должна была разрѣшиться въ тоскливое томленіе, однимъ словомъ, о многихъ фактахъ, печалившихъ и сердившихъ поэта. Значенія этихъ случайностей отрицать нельзя, онѣ важны и могли имѣть свое вліяніе на впечатлительную душу юноши, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ такое обыденное явленіе въ жизни многихъ людей, что едва ли могутъ быть названы настоящей причиной того мрачнаго міровоззрѣнія, которое открывается намъ въ юношескихъ стихахъ Лермонтова. Кромѣ того, всѣ эти огорченія искупались многими житейскими удобствами и теплой любовью, которой всѣ оставшіеся около поэта люди окружали его дѣтство.

Главный родникъ лермонтовскаго настроенія заключается въ самомъ душевномъ складѣ поэта, который данъ былъ ему природой, предрасполагалъ его къ ощущеніямъ извѣстнаго порядка, оберегалъ отъ другихъ и источниковъ котораго никто не уловитъ и не объяснитъ. Природа создала Лер-

монтова по существу меланхоликомъ и мечтателемъ, и мы можемъ только прослѣдить, какъ на этотъ основной фонъ ложились временами болѣе темныя или болѣе свѣтлыя краски.

Уже въ юношескихъ стихахъ Лермонтова замѣтна одна черта, которая должна была усилить въ немъ его пристрастіе къ печальному. Это была ранняя склонность анализировать умомъ свои чувства и привычка восполнять мечтой недостатокъ живыхъ впечатлѣній.

Лермонтовъ прожилъ, какъ мы знаемъ, свое дѣтство и первые годы юности въ кругу очень тѣсномъ. Какая разница, напр., съ юношескими годами Пушкина! Столица, свѣтскій салонъ отца, кружокъ талантливыхъ людей, собиравшихся въ отеческомъ домѣ, не менѣе талантливый кругъ товарищей,—все приводило молодого Пушкина въ столкновеніе съ интересами широкаго общества и съ живыми вопросами литературы. Для Лермонтова интересъ дня сосредоточивался на семейныхъ мелочахъ; общественнаго интереса у людей, его окружавшихъ, не было, вопросы литературы были вопросами книжными, а не живыми. Лермонтовъ читалъ, но не разговаривалъ съ авторами. Читалъ онъ очень много; утверждаютъ, что тринадцати лѣтъ отъ роду онъ зналъ уже почти всю русскую литературу и имѣлъ богатыя свѣдѣнія по литературамъ иностраннымъ. Такимъ образомъ, умственная жизнь юнаго поэта дѣлилась на двѣ неравныя половины: съ одной стороны, скудный и мало интересный опытъ житейскій, съ другой—богатый міръ чувствъ и мыслей, вычитанныхъ изъ книгъ. Строго разграничить эти два міра Лермонтовъ былъ, конечно, не въ состояніи, но онъ былъ слишкомъ большимъ мечтателемъ, чтобы не попытаться слить ихъ: мелочи жизни онъ пригонялъ и приноравливалъ къ тѣмъ сильнымъ и картинно выраженнымъ чувствамъ, съ которыми онъ встрѣчался въ книгахъ. Отсюда вытекла его склонность преувеличивать собственныя ощущенія,—привычка, не покидавшая его и въ зрѣлые годы.

На ряду съ этой привычкой восполнять мечтой недостаток житейскаго опыта и однообразіе переживаемыхъ ощущеній, поэтъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сильно развивалъ въ себѣ и другую склонность—расчленять разумомъ то, что онъ успѣвалъ схватить своимъ чувствомъ. Въ сущности, разладъ между дѣйствительностью и мечтой, разгоряченной чтеніемъ, былъ такъ великъ, что многія неиспытанныя чувства пришлось уяснять себѣ разумомъ; и многія испытанныя ощущенія добавлять тѣмъ же разумомъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими на тѣ, съ которыми умъ поэта успѣлъ уже освоиться въ книгахъ. Эта способность оказала свое опасное вліяніе на развитіе прирожденной поэту грусти. Дѣйствительно, самые естественные и обыденные мысли и чувства, отданные во власть безпощадному анализу, могутъ привести человѣка къ самымъ безотраднымъ и пессимистическимъ выводамъ, въ особенности, если этотъ человѣкъ такъ юнъ, что не имѣетъ за собой никакой жизненной опытности, никакихъ установившихся убѣжденій и, кромѣ того, по природѣ своей склоненъ къ меланхоліи. Такимъ образомъ, чувство семейной горечи могло привести поэта къ отрицанію всякихъ нравственныхъ основъ семейной жизни; чувство дѣтской обманутой дружбы къ непризнанію въ людяхъ вообще какихъ бы то ни было благородныхъ чувствъ: недовольство ребенкомъ-женщиной къ цѣлой теоріи женскаго коварства; смутное сомнѣніе въ своихъ силахъ къ бреду о собственномъ ничтожествѣ. Юношескія стихотворенія Лермонтова даютъ намъ разительный примѣръ такихъ умозаключеній, вытекавшихъ изъ неизбѣжныхъ мелкихъ неудачъ и разочарованій ежедневной жизни, замкнутой въ себѣ и предоставленной на произволъ логическаго анализа, лишеннаго всякой житейской опытности.

Меланхолическій темпераментъ, однообразная и огражденная почти со всѣхъ сторонъ жизнь, раннее усиленное чтеніе, попытка привести это чтеніе въ связь съ тѣмъ, что удалось испытать на дѣлѣ, и сильная склонность къ рефлек-

сіи,—вотъ тѣ условія, при которыхъ міросозерцаніе ребенка и юноши получило скорбную не по его лѣтамъ окраску.

II.

Прислушаемся къ словамъ поэта. Въ своихъ юношескихъ стихахъ, въ безчисленныхъ варіаціяхъ, повторяетъ Лермонтовъ все одну и ту же пѣсню объ одиночествѣ, грусти и унынiи. Иногда это простое признаніе въ томъ, что „духъ его страждетъ и груститъ“, что „унынія печать лежитъ на немъ, потерявшемъ свои златыя лѣта“. „Отчаянія порывъ“ тогда охватываетъ его; онъ даже не можетъ плакать и „страдаетъ безъ всякихъ признаковъ страданья“; онъ—„воздушный одинокій царь“ и „года, какъ сны, передъ нимъ уходятъ“.

Иногда это красивыя поэтическія сравненія. Поэтъ—какъ „постигнутый молніей лѣсной пень, который догораетъ, гаснетъ, теряетъ жизненный сокъ и не питаетъ своихъ мертвыхъ вѣтвей“, онъ „какъ пловецъ среди бури устремляетъ угасшій взоръ на тучи и молчитъ, среди крика ужаса, моленья и скрипа снастей“. Онъ живетъ какъ „камень межъ камней, скупясь излить свои страданія“; онъ—„кустъ, растущій надъ морской бездной“, „листъ, оторванный грозой и плывущій по произволу странствующихъ водъ“. Зачѣмъ ему жизнь?—ему, который „не созданъ для людей“?

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.
Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.
Молю о счастіи, бывало...
Дождался наконецъ -
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ.
Какъ замка, мрачнаго, пустого,
Ничтожный властелинъ. [1830].

Любовная связь между нимъ и людьми порвана. Въ его сердцѣ нѣтъ состраданія:

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ? [1831].

Да и за что̀ любить людей? лучше забыть ихъ. Постараться—

Чтобъ бытія земного звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки,
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ. [1831].

И что такое жизнь?—чаша обмана:

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами,
Когда же, передъ смертью, съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,
Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она не наша! [1831].

Не лучше ли стать „уединеннымъ жильцомъ шести досокъ“ и протянуть дружественно руку смерти? Смерть—сколько въ ней отрады!

Оборвана цѣпь жизни молодой.
Оконченъ путь, билъ часъ—пора домой!
Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ,
Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ.
Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей,
Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ
И сердце въ тѣсномъ домѣ гробовомъ
Не чувствуетъ, что червь его грызетъ.
Пора, усталъ я отъ земныхъ заботъ.
Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
Ужели пытки безполезныхъ думъ,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая отъ мудрости глупа,
Ужели дѣвъ коварная любовь
Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой попрежнему страдать
И столько же любить? Всесильный Богъ,
Ты зналъ, я далѣе терпѣть не могъ!
Пускай меня обхватить цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться, я радъ, я радъ
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
Но только дальше, дальше отъ людей! [1830].

Наивенъ будетъ, конечно, тотъ біографъ, который повѣритъ этимъ словамъ юноши и подумаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ готовъ кончить всѣ счеты съ жизнью. Но присутствіе этихъ стоновъ и жалобъ въ юношескихъ тетрадяхъ Лермонтова всетаки знаменательно. Стихи искренни и одна сторона его „я“ въ нихъ безспорно отразилась. Всѣ эти строфы—отголосокъ одного неразрѣшеннаго, но разрубленнаго, если такъ можно выразиться, вопроса: стоитъ ли любить людей и желать съ ними единенія?

Этотъ вопросъ получаетъ болѣе полное, но опять-таки насильственное рѣшеніе въ тѣхъ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ говоритъ уже не о

стоимости жизни вообще, а о цѣнности нѣкоторыхъ чувствъ, наиболѣе его возрасту доступныхъ—о цѣнности любви и дружбы.

III.

Въ одномъ стихотвореніи поэтъ признается, что въ виду трудности задачи бытія, онъ рѣшился нѣсколько упростить ее:

О, мой Отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разныые пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ:
Онъ сдѣлалъ то, *что въ женскомъ сердцѣ я*
Хотѣлъ сыскать отраду бытія. [1831].

Съ этимъ обращеніемъ къ женскому сердцу, какъ спасительной пристани отъ всѣхъ мучительныхъ вопросовъ, мы переходимъ къ новой чертѣ Лермонтовскаго характера, которая и усладила, и отравила ему впечатлѣнія его молодой жизни. Мы говоримъ о влюбчивости поэта.

Самъ Лермонтовъ былъ очень откровененъ въ своихъ признаніяхъ:

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ какъ ледъ
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану—можетъ быть. [1830].

Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ . . .

О, когда-бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все-бъ въ новый блескъ одѣлось . . . . [1831].

Такихъ любовныхъ признаній очень много въ юношескихъ тетрадяхъ поэта. Во всѣхъ, и веселыхъ, и печальныхъ стихотвореніяхъ высказана одна и та же мысль,— мысль о томъ, что единственнымъ спасеніемъ и утѣшеніемъ въ его страдальческой жизни была эта страсть, рано въ немъ проснувшаяся *) и дорогая ему, несмотря на всѣ

*) Если вѣрить Лермонтову, то онъ впервые влюбился, имѣя 10 лѣтъ отъ роду. Вотъ что онъ занесъ въ свою тетрадку:

1830 г. 8 іюля. Ночь.

Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?— Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату; я не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе [теперь я забылъ его], какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца, дрожащій голосъ не объяснилъ другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію — это было бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.— Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ. О, эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще—

разочарованія. Лермонтовъ былъ искрененъ, когда говорилъ о силѣ и благотворномъ вліяніи этой страсти. Дѣйствительно, его разсудокъ, разлагавшій почти всѣ его чувства, имѣлъ менѣе всего власти надъ этимъ чувствомъ: сколько разъ поэтъ считалъ себя обманутымъ въ любви, сколько разъ терялъ вѣру въ ея постоянство, но тѣмъ не менѣе, въ силу своей влюбчивой природы, онъ всегда находился подъ ея обаяніемъ.

Лермонтовъ, какъ Донъ-Жуанъ, любилъ, кажется, самую любовь больше женщинъ.

Въ любви нашъ поэтъ былъ такой же мечтатель, какъ и во всемъ другомъ. Влюбляться ему, конечно, приходилось пока въ своихъ сверстницъ; онѣ подростали, становились барышнями, онъ оставался мальчикомъ и могъ играть при нихъ только роль повѣреннаго или шафера. Эта роль, конечно, сердила и огорчала поэта, который вдобавокъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что наружность его привлекательна. Онъ сталъ считать естественное развитіе женскихъ чувствъ черной измѣной и обманомъ; увлекался попрежнему, но не упускалъ случая, при каждомъ новомъ любовномъ порывѣ, нарисовать себѣ картину его печальныхъ послѣдствій. Вотъ почему въ его любовныхъ мотивахъ къ гимну любви всегда примѣшивается печальная мелодія отвергнутаго или обманутаго сердца. Сколько нелестныхъ эпитетовъ сказалъ онъ въ своихъ стихахъ по адресу женщинъ! Онъ спрашивалъ, „видѣлъ ли кто-нибудь женщинъ „благодарныхъ“? Женщина и измѣна были для него часто синонимами; передъ нимъ все мелькалъ ликъ невѣрной дѣвы. Онъ испыталъ, „какъ измѣнять способны даже ангелы“; онъ состарился отъ первой любви, онъ грозилъ, что изъ гроба явится на

плакать. — Говорятъ [Байронъ], что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки.

Лермонтовъ полюбилъ второй разъ, когда ему было 12 лѣтъ. См. стихотвореніе «Къ Генію» 1829 г.

мрачное свиданіе къ измѣнницѣ; и много говорилъ онъ такого, что̀ онъ позднѣе зачеркивалъ въ своихъ тетрадяхъ или отмѣчалъ словомъ „вздоръ“. Но когда онъ писалъ эти строфы, онъ все это чувствовалъ, и иногда такъ глубоко, что чувство выливалось въ настоящую художественную форму. Какъ хорошо, напр., стихотвореніе въ прозѣ, озаглавленное имъ „Солнце осени“:

Люблю я солнце осени, когда
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь.
Оно кидаетъ блѣдный мертвый лучъ
На дерево, колеблемое вѣтромъ,
И на сырую степь. Люблю я солнце!
Есть что-то схожее въ прощальномъ взглядѣ
Великаго свѣтила съ тайной грустью
Обманутой любви; не холоднѣй
Оно само собою, но природа
И все, что можетъ чувствовать и видѣть,
Не могутъ быть согрѣты имъ. Такъ точно
И сердце: въ немъ все живъ огонь, но люди
Его понять однажды не умѣли,
И онъ въ глазахъ блеснуть не долженъ вновь,
И до ланитъ онъ вѣчно не коснется.
Зачѣмъ вторично сердцу подвергать
Себя насмѣшкамъ и словамъ сомнѣнья? [1831].

Всѣ помнятъ, конечно, и знаменитое стихотвореніе „Нищій“:

У вратъ обители святой
Стоялъ—просящій подаянья.
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку.
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!
Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою. [1830].

Насколько чувство самой любви пробуждало въ Лермонтовѣ порывъ восторга, настолько его недремлющій умъ умѣ-

рялъ этотъ восторгъ печальнымъ раздумьемъ; тѣмъ не менѣе правдивость чувства оставалась и, несмотря на всю свою меланхолію, Лермонтовъ никогда не могъ сказать, что онъ въ любви разочаровался и сталъ ей недоступенъ. Напротивъ того, онъ былъ слишкомъ доступенъ ей и, зная свою слабость, защищался противъ нея притворнымъ хладнокровіемъ и презрѣніемъ. Забыть своей любви онъ не могъ и говорилъ:

Я не люблю тебя: страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ,
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ! [1830].

И этому Богу онъ въ юные годы, кажется, чаще всего молился.

Нельзя сказать, однако, что эта молитва всегда его утѣшала. И въ ней звучалъ вопросъ, — да стоитъ ли любить, когда столько страданій сопряжено съ этой радостью? А за этимъ вопросомъ слѣдовалъ другой—почему люди бываютъ такъ злы и жестоки, и если они таковы, то не лучше ли отъ нихъ отвернуться? Даже если они отвѣчаютъ любовью на любовь, то и тогда не предпочесть ли одиночество:

Безъ друга лучше дни влачить
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться. [1830].

И Лермонтовъ какъ будто слѣдовалъ иногда этому жестокому правилу, если не въ любви къ женщинѣ, то въ дружбѣ.

Въ годы, когда зрѣлъ талантъ Лермонтова, культъ дружбы, въ стихахъ по крайней мѣрѣ, былъ особенно развитъ. Но въ стихотвореніяхъ нашего молодого пессимиста такихъ мотивовъ почти совсѣмъ нѣтъ; есть два-три стихо-

творенія, въ которыхъ онъ прощается съ чувствомъ дружбы, и нѣтъ такого, въ которомъ бы онъ ее привѣтствовалъ.

Кажется, что и на самомъ дѣлѣ у него въ тѣ годы близкихъ друзей-сверстниковъ не было... это очень характерно.

Итакъ, анализъ ума коснулся и этихъ двухъ чувствъ, столь естественныхъ и столь наивныхъ въ юношескомъ возрастѣ. Любовь и дружба вмѣсто того, чтобы отвѣчать на запросы ума и сердца, какъ это обыкновенно въ юности бываетъ, сами ставили молодому философу труднѣйшій вопросъ о своемъ нравственномъ оправданіи.

IV.

Если встрѣча съ людьми вызывала такую тревогу въ юной душѣ Лермонтова, то можно было предположить, что хоть природа окажетъ на него успокаивающее вліяніе. Онъ любилъ природу, и — если судить по его стихотвореніямъ — то въ юные годы не меньше, чѣмъ въ зрѣлые. Созерцаніе ея безспорно его умиротворяло. Онъ улавливалъ неоднократно контрастъ между ея покоемъ и людской тревогой — мчался ли онъ „на лихомъ конѣ, при лунѣ, въ ущельяхъ горъ иль средь степей“, упрекая себя въ томъ, что человѣкъ „на своемъ конѣ хочетъ оспаривать у природы ея владычество — спокойное и красивое“; глядѣлъ ли онъ на кавказскія вершины и оплакивалъ ихъ вольность, думая о томъ, какъ „пещеры и скалы услышатъ крикъ страстей, звонъ славы, цѣпей и злата“.

Кавказъ въ особенности поразилъ Лермонтова своей дикой красотой, въ которой буря и покой такъ таинственно сливались *) Толпы звѣздъ и ночные своды казались ему зало-

*) Въ юношескихъ тетрадяхъ Лермонтовъ въ такихъ строкахъ изъяснялся въ любви къ этому краю, послѣ перваго своего знакомства съ нимъ.

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали;

гомъ какихъ-то обѣщаній Божіихъ, хотя онъ и чувствовалъ, что ему не придется быть свидѣтелемъ ихъ исполненія.

Въ сущность этихъ Божіихъ обѣщаній поэтъ тогда еще не вникалъ: дума о Богѣ пришла къ нему позднѣе. Въ юные годы онъ въ стихахъ не молился и только разъ просилъ у Всесильнаго прощенія въ томъ, что онъ, поэтъ, любитъ „мракъ земли съ ея страстями, что рѣдко къ нему въ душу входитъ струя живыхъ Божіихъ рѣчей, что лава вдохновенія клокочетъ въ его груди, что дикія волненія мрачатъ его очи и онъ въ пѣсняхъ молится, но только не Богу“. Онъ просилъ Бога „угасить въ немъ даръ вдохновенія, преобратить его сердце въ камень“ и обѣщалъ тогда обратиться на тѣсный путь спасенія. Поэтъ, очевидно, представлялъ себѣ Бога слишкомъ ревнивымъ и жестокимъ. Но не всегда. Иногда казалось ему, что и Богъ любитъ пѣсню и разрѣшаетъ своимъ ангеламъ полуночи пѣть ихъ, когда они

вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю объ васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею!—Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, и въ розовый блескъ одѣваясь, они, между тѣмъ какъ внизу все темно, возвѣщали прохожему утро, и розовый цвѣтъ ихъ подобился цвѣту стыда: какъ будто дѣвицы, когда вдругъ увидятъ мужчину, купаясь, и такъ оробѣютъ, въ такомъ ужъ смущеньи, что бѣлой одежды накинуть на грудь не успѣютъ. Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! Тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое, иль по краямъ тропы виноградникъ шумящій въ ущельи и путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываясь пѣной, бѣжитъ безъименная рѣчка, и выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла... Врагъ ли коварный иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно;
Воїна ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы и чистятъ оружье.
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая
Душою – желающей, южной, съ цѣпями судьбы незнакомой! [1830].

несутъ въ своихъ объятьяхъ младую душу, которая въ мірѣ слезъ и печали осуждена томиться и сквозь сонъ души, среди скучныхъ пѣсенъ земли, вспоминать о пѣснѣ небесной.

Были же мирныя, хоть и печальныя чувства, которыя природа и Богъ вселяли въ это тревожное сердце!

V.

Но тревога этого сердца не унималась; она, напротивъ, того возрастала, и поэтъ отчетливо понималъ, что всѣ мечты объ уединеніи, объ одиночествѣ, о бѣгствѣ отъ людей совершенно не совмѣстимы съ его темпераментомъ, который „ищетъ бури“. Ему самому было ясно, что покой, о которомъ онъ вздыхалъ—есть отрицаніе всей его душевной и духовной сущности. Недаромъ онъ говорилъ, что его настоящее „облито чудными страстями“, недаромъ хотѣлъ онъ назваться „братомъ бури“. „Невинная любовь не льстила его душѣ“; онъ „искалъ измѣнъ“ и новыхъ чувствъ, которыя своей „колкостью оживили бы его кровь, угасшую отъ грусти“. „Печаленъ степи видъ“—писалъ онъ въ одной изъ своихъ раннихъ поэмъ [„Джуліо“].

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитается летучій аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаете березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой:
Такъ жизнь скучна, когда бореній нѣтъ; [1830].

И если жизнь дана, то пусть она бьетъ ключемъ:

Источникъ страсти есть во мнѣ
Великій и чудесный;
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность—ликъ небесный.
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ,
И небо надъ водами
Одѣто облаками.

Родится съ жизнью этотъ ключъ
И съ жизнью исчезаетъ.
Въ иномъ онъ слабъ, въ другомъ могучъ,
Но всѣхъ онъ увлекаетъ.
И первый счастливъ; но такой
Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій. [1831].

И нельзя же было поэту помириться съ праздным покоемъ, когда онъ самъ сознавалъ, что онъ одаренъ „дѣятельнымъ геніемъ“ и вѣрилъ, что этотъ геній пробьется сквозь всѣ испытанія. Про свое сердце Лермонтовъ говорилъ:

Что въ немъ живетъ, то въ немъ глубоко.
Я чувствую, судьба не умертвитъ
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній,
Но что его на свѣтѣ сохранитъ
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ наслажденій,
Отъ истощительныхъ страстей,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній непонятныхъ
Умомъ посредственныхъ людей...
[Которые не понимаютъ того человѣка],
Кто въ грудь втѣснить желалъ бы всю природу
Кто силится купить страданіемъ своимъ,
И гордою побѣдой надъ земнымъ,
Божественной души безбрежную свободу. [1831].

Торжествовать гордую побѣду надъ земнымъ — таково было нескромное желаніе поэта; и оно не было минутнымъ капризомъ его настроенія. Лермонтовъ былъ убѣжденъ, что онъ призванъ свершить нѣчто великое.

VI.

Мы напрасно стали бы искать какой-нибудь опредѣленной программы въ этихъ неясныхъ порывахъ молодой фантазіи „къ великому“. Голова мальчика, разгоряченная раннимъ чтеніемъ книгъ, по преимуществу романтическаго содержанія, бредила рыцарскими подвигами, мечтала о Шот-

ландіи *), о Кавказѣ и его герояхъ, о древней Руси съ ея богатырями, о Римѣ, о морскихъ разбойникахъ, — однимъ словомъ, обо всемъ, на чемъ только лежала печать внутренняго или внѣшняго величія. Понятно, что поэтъ, и наслаждался этимъ міромъ, и жилъ въ немъ какъ его воображаемый участникъ, какъ его герой.

Но сама жизнь охлаждала на каждомъ шагу эту чрезмѣрно пылкую фантазію, и ранняя меланхолія находила себѣ новую пищу въ дисгармоніи мечты и дѣйствительности. Несмотря на всѣ разочарованія, мечта Лермонтова никогда не

*) Этой далекой своей родинѣ [поэтъ велъ свой родъ отъ шотландскихъ рыцарей] Лермонтовъ посвятилъ одно изъ самыхъ граціозныхъ своихъ юношескихъ стихотвореній:

Желаніе.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ —
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ.
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной! [1831].

желала признать себя побѣжденной. Она успѣла пустить глубокіе корни въ сердцѣ поэта. Постоянное желаніе быть участникомъ великихъ дѣлъ, хотя бы и неясныхъ, повлекло за собою увѣренность въ томъ, что этотъ сонъ долженъ осуществиться. Мысль объ осуществленія его совпала у Лермонтова съ мыслью о собственномъ призваніи. Поэтъ не скрывалъ своихъ гордыхъ думъ. Онъ открыто признавался, что ищетъ славы, что хочетъ во всемъ дойти до совершенства, что онъ страдаетъ оттого, что въ настоящемъ все не такъ, какъ бы ему хотѣлось... отъ чувствовалъ въ себѣ темпераментъ бойца и въ своихъ стихотвореніяхъ часто говорилъ о бойцѣ-воинѣ и бойцѣ-поэтѣ. Онъ самъ себѣ пророчилъ эту славную будущность и былъ очень нескроменъ, когда говорилъ о своемъ призваніи:

Для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не поймемъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. . . . .

Невѣдомый пророкъ мнѣ обѣщалъ безсмертіе. . . . .

Отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ. . . . . [1831].

Лермонтовъ намъ не сказалъ, что́ именно желалъ онъ совершить достойнаго безсмертія и величія. Каждый разъ, когда онъ касался этого вопроса, онъ обходилъ его въ общихъ выраженіяхъ; онъ только боялся, что не успѣетъ совершить „чего-то“. Это „что-то“ остается неуловимымъ призракомъ, который преслѣдуетъ и Лермонтова, и всѣхъ его героевъ. Всегда имъ кажется, что они дѣлаютъ не то, что̀ слѣдуетъ, что прожигаютъ жизнь даромъ.

Въ годы, о которыхъ мы говоримъ, Лермонтовъ отдавался этимъ мечтамъ о своемъ великомъ призваніи съ легковѣріемъ ребенка, хотя каждый приливъ такихъ героическихъ

чувствъ былъ неразрывно связанъ съ такимъ же наплывомъ сомнѣнья. Мечтая о высокомъ и великомъ призваніи, поэтъ ежеминутно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что всѣ эти мечты, быть можетъ, не болѣе какъ мечты,—плодъ его разгоряченной фантазіи, что то великое, къ которому онъ стремится, останется для него недостижимымъ, что онъ, сдѣлавъ попытки къ его достиженію, успѣетъ только перейти за предѣлы той общей нормальной жизни, какой живутъ окружающіе его люди, успѣетъ навлечь на себя ихъ недовольство, проклятіе, будетъ заклейменъ ими и отвергнутъ, непонятъ и даже „казненъ“ *). Фантазія Лермонтова вообще не была скупа на темныя краски, и потому разъ только ему запала въ голову мысль, что онъ будетъ гонимъ людьми за его высокіе идеалы, за его стремленіе къ великимъ, хотя и туманнымъ подвигамъ, онъ не замедлилъ развить эту мысль до ея послѣднихъ крайностей.

Онъ вырисовывалъ цѣлую картину нравственныхъ и физическихъ мученій, дѣйствующимъ лицомъ которой являлся онъ самъ. Понятно, что эта картина была имъ придумана, а не выстрадана, почему юношескіе стихи Лермонтова, въ которыхъ попадаются эти страшные кошмары, и носятъ на себѣ слѣды дѣланности и вычурности. Мы приведемъ для примѣра наиболѣе характерныя выдержки, гдѣ основная мысль о жалкой и страшной участи, которая ожидаетъ поэта, выражена наиболѣе ярко:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ. [1831].

*) О комъ вспоминалъ онъ при этихъ думахъ о казни?

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный
Я кончу жизнь мою. [1830].

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей. . . . [1830].

Прочитавъ эти и подобныя имъ тирады, мы можемъ сказать Лермонтову словами одного изъ его героевъ: „Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для бо̀льшаго романтизма!“ —и мы будемъ правы, но лишь отчасти. Эти мрачныя картины были, дѣйствительно, химеры, какъ и тѣ свѣтлыя мысли о великомъ призваніи, которыя ихъ вызывали. Но въ нихъ была и истина.

Что̀ такое въ сущности эти мечты, какъ не поэтическое преувеличенное выраженіе вполнѣ понятнаго желанія поэта жить дѣйствуя и вліяя на жизнь,—желанія, чтобы жизнь считалась съ нимъ какъ съ живой силой? Что Лермонтовъ, при всемъ своемъ пессимизмѣ, искалъ такого сближенія съ жизнью и людьми, и что онъ — насколько ему позволяли его годы и условія жизни — зорко слѣдилъ за тѣмъ, что̀ на землѣ, вблизи его и вдали его, творилось — на это есть прямыя указанія въ его юношескихъ стихотвореніяхъ.

VII.

Въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ своихъ стихотвореній [„Ночь“], обращаясь къ смерти, Лермонтовъ говорилъ:

Ахъ! и меня возьми—земного червя,
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!..

Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!.. [1830].

Но онъ говорилъ то, чему самъ не вѣрилъ, потому что въ этомъ проклятіи землѣ звучала въ сущности большая любовь къ ней. Прежде чѣмъ просить смерть раздробить землю, онъ признавался самъ себѣ:

Одно
Сомнѣнье волновало грудь мою,
Послѣднее сомнѣнье! Я не могъ
Понять, какъ можно чувствовать блаженство
Иль горькія страданія далеко
Отъ той земли, гдѣ первый разъ я понялъ,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Гдѣ жадно я искалъ самопознанья
Гдѣ столько я любилъ и потерялъ.

Искренность этихъ послѣднихъ словъ подтверждается и другими стихотвореніями. Припомнимъ одно, очень характерное [„Земля и небо“]:

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно.
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно.
О надеждахъ и мукахъ былыхъ вспоминать
Въ насъ тайная склонность кипитъ;
Насъ тревожитъ невѣрность надежды земной,
А краткость печали смѣшитъ.
Страшна въ настоящемъ бываетъ душѣ
Грядущаго темная даль...
Мы блаженство желали-бъ вкусить въ небесахъ,
Но съ міромъ разстаться намъ жаль.
Что во власти у насъ, то пріятнѣе намъ:
Хоть мы ищемъ другого порой,
Но въ часъ разставанья мы видимъ яснѣй,
Какъ оно породнилось съ душой. [1831].

Иногда эта же мысль выражена у Лермонтова нѣсколько туманно:

Стремится медленно толпа людей
До гроба самаго отъ самой колыбели,

Игралище и рока, и страстей,
Къ одной святой, непзъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые:
Но мнѣ милѣй страданія земныя —
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ!.. [1829].

а иногда и совсѣмъ ясно:

Не ищи страстей тяжелыхъ
И, покуда Богъ даетъ,
Нектаръ пей часовъ веселыхъ,
А печаль сама придетъ.
И, людей не призирая,
Не берись учить другихъ.
Лучшимъ быть не воображая,
Скоро ты полюбишь ихъ. [1830].

Но одной любви мало для того, кто жаждетъ великаго подвига. Надо же знать, на что направить эту любовь, съ какимъ сочетать ее дѣйствіемъ?

Мы, конечно, не потребуемъ отъ юноши, чтобы онъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ вполнѣ опредѣленно. Достаточно будетъ, если онъ себя подготовитъ къ этому рѣшенію, выяснивъ себѣ, съ чѣмъ именно онъ въ жизни несогласенъ. А какъ бороться съ тѣмъ, что̀ считаешь зломъ, какой избрать путь для подвига — это должна указать сама жизнь, если только она протечетъ въ условіяхъ, благопріятныхъ для этихъ поисковъ и не оборвется слишкомъ рано.

VIII.

И Лермонтовъ, съ раннихъ лѣтъ торопился развить въ себѣ строгое критическое отношеніе къ жизни. Его юношескій взглядъ на жизнь былъ значительно шире, чѣмъ можно было предполагать, судя по впечатлѣніямъ, какія ему могла дать замкнутая обстановка, въ которой онъ выросъ. Оказывается, что Лермонтовъ рано успѣлъ задуматься не только надъ общими этическими вопросами, но вдумывался

и въ вопросы общественно-политическіе, отъ которыхъ казалось, жизнь держала его въ такомъ отдаленіи.

Въ его юношескихъ тетрадяхъ не мало замѣтокъ и стиховъ, въ которыхъ онъ касается политическихъ событій своего времени. Сужденія его о нихъ самыя либеральныя, для тѣхъ годовъ даже очень смѣлыя. Есть рѣзкая выходка противъ „тирана“ Аракчеева [„Новгородъ„ 1830], весьма непочтительная сатира по адресу королей [„Пиръ Асмодея“ 1830] и малопонятное предсказаніе для Россіи какого-то чернаго года, чуть ли не возвращенія пугачевщины [„Предсказаніе“ 1830] *). Пусть все это незрѣло и непродумано, но очевидно, что мысль Лермонтова начинала работать въ этомъ направленіи очень рано, и нѣкоторыя его позднѣйшія стихотворенія, заподозрѣнныя въ либерализмѣ, были, какъ видимъ, не капризомъ, а плодомъ уже долгаго раздумья.

Есть въ юношескихъ тетрадяхъ поэта также два стихотворенія, посвященныя іюльской революціи—оба восторжен-

---

*) Предсказаніе.

это мечта.

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда . . . . . упадетъ;
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ, мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать:
И зарево окраситъ волны рѣкъ:
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь, и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ:
И горе для тебя! твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ;
И будетъ все ужасно, мрачно въ немъ,
Какъ видъ его съ возвышеннымъ челомъ.

ныя и полныя радикальнаго духа, хотя слабыя по выполненію.

Есть одно стихотвореніе, очень умное и красивое—привѣтъ какому-то пѣвцу, который былъ изгнанъ изъ страны родной, но очевидно не за любовь свою къ Музамъ:

Изгнаньемъ изъ страны родной
Хвались повсюду, какъ свободой.
Высокой мыслью и душой
Ты рано одаренъ природой,
Ты видѣлъ зло и передъ зломъ
Ты гордымъ не поникъ челомъ.
Ты пѣлъ о вольности, когда
Тиранъ гремѣлъ, грозили казни.
Боясь лишь вѣчнаго Суда,
И чуждый на землѣ боязни,
Ты пѣлъ, и въ этомъ есть краю
Одинъ, кто понялъ пѣснь твою.

Наконецъ, есть „Монологъ“ — печальное размышленіе надъ нашей русской жизнью—первый набросокъ знаменитой „Думы“: „Печально я гляжу на наше поколѣнье“. Этотъ „монологъ“ обнаруживаетъ въ авторѣ большую силу ума и наблюдательности: „Повѣрь,—пишетъ онъ—

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ. [1829].

Если вникнуть въ эти первые гражданскіе мотивы Лермонтовской поэзіи, то придется согласиться, пожалуй, что не такъ уже незрѣлъ и неопытенъ былъ умъ нашего молодого пессимиста.

Впрочемъ, можемъ ли мы его назвать этимъ именемъ?

IX.

Что̀ если, развернувъ его тетради, мы встрѣтимся съ жизнерадостными мыслями? А такія попадаются.

Иногда эта жизнерадостность является съ примѣсью ироніи:

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ,
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ,
Что добродѣтель не названье,
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!..
Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній. [1831].

Иногда съ примѣсью горечи и печали:

Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..
Къ нимъ станутъ [какъ всегда могли]
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной. [1830].

Иногда въ самой чистой своей формѣ, незапятнанной никакимъ сомнѣніемъ [„Мой домъ“]:

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ,
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ
И для поэта онъ не тѣсенъ.
До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ
И отъ одной стѣны къ другой
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.
Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка,
Святое вѣчности зерно:
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.
И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ,
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ. [1830].

Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу-бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что̀ не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,

Когда-бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?
Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь. [1831].

Что такое всѣ эти порывы радостныхъ и радужныхъ чувствъ, какъ не возраженіе самому себѣ на слишкомъ поспѣшные печальные выводы изъ житейскихъ впечатлѣній? Но счесть ихъ за конечную поправку этихъ печальныхъ выводовъ нельзя: поэтъ можетъ отъ такихъ мирныхъ и свѣтлыхъ мыслей каждую минуту отречься.

X.

Такъ сбивчивы, противорѣчивы, недосказаны и невыношены всѣ сужденія юнаго Лермонтова о жизни и людяхъ. Передъ нимъ рядъ загадокъ, которыя поэтъ стремится рѣшить во что бы то ни стало. Рѣшеніе, какое онъ даетъ имъ, иногда повышаетъ въ немъ симпатичныя и радостныя чувства, иногда, наоборотъ, вызываетъ самыя печальныя и злобныя. Эта смѣна настроеній повергаетъ его въ большую тревогу и опасеніе, что онъ никогда не рѣшитъ трудной задачи, никогда яснаго пути передъ собой не увидитъ. Его пѣсня настроена тогда на искренній, очень печальный мотивъ. Такой мотивъ красиво развитъ въ стихотвореніи „Н. Ф. И....вой“.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.
Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочти сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и съ буйными страстями;
Но взоръ спокойный, чистый, твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.
Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился:
Однакоже нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился:
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что̀ обѣщалъ намъ Богъ
И что̀ бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы.
Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ.
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ, печальной цѣли. [1830].

Среди юныхъ стихотвореній Лермонтова сохранилась одна весьма откровенная исповѣдь, въ которой поэтъ какъ будто бы хотѣлъ сомкнуть въ одно цѣлое всѣ волновавшія его въ тѣ годы чувства и мысли. Исповѣдь эта озаглавлена „1831 года, іюля 11“, и съ нѣкоторыми строками изъ нея мы уже знакомы.

Вспомнимъ ее частями, чтобы закруглить словами самого поэта все уже сказанное объ его юношескихъ мечтахъ, думахъ и настроеніяхъ. Лермонтовъ писалъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,

Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

. . . . . .

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

. . . . . .

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Доволно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь,
Хоть тѣнь ихъ, перелить въ другую грудь.

. . . . . .

Извѣстность, слава, что онѣ?—А есть
У нихъ и надо мною власть: онѣ
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

. . . . . .

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что̀ въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно?

. . . . . .

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя

Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ—и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить, какъ я—порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.
. . . . . .
Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты Богъ, или злодѣй...
. . . . . .
Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что̀ значитъ отдыхать.
. . . . . .
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-же? Мнѣ жизнь какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.
. . . . . .
Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
. . . . . .
Я къ состоянью этому привыкъ.
. . . . . .
Я предузналъ мой жребій, мой конецъ

И грусти ранняя на мнѣ печать
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ.
Но равнодушный міръ не долженъ знать
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.
. . . . . .
Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.
. . . . . .
И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду снова не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій членъ,
. . . . . .
И мой курганъ.—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей.

Исповѣдь очень туманная, какъ видимъ; рядъ ощущеній мимолетныхъ, рядъ набѣжавшихъ мыслей и картина близкой смерти, которая должна разрѣшить всю эту путаницу. Яснаго сознанія прожитаго момента нѣтъ, нѣтъ и никакихъ видовъ на будущее. Сумерки души—какъ говоритъ поэтъ. И, дѣйствительно, такія сумерки лежали тогда надъ душой Лермонтова.

Да и могло ли быть иначе, когда самые трудные этиче-

скіе вопросы жизни обступали молодой умъ и онъ въ рѣшеніи ихъ долженъ былъ полагаться на впечатлѣнія минуты? И минутами поэтъ, и любилъ людей, и ненавидѣлъ ихъ, и искалъ ихъ встрѣчи, и сторонился отъ нихъ. Минутами вѣрилъ, что ради нихъ призванъ дѣйствовать, затѣмъ не вѣрилъ въ свое призваніе; минутами проклиналъ міръ, а затѣмъ пророчилъ ему счастливую будущность.

Во всѣхъ этихъ колебаніяхъ и противорѣчіяхъ было только одно постоянное—ощущеніе боли отъ растерянности передъ этическими требованіями, которыя ставишь себѣ самому и окружающимъ людямъ.

Учителя и книги

I.

Высказывалось иногда мнѣніе, что взгляды и чувства, выраженныя въ юношескихъ стихахъ Лермонтова—чувства напускныя и мысли заимствованныя. У кого они могли быть заимствованы?

Лермонтовъ въ своей юности читалъ много, и въ кругъ его чтенія входили самые разнообразные по своимъ міровоззрѣніямъ и настроеніямъ авторы.

Вниманіе ребенка было очень рано обращено на книгу. Сначала гувернеры, а затѣмъ преподаватели благороднаго пансіона сдружили Лермонтова съ писателями, которые на короткій срокъ несомнѣнно покорили его фантазію, совсѣмъ юную и очень впечатлительную.

Точныхъ свѣдѣній о книгахъ, какія Лермонтовъ читалъ въ дѣтствѣ и юности, мы не имѣемъ; изъ собственныхъ же его стиховъ мы можемъ вывести только одно заключеніе, что изъ всѣхъ литературныхъ образцовъ, на которыхъ поэтъ учился образно мыслить и чувствовать, поэзія Байрона была единственной, оставившей ясный слѣдъ на его творчествѣ.

Часто и много говорилось объ этомъ вліяніи Байрона на Лермонтова. Оно очень ощутимо, и въ ранній періодъ творчества Лермонтова, и въ годы зрѣлаго его развитія. Иногда цѣлое стихотвореніе выдержано въ байроническомъ ключѣ,

а всего чаще встрѣчаются драматическія положенія и образы, которые Байронъ отмѣтилъ навсегда своей печатью.

Первый вопросъ, съ которымъ мы должны считаться, говоря о байноризмѣ Лермонтова, это—вопросъ о *предрасположеніи* Лермонтова къ воспріятію байроническаго настроенія. Иногда приходится слышать, что Лермонтовъ находился подъ прямымъ вліяніемъ англійскаго поэта, что онъ вычитывалъ изъ него свои юношескія произведенія, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности онъ часто развивалъ тему, данную ему со стороны.

Вліяніе Байрона на Лермонтова было такъ же преувеличено, какъ вліяніе того же Байрона на Пушкина. Не подлежитъ сомнѣнію, что, сравнительно съ Пушкинымъ, Лермонтовъ чаще и упорнѣе писалъ въ „байроническомъ духѣ“, но это объясняется тѣмъ, что Пушкинъ случайно, въ одинъ только краткій періодъ своей жизни, совпалъ съ Байрономъ въ настроеніи, мысляхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, а Лермонтовъ родился со всѣми задатками байроническаго настроенія. Въ самой психической организаціи Лермонтова было очень много сходнаго съ Байрономъ. Ихъ роднило и ненасытимое самолюбіе, и свободолюбіе, и мятежъ духа, и мечты о великомъ призваніи, и способность нѣжиться въ грусти, и наконецъ, протестъ противъ многихъ этическихъ нормъ современной имъ жизни. Но Лермонтовъ умеръ очень молодымъ и не могъ прочувствовать, понять и усвоить вполнѣ всей сущности байронической философіи жизни, а потому развилъ и дополнилъ только одну, правда, самую показную, ея сторону — сторону отрицанія. Эта сторона была Лермонтову болѣе понятна, такъ какъ онъ могъ придти къ меланхолическимъ, пессимистическимъ и отрицательнымъ взглядамъ на жизнь и людей помимо Байрона, сопоставляя лишь данныя реальной жизни съ тѣми идейными требованіями, какіи онъ ей ставилъ. Но если одинъ человѣкъ сходится съ другимъ въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, то его мысли, подкрѣпленныя и развитыя этимъ

взаимнымъ соглашеніемъ, остаются все-таки его собственностью. Такъ точно и поэтическое настроеніе Лермонтова—выросшее свободно изъ нѣдръ его мятежнаго и опечаленнаго духа было только подкрѣплено сосѣдствомъ Байрона.

Душа Лермонтова была заранѣе подготовлена къ воспріятію такого, а не иного настроенія и порядка чувствъ. И еслибы сочиненія Байрона были единственной книгой, съ которой нашъ поэтъ бесѣдовалъ въ молодости, то такое преобладаніе байнорическаго настроенія, пожалуй, можно было бы еще объяснить покорностью и увлеченіемъ. Но одновременно съ Байрономъ Лермонтовъ читалъ Пушкина, Гёте, Шиллера, Гейне, если не считать поэтовъ меньшей силы, какъ, напримѣръ: Скотта, Купера, Барбье и всей фаланги русскихъ поэтовъ пушкинскаго періода. Онъ былъ знакомъ и съ Шекспиромъ, о которомъ онъ говоритъ очень восторженно въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ юношескихъ стихахъ нашего поэта попадаются и отзвуки Жуковскаго, и темы поэзіи классической, а также и народной—и всѣ эти поэтическіе мотивы мало-по-малу умолкаютъ, заглушенные поэзіей Байрона, звуки которой какъ будто слышатся во всѣхъ, даже самыхъ послѣднихъ, произведеніяхъ Лермонтова.

Чѣмъ объяснить такое преобладающее вліяніе одного литературнаго образца надъ всѣми остальными?

II.

Отъ поэзіи Пушкина и Гёте въ стихахъ Лермонтова остались лишь слабые слѣды. Пушкину онъ подражалъ лишь въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ самъ Пушкинъ шелъ на встрѣчу Байрону, какъ, напримѣръ, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и въ „Цыганахъ“.

Что же касается Гёте, то Лермонтовъ вспомнилъ о немъ лишь тогда, когда взялся за переводъ „Горныхъ вершинъ“.

Въ міропониманіи Пушкина и Гёте было, дѣйствительно, для Лермонтова нѣчто неуловимое, неусвояемое, чуждое, и

ни Пушкинъ, ни Гёте не могли отвѣтить на тревожные душевные запросы юнаго вопрошателя жизни. Поэзія Гёте, какъ извѣстно, была образцомъ художественнаго самообладанія. Энтузіазмъ, какимъ былъ охваченъ этотъ великій язычникъ въ немъ всегда былъ въ концѣ концовъ смиренъ, обузданъ философской мыслью. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ и глубокихъ сердцевѣдовъ, С.-Бёвъ утверждалъ, что Гёте былъ совершенно неспособенъ рисовать героевъ, что героическое настроеніе было ему чуждо,—и критикъ былъ отчасти правъ. Герой въ восторженномъ романтическомъ стилѣ, герой нервнаго и впечатлительнаго склада души, человѣкъ, въ которомъ необузданная, но туманная энергія подавляютъ разумъ и всякое самообладаніе, герой фантазеръ былъ не по душѣ Гёте, какъ чужды были и истинно гётевскіе цѣльные типы душамъ отъ природы экзальтированнымъ и тревогой вскормленнымъ, какимъ былъ Лермонтовъ. За исключеніемъ „Вертера“, окончательный философскій выводъ самыхъ сильныхъ твореній Гёте: „Геца“, „Фауста“, „Вильгельма Мейстера“, „Тассо“— все-таки примиреніе съ жизнью на почвѣ уступокъ, покорность судьбѣ и отказъ отъ неисполнимыхъ мечтаній и стремленій, свобода философскаго духа, а не свобода дѣйствія. Такая философія была, конечно, далека отъ нашего молодого мечтателя только-что начинавшаго жить и требовавшаго отъ жизни столь многаго.

III.

Не будемъ же удивляться тому, что для Лермонтова прошла почти совсѣмъ безслѣдно поэзія Гёте и Пушкина, который вѣдь въ сущности нашъ русскій Гёте.

Шиллеръ стоялъ къ Лермонтову ближе. Восторженная, сентиментальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ героическая, полная энергіи поэзія Шиллера, неземная по своимъ образамъ и вполнѣ человѣчная по своимъ чувствамъ, должна была гармонировать съ душевнымъ настроеніемъ Лермонтова, тѣмъ

болѣе, что элементъ тревоги, бури и порыва устоялъ въ поэзіи Шиллера передъ всѣми натисками его примиряющей фаталистической философіи.

Въ ранней юности Лермонтовъ читалъ Шиллера прилежно,—какъ это видно изъ его первыхъ стихотвореній, среди которыхъ немало переводовъ изъ Шиллера и варіацій на его темы. Это чтеніе вліяло на мечтательность Лермонтова, настраивая ее на мирный элегически-идиллическій ладъ, слѣды котораго еще попадаются въ юношескихъ произведеніяхъ нашего поэта. Идилліи въ стилѣ Руссо, которыми нѣкогда увлекались и Шиллеръ, и Байронъ, можно встрѣтить и у Лермонтова, но только въ очень несовершенной формѣ. Герои такихъ идиллій, чувствительные идеалисты, встрѣчаются и въ юношескихъ драмахъ нашего поэта. Но, какъ мы знаемъ, это спокойное и мирное настроеніе въ душѣ Лермонтова только тлѣло, и онъ въ Шиллерѣ любилъ другую черту—возвышенно страстную, героическую по преимуществу.

Въ юношескихъ драмахъ Лермонтова мы слышимъ иногда отзвуки монологовъ Карла Мора и Позы, неясные отзвуки, перемѣшанные съ цѣлыми тирадами въ стилѣ Байрона, такъ какъ англійскій поэтъ очень скоро сталъ вытѣснять нѣмецкаго. Послѣ 1830—1831 годовъ мы уже не встрѣчаемъ въ стихахъ Лермонтова никакихъ слѣдовъ Шиллера, въ особенности того возмужавшаго—примиреннаго съ судьбой и съ людьми—Шиллера, съ которымъ мы знакомы по балладамъ, философскимъ элегіямъ и драмамъ послѣдняго періода его жизни. Изъ балладъ Шиллера Лермонтовъ, правда, перевелъ „Кубокъ“ и „Перчатку“, но переводъ вышелъ слабъ; поэтъ не сумѣлъ уловить настроеніе оригинала.

Отъ философскихъ произведеній Шиллера Лермонтова оттолкнула увѣренная въ себѣ устойчивость идей, а равно и классическое спокойствіе формы. Мыслителемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова Лермонтовъ никогда не былъ, и потому всѣ философскіе стихи Шиллера мало говорили его сердцу. Къ классическому спокойствію Лермонтовъ имѣлъ

также мало склонности; примиреніе съ жизнью на почвѣ эстетическаго воспитанія, которое такъ высоко понималъ и краснорѣчиво проповѣдывалъ Шиллеръ, было для Лермонтова немыслимо.

Такимъ образомъ, въ своихъ симпатіяхъ къ Шиллеру нашъ поэтъ остановился на первой ступени, на увлеченіи его идиллическими мечтами о счастливомъ человѣчествѣ и на увлеченіи бурными порывами тѣхъ громителей и разрушителей,—тѣхъ униженныхъ и неудовлетворенныхъ идеалистовъ, представителемъ которыхъ былъ герой „Разбойниковъ“.

Герой Шиллера былъ, однако, какъ мы сказали, скоро вытѣсненъ изъ сердца Лермонтова героями Байрона, такъ какъ все, чѣмъ дорожилъ Лермонтовъ въ нѣмецкомъ героѣ, а именно — обаятельная сила личности, гордость, независимость, презрѣніе къ обыденнымъ правиламъ жизни, героизмъ въ дѣйствіяхъ и любовные восторги—все нашлось и въ англійскихъ образцахъ и, вдобавокъ, безъ примѣси сентиментальности, которую Лермонтовъ очень скоро разлюбилъ.

IV.

Много ли говорила сердцу Лермонтова поэзія Гейне,— рѣшить трудно. Въ нѣкоторыхъ любовныхъ стихотвореніяхъ Лермонтова есть сходство съ мотивами Гейне, но это сходство могло быть случайнымъ. Основныя и излюбленныя стороны поэтическаго міросозерцанія Гейне едва ли могли быть симпатичны Лермонтову. Самолюбующійся цинизмъ въ рѣшеніи святыхъ вопросовъ жизни, смѣхъ надъ самимъ собою и пародія, какъ проявленіе высшей свободы духа въ его борьбѣ съ властью идей нравственныхъ, политическихъ и религіозныхъ,— все это было чуждо Лермонтову. Ему это было чуждо какъ человѣку, смѣющемуся сдержанно, съ горечью и какъ бы нехотя, человѣку, безспорно, съ идеалами, хотя и туманными, поэту самоувѣренно

гордому и признавшему надъ собой неотразимую власть какой-то судьбы, ведущей его къ великой цѣли. Съ Гейне Лермонтовъ могъ сойтись только въ двухъ чувствахъ: въ любви къ коварной, жестокой, неприступной любовницѣ и въ симпатіи къ Наполеону. Въ обоихъ случаяхъ поэты поклонялись стихійнымъ силамъ; ихъ гордую и непреклонную душу любовь могла истерзать, а физическая сила принизить. Но такое совпаденіе въ случайныхъ симпатіяхъ не даетъ намъ, однако, никакого права говорить о вліяніи Гейне на Лермонтова.

Равнымъ образомъ, было бы странно говорить и о вліяніи другихъ иностранныхъ писателей, съ которыми Лермонтову по книгамъ пришлось познакомиться. Онъ, какъ извѣстно, не отставалъ отъ литературныхъ вкусовъ своего времени. Конечно, и Вальтеръ-Скоттъ, и Томасъ Муръ, и Куперъ оказали свое вліяніе на Лермонтова, горячили въ дѣтствѣ его фантазію и развивали въ немъ пристрастіе къ рыцарскимъ легендамъ, къ восточнымъ сказкамъ, къ таинственному, фантастическому, къ „романтическому“ вообще, точно такъ, какъ позднѣе Барбье и Гюго могли поддержать въ немъ вкусъ къ общественной сатирѣ. Но готовность, съ какой Лермонтовъ воспринималъ всѣ эти вліянія, быстрота, съ какой онъ ихъ ассимилировалъ, и сила, съ какой онъ побѣждалъ ихъ, показываютъ намъ только, что поэтъ самой природой былъ подготовленъ къ такимъ чувствамъ, настроеніямъ и взглядамъ.

Единственный пѣвецъ, чью власть надъ собой Лермонтовъ долго и всего сильнѣе чувствовалъ, былъ Байронъ.

V.

„Грустный, безотчетный сонъ, порывъ страстей и вдохновеній“ Байрона при первомъ же знакомствѣ плѣнилъ и покорилъ Лермонтова. Мальчикъ ловилъ всякое малѣйшее сходство между собой и лордомъ, готовъ былъ стать

несчастнымъ, какъ Байронъ, лишь бы походить на этого „великаго“ человѣка. Въ 1830 году, прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ, Лермонтовъ признавался:

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны — нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья —
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.
Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной:
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной. [1830]

Годъ спустя, однако, гордыня Лермонтова не пожелала мириться съ ролью подражателя или послѣдователя, и онъ писалъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой
Еще невѣдомый, избранникъ —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ.
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ, или — никто... [1831]

Лермонтовъ сочинилъ эти стихи какъ будто изъ чувства самозащиты, предугадывая, что его назовутъ подражателемъ, какъ его, дѣйствительно, иногда называли. Между тѣмъ, въ чемъ же сказывалось это подражаніе Байрону?

Всего глубокаго смысла, который затаенъ въ творчествѣ Байрона, Лермонтовъ не усвоилъ и не могъ усвоить, въ виду

разницы историческихъ и общественныхъ условій, въ которыхъ выростали оба поэта. Лермонтовъ перенялъ только общій колоритъ байроническаго настроенія, какъ оно выразилось въ первыхъ произведеніяхъ Байрона. Это настроеніе было однимъ изъ преобладающихъ литературныхъ настроеній въ началѣ XIX вѣка, и можно было совсѣмъ не знать Байрона и въ то же самое время написать поэму въ его духѣ. Но во всякомъ случаѣ слѣды прямого вліянія Байрона въ стихахъ Лермонтова несомнѣнны, хотя упорство въ обрисовкѣ постоянно одного и того же типа, который имѣетъ столько сходнаго съ типами Байрона, показываетъ намъ ясно, что этотъ постоянно повторяющійся образъ коренился глубоко въ душѣ Лермонтова, былъ тѣсно и неразрывно связанъ съ его собственной психикой, а никакъ не навѣянъ извнѣ. Вотъ почему нѣтъ никакой нужды приводить всѣ — очень многочисленныя — аналогіи и параллели, которыя такъ ясно говорятъ о родствѣ этихъ двухъ тревожныхъ душъ, нашедшихъ для своей исповѣди столь сходную рѣчь, и столь сходные драматическіе положенія и образы.

Что же однако приковывало Лермонтова къ Байрону?

Прежде всего обаяніе самой личности, та полу-фантастическая, легендарная біографія, которая ходила по всей Европѣ и возбуждала всеобщее любопытство. Самъ Байронъ былъ тѣмъ воплощеннымъ героемъ, которымъ бредилъ Лермонтовъ.

Какъ всегда бываетъ въ первыя минуты увлеченія, внѣшность личности оттѣснила на второй планъ ея внутреннее содержаніе. Увлекаясь колоритной драпировкой байроновскихъ поэмъ, Лермонтовъ едвали глубоко вникъ въ самый смыслъ жизни ихъ героевъ. Его прельстила больше поза героя, чѣмъ его внутренній міръ.

Герои Байрона хоть и автопортреты, но прежде всего они борцы за идеалы очень широко понятой свободы личной и преимущественно общественной. Ихъ эгоизмъ, пессимизмъ и одиночество — печальный выводъ изъ суровой школы

жизни, которую прошли не они только, а и весь современный имъ культурный міръ; ихъ вражда съ людьми—просчитавшаяся и обманутая любовь,—любовь, принесшая великія историческія жертвы.

Этотъ широкій общественный принципъ слабо отмѣченъ въ сильныхъ лермонтовскихъ типахъ; самые видные изъ нихъ: Демонъ, Радинъ, герой „Маскарада“ и Печоринъ—люди съ кругозоромъ достаточно узкимъ, занятые лишь самимъ собой, съ виду себялюбивые резонеры. Но они далеко не выражаютъ всей правды души самого писателя. Лермонтовъ не подчеркнулъ въ нихъ того широкаго гуманнаго чувства, которое таилось въ глубинѣ его собственнаго сердца и не воспользовался имъ при обрисовкѣ своихъ героевъ именно потому, что не подражалъ Байрону, а *самостоятельно* трудился надъ задачей жизни и въ рѣшеніи ея не подвинулся пока еще настолько, чтобы такъ широко ставить вопросы, какъ ихъ ставилъ Байронъ.

Экзальтированный мечтатель, съ большой склонностью къ рефлексіи, съ очень туманными идеалами, скрытный и любящій уединеніе — Лермонтовъ искалъ въ поэзіи Байрона лишь подтвержденія тѣмъ чувствамъ и мыслямъ, которыя самъ живо испытывалъ и передумалъ. Фантастичность обстановки, меланхолія, отчужденность, гордое уединеніе, любовь, всегда кончающаяся трагично, всегда возвышенная, идеальнострастная, величіе героевъ, поражающее своимъ внѣшнимъ блескомъ,—все это въ стихахъ Байрона плѣняло нашего поэта и находило сразу отзвукъ въ его сердцѣ. Любуясь этой показной стороной байроническихъ героевъ, поэтъ не задалъ себѣ вопроса: зачѣмъ и ради чего они ведутъ свой странный образъ жизни? Они понравились ему въ одинъ опредѣленный моментъ и въ одной опредѣленной позѣ. Этой именно позой Лермонтовъ восхищался и самъ часто повторялъ ее. Что же касается внутренняго развитія характера этихъ красивыхъ героевъ, то въ психологической мотивировкѣ ихъ образа мыслей и поступковъ Лермонтовъ былъ

вполнѣ самостоятеленъ. Онъ копировалъ самого себя, а не чужой образецъ. Вотъ почему онъ, при неясности собственнаго міросозерцанія, при всей своей растерянности въ рѣшеніи трудныхъ этическихъ проблемъ, не перенялъ цѣликомъ міровоззрѣнія Байрона, не сталъ повторять его политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ сентенцій. Онъ ждалъ, пока сама жизнь приведетъ его къ этимъ или сходнымъ выводамъ.

Итакъ, когда мы говоримъ о вліяніи Байрона на Лермонтова, мы должны имѣть въ виду, что это вліяніе, хотя и продолжительное, было вліяніемъ одностороннимъ; оно поддерживало въ Лермонтовѣ настроеніе только опредѣленнаго отрицательнаго порядка и не давало его уму готоваго рѣшенія тѣхъ этическихъ вопросовъ жизни, которые его мучили.

Поэзія Лермонтова начала выигрывать, и въ содержаніи, и въ формѣ, по мѣрѣ того, какъ поэтъ сталъ соприкасаться съ жизнью больше и меньше читать свои любимыя книги. Положительная сторона въ рѣшеніи житейскихъ вопросовъ стала ему выясняться изъ событій его собственной жизни. Но это сближеніе съ людьми и интересами дѣйствительности давалось ему, какъ мы увидимъ, необычайно трудно. Лермонтовъ привыкъ становиться въ отношеніи къ окружавшей его обстановкѣ въ слишкомъ изолированное положеніе, въ знакомую намъ внѣшнюю байроновскую позу и онъ чувствовалъ, что становится въ это положеніе, не имѣя ни достаточнаго оправданія въ прошломъ, ни ясныхъ видовъ на будущее. Сознаніе, что эта поза до извѣстной степени фальшива, тяготило Лермонтова, и въ тяжелыя минуты такого сознанія онъ, чтобы какъ-нибудь оправдать ее, бросалъ на бумагу тѣ пессимистическія мечты и мысли, въ которыхъ не щадилъ ни своего прошлаго, ни будущаго, и предавалъ одинаковымъ проклятіямъ, и воспоминанія, и надежды.

Но если такое одностороннее вліяніе Байрона, не давая рѣшенія жизненной загадки, тормозило въ извѣстномъ смыслѣ

развитіе характера и творчества Лермонтова, то оно же предохраняло человѣка и поэта отъ измельчанія.

Лермонтовъ былъ крайне неустойчивой натурой; когда онъ изъ деревни попалъ въ университетъ, а затѣмъ въ юнкерскую школу, онъ увлекся неумѣренно разсѣянной жизнью, и его поэзія 1832—1837 годовъ носитъ на себѣ ясные слѣды душевной постоты и тѣлесной разнузданности. Мелочность жизни отзывается и на геніяхъ, и если Лермонтовъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого испытанія, то только потому, что въ немъ никогда не умирало сознаніе своего преимущества надъ средой, вѣра въ силу своей личности и преклоненіе передъ своимъ призваніемъ. Всѣ эти благія свойства характера, которыми удивлялъ современниковъ и Байронъ въ эпопеѣ своей жизни, были даны Лермонтову его природой, но въ чтеніи Байрона они находили себѣ примѣръ и поддержку.

Демонъ

I.

Поэты нерѣдко бываютъ несправедливы къ своимъ первымъ произведеніямъ, какъ люди вообще къ своей первой любви. Извѣстно, какой строгій приговоръ произнесли Гёте надъ „Вертеромъ“ и Шиллеръ надъ „Разбойниками“. Эти юношескія произведенія казались имъ ошибками не только въ печати, но и сами по себѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они были правдивыми отголосками живыхъ впечатлѣній жизни.

Не забудемъ, что первыя произведенія большихъ поэтовъ отличаются, обыкновенно, бо̀льшей примѣсью личнаго элемента, въ силу перевѣса въ художникѣ искренняго чувства надъ какимъ бы то ни было привитымъ и усвоеннымъ вкусомъ. Невыдержанность, туманность, безпорядочность и вычурность такихъ произведеній—прямое отраженіе молодости, на которую зрѣлый возрастъ и старость иногда смотрятъ свысока.

Въ „Сказкѣ для дѣтей“ 1841 года, вспоминая давно минувшіе годы, Лермонтовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ говорилъ о своей юношеской поэмѣ:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,

Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами.

Приговоръ, какъ видимъ, далеко не жестокій и даже невѣрный, такъ какъ, вопреки словамъ поэта, стихи не помогли ему отдѣлаться отъ этого печальнаго образа. Онъ преслѣдовалъ его всю жизнь подъ разными именами и въ различныхъ костюмахъ.

Лермонтову было пятнадцать лѣтъ, когда имъ задумана была поэма „Демонъ“, и онъ не переставалъ работать надъ ней почти до самаго дня своей смерти. Ни одно изъ его произведеній не подверглось такимъ тщательнымъ и долговременнымъ передѣлкамъ, несмотря на то, что поэтъ съ каждымъ годомъ все дальше и дальше отходилъ отъ „дикаго бреда“ и приближался къ трезвой дѣйствительности. Очевидно, что эта трезвая дѣйствительность имѣла свою долю участія въ созданіи поэмы.

II.

„Демонъ“ замыкаетъ собою весь циклъ юношескихъ произведеній Лермонтова; это — первая попытка связать въ одно цѣлое рядъ перечувствованныхъ ощущеній и передуманныхъ мыслей, — первая попытка создать „типъ“ изъ матеріала, взятаго не внѣ, а внутри себя. „Демонъ“ это — памятникъ, поставленный Лермонтовымъ своему дѣтству и своей юности, и, какъ большинство памятниковъ, онъ идеализированъ и символиченъ.

Къ этому, нѣкогда столь плѣнительному, образу мрачнаго духа, сознающаго свою силу и не находящаго этой силѣ никакого примѣненія, мы теперь относимся съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, а иногда и насмѣшливо. Правду

сказать, онъ давно прискучилъ намъ, и въ литературѣ, и въ жизни. Этотъ Демонъ, появившійся на русскомъ горизонтѣ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія и плѣнившій сразу не только женскія, но и мужскія сердца, породилъ цѣлую массу мелкихъ и пустыхъ бѣсовъ, которые расхаживали въ мундирахъ военныхъ и статскихъ, а иногда даже въ гимназическихъ. Но для людей тридцатыхъ годовъ Демонъ былъ интереснымъ героемъ, а для самого автора — любимымъ символомъ пережитаго и выстраданнаго. Дѣйствительно, работая надъ своей поэмой въ продолженіе многихъ лѣтъ, поэтъ тщательно отдѣлывалъ детали и почти ничего не измѣнилъ въ характеристикѣ главнаго героя; этотъ герой остался такимъ, какимъ онъ былъ задуманъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ.

Въ поэмѣ много личныхъ намековъ. Стоитъ только сравнить юношескія стихотворенія Лермонтова съ „Демономъ“, чтобы увидать, что нѣтъ ни одного „демоническаго“ чувства, которое не нашло бы себѣ соотвѣтствующаго человѣческаго въ юношескихъ тетрадяхъ поэта.

Этотъ красивый Духъ скорѣе принадлежалъ землѣ, чѣмъ небесамъ, и мы, безъ натяжекъ, узнаёмъ въ немъ самого автора.

Лермонтовъ впрочемъ и не скрывалъ своего псевдонима. Въ посвященіи перваго очерка [1829] „Демона“ онъ говорилъ о скукѣ своего личнаго бытія и о томъ, что его душа [15-ти-лѣтняя!] не перестаетъ скорбѣть о годахъ „развратныхъ“, что жизнь его пасмурна и что нѣтъ для него въ мірѣ новыхъ впечатлѣній, т.-е. онъ повторилъ начальныя слова своей поэмы.

Въ посвященіи второго очерка [1830—1831] Лермонтовъ подтвердилъ это же признаніе, называя себя мрачнымъ геніемъ, который „воскресъ для надеждъ, для небесъ и для непорочныхъ наслажденій близъ своей Мадонны“. Въ концѣ очерка параллель между демономъ и его пѣвцомъ развернулась даже въ цѣломъ стихотвореніи:

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

Помимо этихъ признаній, вставленныхъ въ самый текстъ поэмы, мы въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова встрѣчаемъ также много намековъ на ея основную идею.

Дважды въ своихъ тетрадяхъ поэтъ говоритъ о какомъ-то демонѣ искусителѣ, который преслѣдуетъ его и будетъ преслѣдовать всю жизнь, о какомъ-то духѣ зла, уныломъ и мрачномъ, презрѣвшемъ чистую любовь и отвергшемъ всѣ моленья, но сохранившемъ свою страстность:

Собранье золъ—его стихія;
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи
Безвѣстныя слезамъ и сну...
Къ ничтожнымъ, хладнымъ толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта
И всякій вѣрящій смѣшонъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой...
И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучемъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда

И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда. [1831].

Стихотвореніе какъ будто навѣяно „Демономъ“ Пушкина, но въ немъ есть безспорно частица души самого Лермонтова. Съ Демономъ его поэмы этотъ духъ имѣетъ впрочемъ лишь только внѣшнее сходство.

Но иногда этотъ злой демонъ начинаетъ дѣлать уступки въ пользу человѣка, и, наоборотъ, въ душѣ Лермонтова начинаютъ проявляться порой демоническія чувства. Такъ поэту кажется, что самое святое чувство—то, которое въ его юношеской душѣ было особенно сильно, — его любовь, пропитано демоническимъ ядомъ:

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено,
Но по волѣ того же Творца
Все, что любитъ меня, то погибнуть должно
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ:
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ
. . . . . .
И я подъ ударомъ судьбы,
Какъ утесъ неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою.
Я не чувствъ, но поступковъ своихъ властелинъ:
Я несчастливъ, пусть буду несчастливъ одинъ. [1830].

Не есть ли это стихотвореніе прелюдія или варіація на тему монологовъ „Демона“? И такихъ варіацій въ юношескихъ стихотвореніяхъ Лермонтова много, и во всѣхъ авторъ говоритъ отъ своего лица.

Въ одномъ стихотвореніи онъ даже предрекаетъ себѣ за гробомъ судьбу Демона и молитъ о томъ, чтобы для него нашлась своя Тамара. „Послушай—пишетъ онъ—

Послушай: быть можетъ, когда мы покинемъ
На вѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою такъ стынемъ;
Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану;—
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!

Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ вселенной!

Личныя воспоминанія легли, такимъ образомъ, безспорно, въ основаніе знаменитой поэмы.

Вотъ почему оцѣнивать эту поэму должно прежде всего какъ личное признаніе, какъ попытку обобщить и разрѣшить ту нравственную проблему, которая въ юные годы такъ тревожила пытливую мысль юноши; но, конечно, поэму должно цѣнить также—какъ памятникъ литературный, какъ попытку въ поэтическихъ образахъ символизировать свои чувства и думы.

Основная нравственная идея „Демона“ была, несомнѣнно, выстрадана Лермонтовымъ и принадлежала лично ему. Она заключена въ одномъ простомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень трудномъ вопросѣ: можетъ ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночествомъ и не искать встрѣчи съ другими людьми, даже если признать, что въ немъ погибли всѣ добрыя чувства, что онъ силенъ настолько, чтобы ни въ комъ не нуждаться, и пресыщенъ и разочарованъ до полнаго индифферентизма? И если при всемъ этомъ человѣкъ не въ силахъ сжиться со своимъ одиночествомъ, то какое же чувство можетъ вдохнуть новую жизнь въ совершенно мертвую душу?

Если вспомнить, какъ часто Лермонтовъ считалъ свою собственную душу умершей для всѣхъ чувствъ — то станетъ понятнымъ, почему поэтъ могъ такъ долго, въ продолженіе всей своей жизни, думать и работать надъ своей поэмой. Въ ней онъ утѣшалъ самого себя, хотѣлъ увѣрить себя въ томъ, что полнаго одиночества и индифферентизма для человѣка нѣтъ, и что никогда не исчезающая возможность любви можетъ быть залогомъ душевнаго обновленія.

Для этой простой и сухой мысли нужно было найти подходящую литературную форму, и здѣсь Лермонтову пришла на помощь старая легенда о демонѣ, грѣхи котораго можетъ искупить любовь чистой дѣвы. Эта легенда въ формѣ

сказки или житейской драмы давно была обработана на западѣ, — и Лермонтовъ могъ знать ее даже въ какой-нибудь готовой литературной передѣлкѣ. Но если самое зерно фабулы могло быть заимствовано, то разработка ея принадлежала всецѣло нашему автору. Онъ неоднократно мѣнялъ и дѣйствующихъ лицъ, и мѣсто дѣйствія. Въ первомъ очеркѣ героиней была какая-то женщина, любимая ангеломъ, затѣмъ она обратилась въ монахиню и дѣйствіе происходило въ Испаніи; наконецъ, десять лѣтъ спустя послѣ того какъ поэма была задумана, авторъ написалъ ее въ восточномъ, кавказскомъ стилѣ: монахиня стала Тамарой и поэма обогатилась роскошными описаніями кавказской природы и быта.

Поэма осталась аллегорической по смыслу, но очень человѣчной въ развитіи чувствъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ: очевидно, что поэтъ имѣлъ все время въ виду не демона, а человѣка, и, конечно, прежде всего самого себя.

III.

Демонъ — не сатана, а одинъ изъ его подначальныхъ. Сатанинскаго отрицанія въ немъ нѣтъ; онъ служитъ духу тьмы скорѣе изъ разсчета, такъ какъ пользуется на его службѣ бо̀льшей свободой, чѣмъ та, которой бы онъ могъ располагать на небѣ. Небо ему дорого только какъ воспоминаніе дѣтства. Въ немъ нѣтъ достаточнаго смиренія, чтобы стать ангеломъ, ни достаточно злобы и отрицанія, чтобы стать бѣсомъ. Въ бѣсовской іерархіи онъ стоитъ на довольно скромной ступени — что̀ и позволяетъ ему ощущать чисто земныя чувства, какъ, напр., любовь и раскаяніе. У него нѣтъ даже иронiи и смѣха, этого безпощаднаго оружія, которымъ надѣленъ каждый бѣсъ, сознающій свою силу. Правда, сила есть у лермонтовскаго Демона, но она — сила физическая. Способность превращенія, произвольнаго перемѣщенія и разрушенія находится въ его власти, но у него нѣтъ способности перерожденія. Онъ — человѣкъ, посту-

пившій въ услуженіе духа тьмы, но не забывшій старыхъ привычекъ. Земля его привлекаетъ, женщина трогаетъ его сердце и потеря этой женщины сердитъ, несмотря на „язвительную улыбку“, какой онъ укоряетъ побѣдоноснаго ангела.

Мы застаемъ гороя поэмы въ минуту, для него очень печальную,—въ минуту наплыва воспоминаній о томъ, какъ онъ жилъ безъ злобы, безъ сомнѣній, неопытный, но любящій и любимый. Такъ мы живемъ въ нашемъ дѣтствѣ.

Теперь онъ возмужалъ и сталъ силенъ. Какъ жилъ онъ въ недавнемъ прошломъ, что̀ дѣлалъ до той минуты, когда мы съ нимъ встрѣчаемся,—мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что онъ жилъ скучно, одиноко, сѣялъ зло безъ наслажденья, и что, наконецъ, это зло ему наскучило. Оно могло, вѣроятно, наскучить ему потому, что не было принципомъ его жизни.

По крайней мѣрѣ, въ первыхъ редакціяхъ поэмы Лермонтовъ изобразилъ Демона „незнающимъ ни добра, ни зла“ и „несмѣющимся своимъ злодѣйствамъ“. Онъ и остался такимъ не злымъ, а скучающимъ духомъ, незнающимъ на что употребить свою силу.

Нѣкогда этотъ Демонъ обольстилъ и погубилъ одну смертную, любимую ангеломъ. Любилъ онъ эту смертную, очевидно, больше изъ ревности къ своему противнику, и потому скоро бросилъ. Теперь, скучающій отъ бездѣлья, разочарованный въ любви и пресыщенный сознаніемъ своей силы, онъ предался безплодному странствованію, сначала среди людей, а затѣмъ среди пустынной природы.

Люди ему скоро надоѣли своей пустотой и своимъ развратомъ; онъ сталъ ихъ презирать за мелочность и ненавидѣть за развратъ, забывая, что ненависть къ людямъ для демона — слишкомъ человѣческое чувство.

Природа ему нравилась больше. Онъ „вникъ въ нее глубокимъ взглядомъ и объялъ душою ея жизнь“, но не надолго. Она перестала вызывать въ немъ новыя чувства и

новыя силы, и скоро его презрѣніе и ненависть распространилась и на нее. Онъ утратилъ, такимъ образомъ, послѣдній интересъ къ чему бы то ни было. Онъ былъ спокоенъ, такъ какъ не имѣлъ желаній, ничего не боялся и ничѣмъ не восхищался. Но, какъ нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, это спокойствіе, послѣ цѣлаго ряда бурь, было затишьемъ передъ новой бурей.

Какое чувство могло вызвать новую бурю въ сердцѣ настоящаго демона, сказать трудно; но въ сердцѣ человѣка при одинаковыхъ условіяхъ, душевныя волненія всего легче вызываются любовью или, вѣрнѣе, ея вскипѣвшимъ приступомъ. Такъ случилось и съ лермонтовскимъ Демономъ. Появленіе любимой женщины, той ли, въ которую былъ влюбленъ ангелъ, или испанской монахини или, наконецъ, Тамары—сразу перерождаетъ нашего героя. Чѣмъ легендарнѣе становится съ этого момента повѣсть, тѣмъ правдоподобнѣе и человѣчнѣе становятся чувства Демона. При видѣ Тамары:

...На мгновеніе
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался — и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.

Демонъ находитъ, наконецъ, въ любви ту цѣль бытія, которой онъ можетъ посвятить отнынѣ весь богатый запасъ своей

энергіи. Онъ прежде всего пользуется физической силой для устраненія соперника, затѣмъ своей нравственной силой для утѣшенія овдовѣвшей невѣсты. Знаменитый монологъ „не плачь, дитя“ показываетъ намъ, какъ можетъ быть любезенъ, поэтиченъ и завлекателенъ этотъ мнимый демонъ:

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...

Мы ошибемся, если сочтемъ эту сладкую рѣчь за предательское обольщеніе. Демонъ мыслитъ, что для него пришла „желанная пора новой жизни“, и онъ, какъ влюбленный юноша, живетъ самъ въ этомъ фантастическомъ мірѣ чудесъ, которымъ старается заманить невинную душу. Произнося этотъ монологъ, онъ, „ада духъ ужасный“, становится похожимъ на ясный вечеръ; не забудемъ къ тому же, что онъ, какъ поэтъ, обладаетъ умѣніемъ разукрасить поэтическими сравненіями самыя обыкновенныя рѣчи.

„Не плачь, дитя“, дѣйствительно, самый обыкновенный любовный лепетъ, который мы можемъ подслушать въ любое время у любого влюбленнаго. Но вѣдь сила поэта и заключается въ томъ, что она, какъ сказалъ Мюссе, простую слезу преображаетъ въ жемчужину.

Мы могли бы подумать, что этотъ нѣжный, поэтичный монологъ Демона былъ *разсчитанъ* на чувствительную и дѣтскую натуру Тамары, и что Демонъ легко могъ бы говорить съ несчастной невѣстой, у которой онъ отнялъ жениха, приблизительно тѣмъ же дерзкимъ и вкрадчивымъ языкомъ, какимъ Ричардъ III говоритъ съ Анной у гроба ея мужа. Но такая коварная и извилистая рѣчь едва ли могла удасться Демону. Его любовь, хотя и недолговѣчна, но настолько сильна и искренна въ данную минуту, что онъ неспособенъ ни на какую хитрость, ни на одинъ софизмъ, ни на какіе уговоры; онъ ограничивается общими мѣстами о покоѣ загробной жизни и сразу переходитъ къ картинѣ блаженства, которое ожидаетъ его возлюбленную „на воздушномъ океанѣ".

Демонъ настолько человѣченъ и чистъ въ своихъ чувствахъ, что въ самую рѣшительную минуту, передъ тѣмъ какъ войти въ келью Тамары, онъ начинаетъ колебаться, какъ всякій честный человѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ знаетъ, что она будетъ жертвой, и вопросъ, что́ онъ можетъ ей дать взамѣнъ ея преданности, начинаетъ безпокоить его:

...Долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить—и была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.

Эта единственная минута колебанія промелькнула какъ молнія, и пѣснь Тамары погружаетъ Демона снова въ томительно-сладкое настроеніе, и—

Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ.
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...

Онъ входитъ въ келью и встрѣчается съ ангеломъ.

Мы снова въ мірѣ символовъ. Этотъ ангелъ, въ которомъ мы должны признать добраго генія Тамары или, другими словами, ея невинную душу, вполнѣ сознаетъ, съ какимъ врагомъ онъ встрѣтился. Женское сердце иногда инстинктивно разгадываетъ тайну мужскаго,—и это, конечно, можетъ раздражить сильнаго человѣка. Разгнѣвался и Демонъ, почувствовавъ сопротивленіе тамъ, гдѣ ожидалъ встрѣтить одну покорность. Разгнѣвался онъ, какъ подобаетъ демону; но въ его положеніи и у простого человѣка могло шевельнуться нѣчто демоническое въ сердцѣ:

Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію взглядъ
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя!—сказалъ онъ грозно —
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;

Сопротивленіе, оказанное Демону, было очень слабо; и можетъ показаться странной та поспѣшность, съ какой ангелъ поторопился, взмахнувъ крылами, утонуть въ эфирѣ неба. Тамара сдалась слишкомъ скоро и весь послѣдующій ея разговоръ съ Демономъ уже не борьба, а рядъ нарочно высказанныхъ опасеній, съ цѣлью въ нихъ разубѣдиться,—діалогъ схожій съ пытливыми разспросами Маргариты о религіозныхъ взглядахъ Фауста. Но весь этотъ разговоръ Тамары и Демона—перлъ блестящей художественной реторики въ стилѣ Виктора Гюго. Психологическая задача, сама по себѣ очень несложная и обыденная, получаетъ совершенно оригинальную окраску отъ нагроможденія поэтическихъ сравненій, отъ этого приподнятаго тона, отъ переливовъ величавой, возвышенной мысли, которые чередуются съ мелодичными напѣвами нѣжной любви и вновь заглушаются словами вскипающей страсти.

Въ самомъ ходѣ этого любовнаго діалога особыхъ оригинальныхъ пріемовъ не видно. Сначала очень гордыя рѣчи о своей силѣ и могуществѣ, затѣмъ исповѣдь побѣжденнаго, жалоба на одиночество и на свои печали и, наконецъ, легкое смущеніе при напоминаніи о Богѣ, смущеніе, которое ощутилъ не только Демонъ, но и самъ авторъ поэмы. На брошенный Тамарою вопросъ о Богѣ ни у того, ни у другого не нашлось должнаго отвѣта; но вопросъ, кажется, былъ предложенъ безъ всякой задней мысли, по крайней мѣрѣ, сама героиня удовлетворилась первымъ попавшимся отвѣтомъ *) и потребовала отъ Демона только клятвы въ искренности его чувствъ. Остановки за этой клявтой, конечно, не было; она въ своей величественной красотѣ превзошла даже всѣ ожиданія Тамары, судя по послѣдствіямъ, какія она имѣла. Демонъ одержалъ побѣду и, вмѣстѣ съ этой побѣдой, утратилъ вновь и спокойствіе, и цѣль жизни. Житейская драма кончилась, и эпилогъ былъ разыгранъ уже на небѣ.

Фантастичность этого эпилога и его содержаніе были Лермонтову продиктованы традиціонной легендой. Рай долженъ былъ открыться для чистой любви и начало добра должно было восторжествовать надъ началомъ зла **). Теперь понятно, почему въ послѣдней сценѣ никто не могъ узнать привлекательнаго и даже любезнаго героя поэмы:

Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, не знающей конца;
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

Какъ символъ, противупоставленный ангелу, онъ и не могъ имѣть иного вида. Земная оболочка съ него упала и остался одинъ безплотный духъ зла и отрицанія.

*) Этотъ отвѣтъ Демона, что «Богъ занятъ небомъ, не землей», былъ въ окончательной редакціи поэмы пропущенъ.

**) Только въ первой редакціи поэмы соблазненная демономъ героиня дѣлается духомъ ада.

Этотъ аллегорическій эпилогъ былъ значительно смягченъ въ первыхъ редакціяхъ поэмы, т.-е. въ то время, когда настроеніе и складъ мысли автора соотвѣтствовали больше настроенію и взглядамъ демона. Во второмъ очеркѣ поэмы Демонъ совсѣмъ не обмѣнивается словами съ ангеломъ, а пролетаетъ мимо:

Надъ синей глубиной
Духъ гордости и отверженья
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлялъ угрюмый ликъ;
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!

Стало быть, они не исчезли, эти мученья, и преслѣдовали Демона и послѣ смерти Тамары!

Въ этомъ второмъ юношескомъ очеркѣ Демонъ былъ ближе къ землѣ и психика его была болѣе человѣчна.

Итакъ, „Демонъ“, при всей его фантастической обстановкѣ, тѣсно связанъ съ чисто земнымъ существованіемъ самого автора. Это символъ не заимствованный изъ книгъ и разукрашенный воображеніемъ, а взятый изъ личной жизни поэта и заключенный въ рамки фантастической легенды.

IV.

Лермонтовъ, перерабатывая свою поэму, не торопился ея печатаньемъ. Она ходила по рукамъ въ безчисленныхъ спискахъ и была принята съ восторгомъ, и молодыми читателями, и взрослыми. Восторгъ этотъ былъ знаменательнымъ явленіемъ: онъ показалъ, что думы и чувства автора не отстали отъ своего вѣка. Одна единичная личность, сама того не замѣчая, объединила въ себѣ многія черты цѣлаго поколѣнія. Одного этого факта достаточно, чтобы зачислить „Демона“ въ разрядъ очень цѣнныхъ литературныхъ памятниковъ, несмотря на всѣ его погрѣшности. Но и эти недо-

четы въ поэмѣ тогда многимъ нравились. Туманъ неопредѣленныхъ желаній, сильныхъ, но неясныхъ порывовъ виситъ иногда надъ цѣлымъ поколѣніемъ и покрываетъ одинаково и генія, и простого смертнаго.

Внѣшняя отдѣлка много способствовала успѣху „Демона". Она всѣмъ бросалась въ глаза и всѣхъ ослѣпляла. Вспомнимъ, что Пушкина уже не было на свѣтѣ, когда „Демономъ" стали зачитываться. Никто изъ современниковъ Пушкина не могъ равняться красотой своего стиха со стихами Лермонтова; да и самъ учитель, по природѣ своей любившій больше простоту, чѣмъ блескъ, едва ли могъ указать въ своихъ произведеніяхъ что-либо равное „Демону" по эффектамъ внѣшней отдѣлки.

Но „Демонъ" плѣнилъ всѣхъ главнымъ образомъ своимъ *настроеніемъ*. Туманный герой поэмы съумѣлъ вселить въ душу читателей какое-то неопредѣленное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго они, не отдавая себѣ яснаго отчета въ сложной психологіи героя, могли, однако *чувствовать* ее.

„Демонъ",—новинка по фабулѣ и ея выполненію—не давалъ въ сущности новаго типа. Кто читалъ поэму въ первый разъ, тотъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что гдѣ-то онъ встрѣчался съ Демономъ или съ подобными ему типами. Кромѣ того, читатель могъ замѣтить и въ себѣ самомъ нѣкоторое духовное родство съ героемъ поэмы. Дѣйствительно, къ этому герою примыкалъ длинный рядъ западноевропейскихъ типовъ, въ томъ числѣ самые популярные типы поэмъ Байрона, а въ нашей жизни того времени его поддерживалъ цѣлый кругъ „романтически", восторженно настроенной молодежи.

Всѣ тридцатые годы и половина сороковыхъ были неравнодушны къ Байрону и французскимъ романтикамъ, что̀ видно, между прочимъ, на пріемѣ, какой былъ сдѣланъ писателямъ, опережавшимъ эти „романтическіе" вкусы. Вспомнимъ, что послѣднія произведенія Пушкина остались непонятыми; вспомнимъ, сколько труда потратили критики на

истолкованіе произведеній Гоголя, и сравнимъ съ этимъ успѣхъ романовъ Полевого и Марлинскаго, драмъ Кукольника и популярность цѣлой бездны пьесъ и повѣстей, съ повышеннымъ настроеніемъ и фантастическимъ колоритомъ.

Русская жизнь сама по себѣ представляла очень удобную почву для воспріятія и дальнѣйшаго развитія мятежной тревоги духа, скучающей силы, разочарованной бездѣятельности и всѣхъ тѣхъ кипучихъ чувствъ и эксцентричныхъ положеній, какіе составляютъ сущность нѣкоторыхъ романтическихъ движеній сердца. „Демонъ“, который отразилъ на себѣ всю юношескую жизнь Лермонтова и все его юношеское чтеніе, не могъ не быть симпатичнымъ тому поколѣнію, которое увлекалось тѣми же туманными идеалами и тѣми же книгами.

Такимъ образомъ нашъ писатель, сочиняя своего „Демона“, не только говорилъ отъ своего лица, но, самъ того не подозрѣвая, отъ лица весьма многихъ.

V.

Сказалось ли литературное чтеніе Лермонтова на его „Демонѣ“?

Изъ автобіографическаго характера этой поэмы, этого символическаго обобщенія дѣтства и отрочества Лермонтова вытекаетъ оригинальность и искренность ея настроенія и основной ея идеи. Во внѣшней отдѣлкѣ, конечно, многое напоминаетъ Байрона; байроническіе мотивы можно найти въ изобиліи во всѣхъ главахъ „Демона“, но ни одно изъ произведеній Байрона все-таки не можетъ быть названо прототипомъ Лермонтовской поэмы.

Насколько оригинальна сама кавказская фабула—вопросъ спорный; она была присочинена Лермонтовымъ позднѣе, и потому, конечно, не могла натолкнуть его на характеристику героя. Герой былъ созданъ раньше, также какъ и главное

драматическое положеніе — столкновеніе демона съ земной женщиной и ея гибель.

Насколько же оригинальны эти основныя положенія „Демона“, т.-е. трагедія героя и трагичная любовь Тамары?

Сравненіе съ нѣкоторыми западными типами, взятыми у различныхъ авторовъ, убѣдятъ насъ, что, несмотря на извѣстное сходство, нѣтъ прямой зависимости между Демономъ и этими типами. Всѣ они родные братья по настроенію, только одинъ старше, другой моложе.

Они всѣ выросли на почвѣ общественнаго и умственнаго движенія конца XVIII вѣка, изъ той революціи во всѣхъ областяхъ мысли и чувства, которая наобѣщала на первыхъ порахъ такъ много, а въ страшномъ итогѣ дала такъ мало. Принципъ свободы и жажды счастія стали источникомъ всѣхъ титаническихъ порывовъ, какими жили идеалисты конца XVIII и начала XIX столѣтія, точно такъ же, какъ крушеніе всѣхъ идеаловъ и надеждъ вызвало въ этихъ же восторженныхъ людяхъ острые приступы озлобленія, разочарованности, меланхоліи и даже мизантропіи. Въ этомъ столкновеніи необузданной жажды счастія и самой широкой свободы съ внѣшнимъ и внутреннимъ установившимся строемъ человѣческой жизни кроется начало тѣхъ душевныхъ настроеній, какія выразились всего отчетливѣе въ геройхъ Шатобріана, молодого Гёте и Байрона.

Нашъ Демонъ принадлежитъ къ ихъ орлиной семьѣ. Въ немъ сохранились общіе семейные признаки—гордый умъ, сила духа и тѣла, огонь страсти—но онъ не знаетъ, какъ пользоваться всѣми этими преимуществами. Этимъ именно незнаніемъ онъ и отличается отъ своихъ западныхъ родственниковъ, которые, какъ дѣти революціоннаго вѣка съ опредѣленными общественными идеалами, знали, куда должно было направить свои силы и страдали только отъ невозможности приложить ихъ къ дѣлу или отъ сознанія, что онѣ были приложены не такъ какъ должно. У нашего Демона такихъ идеаловъ совсѣмъ нѣтъ. Несмотря на свои земныя чувства,

герой поэмы считалъ интересы земли нестоющими вниманія; въ виду людской ничтожности и мелочности, онъ давно порвалъ всякую связь съ людьми и былъ занятъ лишь самимъ собою.

Главное драматическое положеніе поэмы, встрѣча демона съ Тамарой, имѣетъ также свои аналогіи на западѣ.

Драматическая завязка поэмы вытекаетъ естественно изъ характера самого героя, чѣмъ и объясняется это сходство произведеній, другъ отъ друга не зависящихъ.

Демоническая натура, несмотря на многія привлекательныя свои стороны, натура эгоистическая. Сознаніе своей силы и величія своихъ порывовъ и замысловъ умаляетъ въ глазахъ такого „демона“ цѣну какой бы то ни было жертвы, принесенной ему его ближними. Глубина и острота собственныхъ страданій заставляетъ его хладнокровно смотрѣть на страданія другихъ, въ особенности если эти страданія не захватываютъ столь широкаго круга чувствъ и мыслей, какой охваченъ страданіями самого героя. Встрѣчаясь съ натурой болѣе слабой, демоническая натура обезличиваетъ ее иногда даже противъ своей воли и становится источникомъ ея нравственныхъ мученій, такъ какъ предъявляетъ ей требованія, на которыя она отвѣтить не въ состояніи. Вотъ почему жизненныя столкновенія съ такими демоническими характерами не обходятся дешево людямъ обыкновеннымъ, и преимущественно женщинамъ.

Общественное движеніе, создавшее демоническихъ мужчинъ, поселило и въ женскихъ сердцахъ жажду свободы. Но героиня была еще очень консервативна, менѣе стремительна въ своихъ думахъ и чувствахъ, пока еще безвольна и очень смиренна въ сравненіи съ героемъ, который, хоть и одинокій въ мірѣ, все-таки не отказывался отъ личной жизни и нуждался въ подругѣ. Сродныхъ по духу взять было негдѣ и приходилось довольствоваться кругомъ нѣжныхъ, любящихъ, и слабыхъ женскихъ натуръ. Отсюда вытекаетъ драматическое противопоставленіе демона-мужчины ангелу-женщинѣ,

контрастъ, являющійся обычнымъ, повсемѣстно распространеннымъ, рычагомъ поэмъ и романовъ въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Еще въ XVIII вѣкѣ встрѣчаемъ мы цѣлый рядъ такихъ героинь въ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ романахъ. Эти героини романовъ Ричардсона и Руссо — слабыя христіанки, смиренныя женщины, отданныя на произволъ единственной страсти — любви, смѣшанной иногда съ долею сожалѣнія. Въ этомъ онѣ сходны съ героинями XIX вѣка, вплоть до романовъ Жоржъ Зандъ, когда къ этому традиціонному типу любящей и страдающей женщины добавляется новая характерная черта—желаніе дать отпоръ всякому насилію, отъ кого бы оно ни исходило.

Но такъ какъ прямой или косвенной задачей романовъ Ричардсона и Руссо и ихъ прямыхъ послѣдователей была проповѣдь нравственности и притомъ довольно узкой, то и главные герои, противопоставленные этимъ нравственнымъ женщинамъ, были, въ большинствѣ случаевъ, люди, характеръ которыхъ скорѣе опредѣляется отсутствіемъ извѣстныхъ добродѣтелей, чѣмъ присутствіемъ иныхъ сильныхъ душевныхъ качествъ. Таковы, напримѣръ, Ловеласъ, герой „Памелы“, и Сенъ-Прё—„Новой Элоизы“. Отнимите у Ловеласа его Донжуановскую натуру, не останавливающуюся передъ насиліемъ, устраните изъ жизни Сенъ-Прё нѣкоторые соціальные предразсудки,—и всѣ эти семейныя драмы кончатся картиной супружескаго счастья. Во всѣхъ этихъ геройхъ до-революціонной эпохи нѣтъ демоническаго элемента, того склада характера, при которомъ покой и счастье невозможны даже при самыхъ благополучныхъ условіяхъ. Въ сердцѣ этихъ героевъ для сатаны остается мало мѣста. Онъ вселится въ этихъ людей, когда крушеніе великихъ надеждъ ляжетъ на нихъ всею тяжестью.

Примѣръ тому—Рене и его младшіе братья. „Рене“ Шатобріана многими своими сторонами коренится въ дѣйствительно выстраданныхъ моментахъ жизни. Онъ—родной сынъ

французской революціи, и этимъ все сказано. Запасъ его душевныхъ силъ великъ, какъ велико и его страданіе. Въ его душѣ живетъ это чувство недовольства всѣмъ и всѣми, которое заставляетъ его бѣжать отъ людей, говорить о ничтожествѣ міра, не находить ничего поучительнаго ни у древнихъ, ни у новыхъ народовъ, смѣяться надъ всякой обязательной работой и предаваться мрачнымъ мечтаніямъ, „сидя у кратера огнедышащей горы“. Въ вопросахъ религіозныхъ этотъ человѣкъ не можетъ быть названъ невѣрующимъ; но гордость и жажда великой роли никогда не уживаются съ христіанскимъ смиреніемъ. Мы чувствуемъ, что для лицъ съ такимъ характеромъ возможенъ лишь одинъ покой,—кажущійся покой бури. Дружба и любовь такого человѣка опасны и гибельны. Онъ, правда, не совращаетъ невинныхъ, но любовь его не можетъ удовлетвориться обыкновенной страстью; ему нужно что-то особенное, что̀ выдвигало бы его и въ этомъ чувствѣ изъ ряда другихъ людей; и Рене любитъ свою родную сестру, но любовью не братской. Когда онъ потомъ беретъ себѣ жену изъ дикаго племени, семейная и, повидимому, счастливая жизнь среди дѣвственной природы не даетъ ему успокоенія. Онъ бросаетъ жену и доводитъ ее до самоубійства. Призракъ несчастной сестры не покидаетъ его и становится источникомъ того мистическаго настроенія, той скуки и томленія, которыя окончательно парализуютъ всѣ его душевныя силы.

Если оставить этому типу его эгоистическое самообожаніе, дать ему возможность болѣе энергично дѣйствовать, не въ дебряхъ американскихъ лѣсовъ, а въ цивилизованныхъ странахъ, заставить его любить глубже и глубже ненавидѣть, со страстью бороться за свои идеалы и затѣмъ оплакивать ихъ крушеніе—то получится тотъ типъ героевъ, которымъ Байронъ придалъ такую мрачную красоту.

Оставляя въ сторонѣ соціальное значеніе этихъ типовъ, возьмемъ ихъ личную жизнь и мы увидимъ, что ихъ любовь — проклятіе. Вспомнимъ сначала Сбогара и его воз-

любленную, затѣмъ Конрада и Медору, Лару и Каледъ, Селима и Зулейку, Манфреда и Астарту, Альпа и его невѣсту, Уго и Паризину.

Припомнимъ также Фауста и Маргариту. У Гёте, Байрона и Нодье, какъ позднѣе у Мура и Виктора Гюго, Мюссе и другихъ поэтовъ первой половины XIX столѣтія, часто будетъ попадаться эта основная пружина эпическихъ разсказовъ и драматическаго дѣйствія, это постоянное столкновеніе сильнаго мужского характера съ женскимъ, болѣе слабымъ, но всегда болѣе симпатичнымъ. Женщина, исполнивъ свой долгъ утѣшительницы и помощницы, будетъ смиренно сходить со сцены, какъ мученица своей нравственной чистоты. Ей будетъ открыто небесное царствіе, какъ въ послѣдней сценѣ Фауста, а невольный или вольный ея мучитель будетъ страдать и казниться. Но и здѣсь женщина не покинетъ его. Любящая, она и за гробомъ будетъ ходатаемъ передъ Богомъ за его искупленіе. Старый мотивъ Данте оживетъ въ новыхъ образахъ.

Какъ на образецъ такой, хотя и тщетной, попытки утѣшить и возродить къ новой жизни падшаго духа—мужчину, можно указать на подвигъ ангельской любви, о которомъ такъ нѣжно говорилъ въ своей знаменитой поэмѣ „Элоа“ Альфредъ де Виньи. Авторъ этого трогательнаго разсказа былъ глубоко религіозный человѣкъ,—отсюда мягкая христіанская окраска его поэмы или, вѣрнѣе, элегіи.

Элоа—ангелъ, родившійся отъ слезы, которую проронилъ Спаситель, когда узналъ о смерти Лазаря; существо—любящее, мягкое, нѣжное, способное на ту же высокую степень любви и самоотверженія, какая была освящена его Божественнымъ Родителемъ. Какъ Онъ былъ посланъ въ міръ для спасенія грѣшныхъ, такъ и для Элоа предназначена многострадальная судьба утѣшительницы родоначальника всего грѣха въ мірѣ, отверженнаго и падшаго ангела. Съ этимъ ангеломъ встрѣтилась Элоа, когда случайно залетѣла на землю; онъ, увидавъ ее, плѣнился ею, сталъ ри-

совать ей свое царство въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, повѣрилъ ей тайну своего отчужденнаго и разочарованнаго существованія, и тѣмъ, въ свою очередь, плѣнилъ ея сердце. Ей стало жаль его и въ ней вспыхнуло желаніе возродить его къ новой жизни. Была минута, когда демонъ, говоря ей о своей любви, былъ готовъ принести покаяніе и молить Бога о прощеніи. Наплывъ воспоминаній о минувшемъ блаженствѣ размягчилъ его душу. Но это была только минута; злоба и ненависть воскресли въ демонической душѣ съ прежней силой и онъ, увлекая Элоа съ собою въ преисподнюю, на вопросъ: кто онъ? — могъ отвѣтить только, что „онъ увлекаетъ свою рабыню и держитъ въ рукахъ свою жертву". Элоа погибаетъ и никто не приходитъ ей на помощь.

Но скоро писатели, а въ особенности писательницы, обращавшіеся къ той же темѣ женскаго самоотверженія, стали рѣшать этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

Безгласная и любящая женщина, погибающая отъ мужского эгоизма и произвола, стала мало-по-малу показывать когти. На-ряду съ типами демоническихъ мужчинъ, стали появляться на сцену и типы демоническихъ женщинъ: женщина стала во всемъ требовать для себя равноправія. Толчекъ былъ данъ г-жею Сталь и Бенжаменъ-Констаномъ, современниками Шатобріана. „Дельфина" была адвокатскою рѣчью за независимое положеніе женщины въ обществѣ. Элеонора, съ своей стороны, стала предшественницей типовъ Жоржъ-Зандъ и наглядно доказывала, что несчастіе женщины кроется въ тѣхъ общественныхъ предразсудкахъ и соціальныхъ условіяхъ, въ какія она поставлена. Первый романъ Ж.-Зандъ, „Индіана", былъ, такимъ образомъ, далеко не новинкой. Слова: „одиночество пріятно и люди не стоютъ сожалѣнія", эти слова, въ которыхъ героиня резюмируетъ свою житейскую философію, были прелюдіей къ настоящему возмущенію. Самымъ законченнымъ типомъ этой

возмутившейся женщины была „Лелія“. Въ ней демоническій мужской характеръ нашелъ достойнаго соперника.

Такимъ образомъ, вся галлерея демоническихъ типовъ, и мужскихъ, и женскихъ, была не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ жизненной общественной правды — преувеличенной, быть можетъ, но въ основаніи своемъ вѣрной картиной дѣйствительности. Идеи и чувства, олицетворенныя въ этихъ демонахъ мужского и женскаго пола, были общимъ достояніемъ всей Европы, а также и нашей родины.

Оглядываясь на свою собственную жизнь, русскій читатель того времени замѣчалъ, однако, что всѣ эти типы эксцентричныхъ и сильныхъ женщинъ—явленіе, совершенно ей чуждое. Подмѣчая ежедневно и въ другихъ, и въ самомъ себѣ чувства, родственныя тѣмъ душевнымъ порывамъ, какими онъ восхищался въ любимыхъ демоническихъ натурахъ, онъ могъ также ежедневно убѣждаться въ томъ, что этихъ чувствъ среди русскихъ женщинъ ему встрѣчать не приходится. И наша литература въ данномъ случаѣ осталась вѣрна дѣйствительности. Рядомъ съ безчисленными мужскими типами въ стилѣ Байрона, мы въ русскихъ романахъ того времени не встрѣтимъ соотвѣтствующихъ типовъ женскихъ. Общественная почва была для нихъ пока неблагопріятна: ихъ не было въ жизни, ихъ не было и въ литературѣ. Русская женщина того времени нашла свой прообразъ въ типѣ Татьяны, которая, по своей мечтательности, по нравственной чистотѣ, уступчивости и склонности къ чтенію нравственныхъ проповѣдей, обнаруживаетъ близкое родство съ героинями романовъ Руссо и Ричардсона.

Женскіе типы Лермонтова вышли также кроткими и любящими подругами и спутницами своихъ эгоистическихъ мужей и поклонниковъ.

Лермонтовъ, какъ видимъ, не заимствовалъ своего „Демона“ у кого-либо изъ перечисленныхъ нами авторовъ; поэма вытекла изъ его личной жизни, какъ результатъ сочетанія пережитаго и перечитаннаго. Съ идеями и настроеніемъ

своего вѣка онъ, мы знаемъ, ознакомился довольно рано, благодаря усиленному литературному чтенію,—и слѣдствіемъ совпаденія этихъ идей съ его личнымъ характеромъ, его думами, тревогами его сердца, нѣкоторыми событіями его юности и его литературными вкусами былъ поэтическій образъ Демона, настолько же сильный и туманный, насколько сильны и неопредѣленны были порывы души самого поэта.

Сама жизнь однако должна была скоро научить Лермонтова обуздывать свою мечту и тѣснѣе и тѣснѣе связывать поэзію съ дѣйствительностью. Ближайшими попытками такого сближенія были его юношескія драмы „Странный человѣкъ“ и „Люди и страсти“, его историческая повѣсть „Вадимъ“ и поэма „Измаилъ-Бей“.

Юношескія драмы. Вадимъ. Измаилъ-Бей.

I.

Въ продолженіи всей своей жизни Лермонтовъ работалъ надъ обрисовкой въ сущности одного единственнаго типа. Характерной особенностью въ пріемѣ его работы было замѣтное отсутствіе точной и связной психологической мотивировки въ характеристикѣ героевъ. Несмотря на силу, съ какой очертаны ихъ нравственныя физіономіи, въ нихъ все-таки естается многое недосказаннымъ и туманнымъ. Мы чувствуемъ, что всѣ эти образы, въ которыхъ столько правдиваго и человѣчнаго, висятъ передъ нами какъ будто въ воздухѣ, что нѣтъ пьедестала, опираясь на который они могли бы стоять твердой ногой на твердой почвѣ. Этотъ недостатокъ происходитъ отъ невѣдѣнія, въ какомъ насъ оставляетъ авторъ относительно прошлаго въ жизни своихъ героевъ.

Прошлое Демона скрыто отъ насъ совершенно и оговорено двумя-тремя словами, не ради объясненія типа, а скорѣе для контраста. Въ „Измаилъ-Бей“ даны только намеки, какъ и въ „Маскарадѣ“. Типъ Печорина выясненъ нѣсколько подробнѣе, благодаря отрывку „Княгиня Лиговская“ и драмѣ „Два брата“, но въ обрисовкѣ и этого типа чувствуется большой пробѣлъ.

Несомнѣнно, что самому автору были не вполнѣ ясны эти тайныя пружины въ сложномъ психическомъ механизмѣ

его героевъ, какъ ему многое было неясно и въ его собственномъ сердцѣ. Онъ шелъ за своимъ вѣкомъ, дѣлилъ его симпатіи и антипатіи; сама природа дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ однѣмъ сторонамъ жизни и менѣе къ другимъ; житейскія случайности пришли на помощь этимъ симпатіямъ. Передъ нимъ стоялъ рядъ этическихъ вопросовъ неразрѣшенныхъ и грозныхъ, и всегда, когда онъ хотѣлъ осмыслить пройденный имъ путь и объяснить свое настоящее настроеніе ссылками на прошлое, онъ убѣждался, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Ему оставалось одно—изложить правдиво свои чувства въ настоящемъ, а въ отношеніи къ прошедшему—ограничиться лишь сожалѣніемъ и общей жалобой. Онъ такъ и дѣлалъ.

Странно слышать, какъ 15-лѣтній мальчикъ говоритъ о „развратныхъ“ годахъ прошлаго, объ „измѣнахъ и разочарованіяхъ, о „страданіи и отчаяніи“, а между тѣмъ эти выраженія вполнѣ понятны. Это были преувеличенныя, подчеркенныя воспоминанія, въ которыхъ поэтъ искалъ причину общаго неопредѣленнаго и неосязаемаго ощущенія грусти, недовольства и озлобленія, какое онъ замѣчалъ въ себѣ, но не могъ подробно самому себѣ выяснить.

Но Лермонтовъ понималъ, что печаль его души нуждается въ болѣе полномъ и ясномъ оправданіи. Нужно было позволить и самому себѣ, и другимъ заглянуть поглубже въ таинственную душу демонической натуры, а для этого нужно было сдѣлать ее болѣе человѣчной и поставить ее въ болѣе жизненныя условія.

Не довольствуясь мелкими стихотвореніями, въ которыхъ поэтъ говорилъ о своихъ туманныхъ сердечныхъ тревогахъ, онъ задумалъ воспользоваться ими какъ матеріаломъ для драматическаго дѣйствія.

Юношескія пьесы Лермонтова важны для насъ, не только какъ образцы его драматическаго таланта или какъ памятники, проливающіе нѣкоторой свѣтъ на темные эпизоды его жизни, но, главнымъ образомъ, какъ попытки поэта связать

свое творчество тѣснѣе съ жизнью и какъ эскизы, въ которыхъ туманный образъ Демона начинаетъ принимать, если не вполнѣ, то хоть отчасти, человѣческія и земныя очертанія.

II.

Былъ ли драматическій талантъ у Лермонтова?

Поэтъ очень рано сталъ прибѣгать къ драматической формѣ въ своихъ сочиненіяхъ. На 14-мъ году жизни онъ драматизируетъ поэму Пушкина „Цыгане“, задумываетъ невѣроятно кровавую драму изъ жизни какихъ-то разбойниковъ, набрасываетъ сюжетъ трагедіи изъ Шатобріана, мечтаетъ даже о трагедіи изъ римской жизни [„Марій“ и „Неронъ“], попытавшись, предварительно, написать таковую же изъ жизни древне-русской.

Всѣ эти попытки не удаются, и первымъ драматическимъ этюдомъ является трагедія изъ испанской жизни „Испанцы“ [1830]. Не забудемъ, что и въ первомъ очеркѣ „Демона“ у монахини въ рукахъ была „испанская“ лютня.

Эта трагедія — очень живой и драматичный разсказъ о нѣкоемъ евреѣ Фернандо, который, не зная кто онъ, былъ воспитанъ въ домѣ испанскаго дворянина и влюбился въ его дочь Эмилію. Въ этой любви онъ столкнулся съ неожиданнымъ соперникомъ въ лицѣ стараго патера Соррини, развратника, готоваго на насиліе. Спасая Эмилію, Фернандо вынужденъ своей рукой заколоть ее, чтобы самому кончить жизнь на кострѣ, по приговору инквизиціи.

Сюжетъ навѣянъ, очевидно, чтеніемъ,—отсюда и книжный характеръ трагедіи. За исключеніемъ главнаго героя, неистоваго Фернандо, которому Лермонтовъ уступилъ во временное пользованіе свои собственныя думы и печали,—всѣ эти испанскіе дворяне, инквизиторы, евреи — лица мертвыя, копіи съ героевъ иностранныхъ произведеній: Моисей и Ноэми—страница изъ Вальтеръ-Скотта или Лессинга, Эмилія—героиня въ духѣ Шиллера, патеръ Соррини тоже не безъ сходства

съ злодѣями Шиллера; похищеніе Эмиліи—эпизодъ изъ „Эмиліи Галлоти“ Лессинга; встрѣча Фернандо съ Моисеемъ очень сходна со встрѣчей Натана и храмовника. Однако, въ общемъ, благодаря поднятому тону и запутанной драматической завязкѣ, трагедія сценична и эффектна. Для 16-лѣтняго возраста опытъ можетъ быть названъ удачнымъ. Трагедія любопытна также и тѣмъ, что въ ней сдѣлана первая попытка правдоподобно объяснить наплывъ неясной печали въ душѣ героя. Жизнь Фернандо обставлена такими условіями, которыя вполнѣ и естественно оправдываютъ его неистовые вопли. Онъ — неблагородный по рожденію — благороденъ по духу; вокругъ него—знатные по рожденію ведутъ себя какъ негодяи, служители церкви разбойничаютъ и торгуютъ совѣстью, во имя Бога насилуютъ и жгутъ людей. Какъ не произнести проклятія надъ всѣми этими „Испанцами“, у которыхъ:

И рай и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ... И подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка...

Такія тирады могутъ показаться очень реторичными, но для молодого Лермонтова онѣ были полны глубокаго смысла—въ нихъ какъ бы *историческими* ссылками подтверждалась законность негодованія на людей и право презирать ихъ.

Лермонтовъ замѣтилъ однако скоро, что такое оправданіе выиграетъ значительно въ силѣ, если вмѣсто историческихъ призраковъ на сценѣ начнутъ дѣйствовать *современники*.

Вотъ почему въ слѣдующихъ своихъ трагедіяхъ „Люди и страсти“ и „Странный человѣкъ“ поэтъ перенесъ мѣсто

дѣйствія въ русскую столицу и деревню. Художественное исполненіе драмъ, безспорно, выиграло отъ этой перемѣны. Поэтъ сталъ черпать матеріалъ изъ жизни и изъ личныхъ впечатлѣній, и дѣйствующія лица стали говорить прозой, а не стихами; драматическія эффекты уступили мѣсто ровному теченію обыденной жизни; кинжалы, ночныя нападенія и таинственныя появленія совсѣмъ сошли со сцены. Но въ драмахъ остался одинъ крупный недостатокъ, въ которомъ виноваты были, конечно, не одни лишь молодые годы автора;—а именно всѣ второстепенныя лица изображены были реально и просто, а главные герои, характеры сложные и загадочные, нарисованы красками слишкомъ яркими и кричащими. Ровный ходъ драматическаго изложенія нарушался ежеминутно субъективно-страстными лирическими монологами героевъ, а сами они, эти загадочныя натуры, вышли неестественными именно потому, что были брошены въ среду людей совсѣмъ обыкновенныхъ.

Эта драматическая ошибка, нарушающая единство впечатлѣнія въ драмахъ Лермонтова, была не просто технической, внѣшней ошибкой, но коренилась въ самомъ замыслѣ поэта. Онъ не хотѣлъ забыть о самомъ себѣ въ своихъ трагедіяхъ. Главному герою отводилось въ нихъ то же первенствующее мѣсто, какое поэтъ отводилъ своему загадочному настроенію въ жизни. Авторъ хотѣлъ окружающей средой объяснить странность поведенія и міросозерцанія главнаго героя, за которымъ онъ самъ скрывался. Этотъ главный герой одинъ долженъ быть виденъ отовсюду, даже тогда, когда его нѣтъ на сценѣ; имъ однимъ долженъ быть занятъ зритель, такъ какъ онъ одинъ—положительный типъ среди остальныхъ отрицательныхъ или безцвѣтныхъ личностей. Дѣйствительно, во всѣхъ драмахъ Лермонтова, за исключеніемъ позднѣйшей, „Маскарада“, главный герой—честный человѣкъ и стоитъ совершенно одиноко. Женщина ему измѣняетъ, друзья его обманываютъ, отецъ проклинаетъ, а всѣ остальные люди или безучастно, или злорадно относятся къ

его страданіямъ. Поставленный въ такія условія, человѣкъ не можетъ жить общей жизнью съ другими и невольно становится вдали отъ всѣхъ съ сознаніемъ своего права на такое одиночество.

III.

„Странный человѣкъ“, и „Menschen und Leidenschaften“ [какъ Лермонтовъ озаглавилъ „Страсти и люди“] несомнѣнно бытовыя драмы.

Принимая во вниманіе тогдашнее состояніе русскаго репертуара, гдѣ приторная сантиментальность чередовалась съ пустымъ водевильнымъ весельемъ, можно пожалѣть, что эти драмы въ свое время не попали на сцену. Онѣ не совершили бы переворота, но, несомнѣнно, могли повліять благотворно на вкусъ зрителей. Драма „Menschen und Leidenschaften“, несмотря на заглавіе á la Коцебу, по отдѣльнымъ бытовымъ сценамъ напрашивается на сравненіе съ театромъ Островскаго.

Что касается автобіографическаго матеріала, который мы вправѣ искать въ этихъ драмахъ, то пользоваться имъ должно съ большою осторожностью. Никто не рѣшится сказать, что съ Лермонтовымъ въ жизни, дѣйствительно, произошло все то, что̀ съ его героями въ этихъ драмахъ. Но если драматическія положенія и преувеличены, то истиннымъ остается одинъ фактъ — окрѣпшее и развившееся самосознаніе автора, тогда 16-лѣтняго юноши. Какъ „Демонъ“ былъ попыткой *символизировать* печаль юношеской души поэта, такъ эти драмы были попыткой ее *осмыслить* То настроеніе, которое рисовалось въ „Демонѣ“, какъ конечный полный результатъ прожитаго, разлагалось здѣсь на составныя части, путемъ положеній и состояній, взятыхъ изъ реальной жизни и подкрѣпленныхъ собственнымъ опытомъ.

Можетъ ли этотъ опытъ быть названъ богатымъ? Едва ли; но въ драмахъ Лермонтова намѣчены и затронуты многія

житейскія положенія, въ какія, дѣйствительно, могъ стать 16-лѣтній юноша.

Типы главныхъ героевъ—Юрія Волина и Владиміра Арбенина — представляютъ собою двѣ послѣдовательныхъ ступени въ развитіи одного характера, и мы вправѣ объединить ихъ, для удобства характеристики, въ одномъ лицѣ.

Какъ же сложилась нравственная физіономія этого человѣка?

IV.

Въ дѣтствѣ нашъ герой съ простосердечіемъ и довѣрчивостью кидался въ объятія всякаго; его занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства и сердце вздрагивало при одномъ имени свободы [„Menschen und Leidenschaften“ I, v]. Онъ нетерпѣливо старался узнавать человѣческое сердце, пламенно любилъ природу, и твореніе человѣчества было прекрасно въ его ослѣпленныхъ глазахъ [ibid.]. Но любовь его къ свободѣ была понята неправильно, сочтена за вольнодумство, и общество отъ него отшатнулось. Онъ вернулся въ семью, гдѣ засталъ полный семейный разладъ. Бабушка, у которой онъ жилъ, была въ распрѣ съ его отцомъ и не только въ нравственной распрѣ, но и денежной [ibid. III, 11]. Съ его матерью отецъ, повидимому, жилъ не въ особенныхъ ладахъ, мать умерла рано; отца постарались удалить отъ него. Онъ остался на рукахъ у бабушки, и когда отецъ, по окончаніи его воспитанія, пріѣхалъ за нимъ, то нашъ герой очутился между двухъ огней, среди цѣлаго ряда семейныхъ сценъ, среди обоюдныхъ дрязгъ и клеветы, которая наконецъ поставила его въ такое положеніе, что отецъ его проклялъ. Это проклятіе упало на его голову къ тому же послѣ сильнѣйшаго пароксизма любовной горячки, въ которой ему показалось, что любимая имъ дѣвушка его обманула. Дрязги заставили его увидать много дурныхъ сторонъ въ любимой имъ бабушкѣ, а про-

клятіе отца показало ему всю мелочность и нелюбовь этого человѣка. Проклятіе его убило — и онъ отравился. Такова трагедія Юрія Волина въ драмѣ „Страсти и люди".

Но пусть отецъ нашего героя будетъ болѣе послѣдователенъ въ своемъ отношеніи къ нему и болѣе твердъ въ своихъ своеобразныхъ нравственныхъ принципахъ, и тогда нашъ герой станетъ къ нему въ то положеніе, въ какомъ въ „Странномъ человѣкѣ" молодой Арбенинъ стоитъ къ своему отцу. Между нимъ и его отцомъ становится больная отвергнутая мать, которая умираетъ на рукахъ сына. Передъ нами новая семейная драма, болѣе жестокая, чѣмъ въ трагедіи „Menschen und Leidenschaften". Она кончается тѣмъ же проклятіемъ и Арбенинъ умираетъ, какъ и Волинъ.

Герой этихъ юношескихъ драмъ Лермонтова разувѣрился въ дружбѣ такъ же, какъ и въ семейной привязанности. Друзья не оправдали его надеждъ, какъ и его родственники. Съ первымъ другомъ, Заруцкимъ [Menschen uud Leidenschaften"], у него вышло недоразумѣніе; второй другъ, Бѣлинскій [„Странный человѣкъ"], отбилъ у него невѣсту и сознательно обманулъ его. Герой былъ слишкомъ легковѣренъ и слишкомъ идеально настроенъ. Онъ могъ сказать, что никто его не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ его сердцемъ, которое полно любви и принуждено расточать ее напрасно [„Странный человѣкъ", I]. Онъ не могъ ужиться съ той молодежью, которая его окружала. Не онъ виноватъ, что несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи [„Странный человѣкъ", II], но онъ долженъ испытать на себѣ тяжкія послѣдствія этого нравственнаго паденія своихъ современниковъ. Немудрено, что онъ мечтаетъ объ Италіи, такъ какъ во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое ему бы отвѣтило [„Странный человѣкъ", IV]. Но пусть мечта замѣнится въ немъ разсудочнымъ отношеніемъ къ жизни и тогда онъ согласится

со своимъ другомъ Бѣлинскимъ, что пріятели въ нашъ вѣкъ — двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ [„Странный человѣкъ“, XII].

Любовь къ женщинѣ въ глазахъ героя этихъ драмъ — такое же ненадежное чувство, какъ и дружба. По природѣ своей герой былъ мечтательной натурой. Дѣвушка, которую онъ встрѣтилъ, показалась ему ангеломъ-утѣшителемъ. Этотъ ангелъ взялъ его за руку, утѣшилъ однимъ взглядомъ, и этимъ неизъяснимымъ взглядомъ обновилъ его для жизни [Menschen und Leidenschaften“ II, iv]. Разные предразсудки и недоразумѣнія не позволили ему насладиться съ ней счастьемъ, и онъ измучилъ и себя самого, и своего ангела несправедливыми подозрѣніями. Когда онъ во второй разъ влюбился, то, по наивности своей, думалъ, что встрѣтилъ снова ангела, предполагая его, вѣроятно, въ каждой дѣвушкѣ [„Странный человѣкъ“, I]. На этотъ разъ женщина, дѣйствительно, измѣнила ему, и подозрѣнія, къ которымъ герой вообще былъ склоненъ, нашли себѣ оправданіе. За идеализмъ и чистосердечіе ему отплатили грубой расчетливостью и коварствомъ. Жизнь вырвала у него, наконецъ, страшное признаніе, что онъ на землѣ „лишній человѣкъ“ [„Странный человѣкъ“, XII].

Любовь нашего мечтателя была проклятіемъ, какъ и любовь Демона, какъ позднѣе любовь Печорина.

Итакъ, для героевъ этихъ семейныхъ драмъ не существуетъ ни семьи, ни любви, ни дружбы. Люди, обреченные судьбой жить внѣ такихъ естественныхъ связей, могли бы найти утѣшеніе въ религіи, какъ примирительницѣ неудачъ и разладовъ бытія. Но нашъ герой неспособенъ возвыситься до религіознаго взгляда на жизнь. Въ религіи онъ сначала такой же мечтатель, какъ и во всемъ другомъ; онъ жаждетъ рая на землѣ и, обманувшись, не желаетъ искать его въ самомъ себѣ, въ примиреніи, въ смиренной вѣрѣ: людскія несправедливости онъ ставитъ въ счетъ Богу и говоритъ:

„Menschen und Leidenschaften“ V, IV]: „зачѣмъ Онъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца? Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденія, зная про мою гибель? Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнію, я могу умереть или жить? О, человѣкъ! несчастное брошенное созданіе!... Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... я молился... не было спасенія... я страдалъ... ничто не могло Его тронуть“. При другомъ случаѣ это безотрадное разсужденіе приводитъ нашего скептика къ такому выводу: „Другъ мой, — говоритъ онъ своей возлюбленной, — нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... и мы въ немъ исчезнемъ... мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди — брошенныя безпріютныя созданія“ („Menschen und Leidenschaften“ V, X]. Не забудемъ, однако, что эти слова произнесены почти въ бреду, за нѣсколько минутъ до смерти. Но, помимо этихъ признаній, мы могли бы догадаться сами, что герой мало доступенъ религіозному утѣшенію. Онъ слишкомъ любитъ видимое и осязаемое, слишкомъ привязанъ къ землѣ, чтобы взглянуть на нее, какъ на переходную стадію къ иному существованію. Эта любовь къ землѣ, къ ея треволненіямъ — основная черта характера героя; онъ хочетъ покоя, а ищетъ бури; обманутый и разочарованный онъ не имѣетъ достаточно силы чтобы совсѣмъ отвернуться отъ жизни и противустоять ея искушеніямъ. Онъ, какъ ночная бабочка, лѣпится къ ея свѣту.

Жажда дѣятельности въ немъ плохо прикрыта внѣшней разочарованностью, и блѣдность его лица совсѣмъ не соотвѣтствуетъ внутреннему жару его сердца. Вся жизнь его — противорѣчіе. Быть тѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ быть, онъ не можетъ, а быть тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ быть, онъ не хочетъ. Довести же себя до безучастнаго отношенія къ жизни онъ не въ силахъ по природной своей организаціи дѣятельнаго, живого и всѣмъ интересующагося человѣка. Эта живость его натуры, воспріимчивость и страстность оправдываютъ отчасти его пессимистическія и безотрадныя разсу-

жденія о жизни. „Не оживетъ, если не умретъ“—можно сказать про его сердце. Порывъ отчаянія для него толчокъ къ новой жизни, если не внѣшней, то внутренней. Съ каждымъ новымъ разочарованіемъ онъ дѣлается на видъ болѣе безстрастнымъ и холоднымъ, а на самомъ дѣлѣ болѣе чуткимъ и страстнымъ. Его природа подобна волкану, который послѣ каждаго изверженія застываетъ, и каменистая кора дѣлается все тверже и крѣпче, но при новомъ взрывѣ, и новая, и старая лава обращаются въ одно огненное море.

Таковъ этотъ новый герой, созданный фантазіей Лермонтова. Онъ болѣе человѣченъ, чѣмъ Демонъ и его отчаянное міросозерцаніе хоть и невполнѣ, но достаточно оправдано обстоятельствами.

Среди этихъ житейскихъ обстоятельствъ, при которыхъ слагалось печальное міровоззрѣніе Волина и Арбенина, есть нѣкоторыя, придающія драмамъ Лермонтова совсѣмъ особое значеніе. Кругозоръ поэта за это время настолько расширился, что для объясненія загадочной трагедіи своей мрачной души онъ сталъ привлекать не только мотивы чисто личные,—любовь и дружбу, но и мотивы соціальные.

Въ драмахъ Лермонтова попадаются картины ужасающаго помѣщичьяго произвола. Въ драмѣ „Страсти и люди“ бабушка Марѳа Ивановна, негодующая на евреевъ за распятіе Христа, готова сама распять всѣхъ своихъ крѣпостныхъ за разбитую кружку. Ея совѣтница, крѣпостная Дарья—типъ озлобленной рабыни, мстящей господамъ за свою неволю. Въ драмѣ „Странный человѣкъ“ попадаются раздирающія сцены, въ которыхъ разсказывается, какъ помѣщики мужикамъ вывертывали руки, какъ выщипывали бороду волосокъ по волоску, какъ кололи ихъ и сѣкли. „О, мое отечество, мое отечество!“ только и можетъ отвѣтить герой на всѣ жалобы угнетенныхъ, вполнѣ сознавая все свое безсиліе *).

*) Про нашего героя одинъ изъ его свѣтскихъ знакомыхъ высказался въ такихъ выраженіяхъ: «какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль

„Люди для меня слишкомъ подлы“—признается онъ при другомъ случаѣ, и эти гордыя слова, сказанныя отъ лица Лермонтова, звучатъ теперь уже не такимъ неосмысленнымъ афоризмомъ, какимъ они казались намъ въ юношескихъ стихотвореніяхъ нашего поэта.

V.

Нельзя, конечно, приписывать самому Лермонтову всего того, что̀ говорятъ о себѣ его молодые герои. Одинъ тотъ фактъ, что поэтъ принужденъ былъ убить двоихъ изъ нихъ, показываетъ намъ, что онъ поставилъ ихъ въ условія не нормальныя и съ его собственнымъ положеніемъ не сходныя. Но созданы эти типы, безспорно, для защиты того протестующаго положенія, какое самъ Лермонтовъ занялъ въ отношеніи къ жизни и людямъ. О примиреніи съ ними и выходѣ изъ этого положенія нѣтъ еще и рѣчи. Поэтъ пока занятъ тѣмъ, что оправдываетъ себя, укоряя людей все въ бо̀льшихъ и бо̀льшихъ преступленіяхъ противъ этики общественной и личной.

Итакъ, если драматическіе опыты Лермонтова не имѣютъ достаточныхъ художественныхъ красотъ, которыя позволили бы намъ наслаждаться ими какъ памятниками искусства, то они цѣнны для насъ, какъ очень правдивый отголосокъ душевной борьбы, пережитой въ то время самимъ поэтомъ.

отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ отчего она произошла? Мнѣ сказывали, что его умственныя способности очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостью; въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что еслибъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

Протестъ отчужденнаго и обманувшагося человѣка очерченъ въ нихъ ярко и драматично, и притомъ жизненно и реально. Вмѣстѣ съ этимъ протестомъ ярко обозначены и его источники, и раньше плохо мотивированная печаль и бравурное презрѣніе къ людямъ принимаютъ теперь видъ болѣе или менѣе осмысленнаго негодованія.

VI.

Ко времени, о которомъ мы говоримъ, т.-е. къ 1830—32 годамъ, помимо драматическихъ опытовъ, относятся еще два крупныхъ произведенія Лермонтова: неоконченная историческая повѣсть „Вадимъ“ и поэма „Измаилъ-Бей“. Драмы, историческая повѣсть и поэма связаны между собою единствомъ настроенія. Герои драмъ, герой повѣсти Вадимъ и Измаилъ-Бей—родные братья. Обрисовкѣ характеровъ этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ отведено, и въ повѣсти, и въ поэмѣ первое мѣсто. Остальныя дѣйствующія лица только намѣчены. Мы узнаемъ манеру и творческій пріемъ поэта: выдвигать впередъ одну личность и оттѣнять ее другими.

Сюжетъ исторической повѣсти взятъ ихъ исторіи пугачевскаго бунта, и авторъ очень искустно воспользовался своимъ матеріаломъ. Повѣсть читается и теперь не безъ интереса. Въ ней можно найти живыя народныя сцены, яркую картину помѣщичьей жизни конца XVIII вѣка, сцены изъ крѣпостного быта, изъ жизни казачества временъ Пугачева, вообще многое, что̀ напомнитъ и „Капитанскую дочку“, и „Дубровскаго“. Эти сцены, набросанныя и колоритно, и живо, чередуются съ другими эпизодами, написанными еще въ старомъ романтически-сентиментальномъ стилѣ, какъ напр., весь любовный романъ главнаго героя—Вадима.

Этотъ Вадимъ одинъ изъ тайныхъ агентовъ Пугачева, продавшій себя въ рабство, чтобы легче поразить ненавистнаго ему помѣщика рабовладѣльца, который разорилъ его

отца. Вадимъ -мститель, и за личное оскорбленіе, и за униженіе народа.

Соціальный мотивъ выдвинутъ въ этой повѣсти на первый планъ. Борьба имущихъ съ неимущими очерчена очень рѣзко. Картины глухого волненія крестьянъ, типы бродягъ и нищихъ, описаніе мятежа и кровавой расправы съ помѣщиками, буйство народа—все вырисовано съ умѣньемъ и наблюдательностью, хотя, конечно, съ нѣкоторой романтической экзальтаціей. Симпатіи автора раздѣлены, впрочемъ, между спорящими партіями. Съ большой любовью останавливается онъ на картинахъ народнаго страданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое презрѣніе къ толпѣ проглядываетъ иногда въ его словахъ!—презрѣніе, которое ищетъ себѣ оправданія въ сознаніи своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ дикой и необузданной массой.

Вадимъ, герой повѣсти, становясь вождемъ народнаго возстанія, только внѣшнимъ образомъ соприкасается съ народомъ, а въ душѣ презираетъ его. Вадимъ—личность очень эксцентричная. Создавая этотъ типъ, Лермонтовъ далъ широкій просторъ своей фантазіи и намѣренно попытался обставить жизнь Вадима самыми невѣроятными условіями, чтобы оправдать неистовство его страстей и его непомѣрную ненависть къ людямъ. Вотъ почему, несмотря на усилія мотивировать психологически его характеръ [Лермонтовъ въ этой повѣсти щедръ на анализы душевныхъ движеній], онъ не могъ достичь желанной ясности въ его характеристикѣ. Нѣсколько выдержекъ изъ повѣсти дадутъ намъ понятіе объ этой странной личности, которая для насъ особенно интересна одной стороной своего характера—чувствомъ возмутившагося и *мстительнаго* человѣка. Это—новое психическое состояніе, которое пока еще не попадалось намъ въ Лермонтовскихъ типахъ.

„Меня взяли въ монастырь изъ состраданія,—разсказываетъ Вадимъ,—кормили, потому что я былъ не собака и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ

мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣніемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ,—притѣсняемый за то, что я обиженъ природой, что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться! у меня въ сердцѣ были одни проклятія". „Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою—она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать"...

„Вадимъ вѣрилъ въ Бога, но также и въ дьявола".

„Ему снилось наяву давно желанное блаженство—свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго — духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которое представлялось ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга". „Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда одна какая-нибудь мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ былъ родиться всемогущимъ или вовсе не родиться"...

И этотъ гордый духъ жилъ въ самомъ уродливомъ тѣлѣ: „онъ былъ горбатъ и кривоногъ, лицо его было длинно, смугло; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго,

мраченъ, какъ облако, покрывающее солнце въ день бури, синяя жила пересѣкла его неправильныя морщины; губы — тонкія, блѣдныя, были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность". Уродливой внѣшности соотвѣтствовали отчасти и уродливыя чувства: онъ былъ влюбленъ до безумія въ свою сестру. Эксцентричностью своихъ чувствъ и своей кровожадной злобой Вадимъ озадачилъ самого автора и навелъ его на мысль, ужасную по своему этическому нигилизму: „люди ко всему привыкаютъ, — пишетъ Лермонтовъ и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть и чувства святѣйшія—одна привычка, и еслибъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой?!

Повѣсть осталась неоконченной и мы не знаемъ, какая участь ожидала Вадима. Но и въ этомъ видѣ разсказъ очень характеренъ, какъ плодъ раздумья Лермонтова все надъ однимъ и тѣмъ же этическимъ вопросомъ. Чѣмъ и какъ оправдать вскипающую иногда въ груди человѣка страшную злобу противъ людей? Въ комъ вина, въ человѣкѣ ли, который способенъ ощущать такое злобное чувство, или въ людяхъ, способныхъ ангела превратить въ демона? Почти всегда Лермонтовъ переноситъ вину на ближнихъ и говоритъ про всѣхъ своихъ героевъ, что они до столкновенія своего съ людьми были и добрыми, и любящими, и вѣрующими.

Такая постановка вопроса — однако лишь половинное его рѣшеніе, такъ какъ неизвѣстнымъ остается главное: въ какое же положеніе долженъ стать человѣкъ къ своимъ ближнимъ, столь виновнымъ передъ добромъ и справедливостью?

Увлекался Лермонтовъ *безстрастнымъ* Демономъ, *мягкосердечными*, протестующими идеалистами типа Волина и Арбенина, людьми, которые не выдержали тяжести вопроса и

съ собой покончили, и вотъ понравился ему теперь Вадимъ—*мститель* и *разрушитель*. Но, очевидно, онъ остался и имъ недоволенъ, такъ какъ даже не окончилъ разсказа объ его жизни.

VII.

Въ это же время, когда Лермонтовъ набрасывалъ своего „Вадима", былъ имъ задуманъ и написанъ „Измаилъ-Бей". Это была его первая законченная и отдѣланная поэма.

Лермонтовъ очень любилъ поэму какъ литературную форму, и въ юношескихъ его тетрадяхъ сохранилось очень много опытовъ въ этомъ родѣ.

Литературная цѣна этихъ опытовъ невысокая, но они все-таки представляютъ нѣкоторый интересъ по темамъ, которыя въ нихъ затронуты. Бѣглый обзоръ этихъ темъ будетъ нелишнимъ.

Есть темы заимствованныя, какъ, напр., „Кавказскій плѣнникъ" [1829], списанный съ поэмы Пушкина. Это простой пересказъ пушкинскаго сюжета съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ конца [плѣнника убиваетъ отецъ влюбленной въ него черкешенки].

Есть темы навѣянныя, какъ, напр., „Корсаръ" [1828]—исторія душевныхъ терзаній одного искателя приключеній, „который послѣ смерти своего брата ушелъ въ Грецію, надѣясь, что турецкая сабля пресѣчетъ его жизнь. Греція, боровшаяся за свободу, его однако плѣнила; въ немъ проснулась жажда свободы, и онъ сталъ морскимъ разбойникомъ, но не пересталъ грустить, томиться и желать"...

Навѣяна также и тема „Два брата" [1829]—разсказъ о нѣжнѣйшей дружбѣ двухъ братьевъ, на смерть разссорившихся изъ-за любви къ одной женщинѣ.

Есть темы восточныя—отголосокъ того впечатлѣнія, какое произвелъ Кавказъ на Лермонтова. Сюда относятся „Черкесы" [1828]—картинка военнаго быта на востокѣ: „Аулъ-

Бастунджи" [1831—2]—кровавый разсказъ о молодомъ Селимѣ, который, влюбившись въ жену своего брата—Зару, сначала просилъ брата уступить ее ему, и получивъ отказъ, изъ любви ее зарѣзалъ; и „Каллы" [1831]—также очень кровавый разсказъ о нѣкоемъ Аджи, который по совѣту муллы вырѣзалъ изъ мести цѣлое семейство, не пощадивъ даже прелестной молодой дочери своего врага и такъ разсвирѣпѣлъ отъ этой крови, что, возвратясь домой, всадилъ свой кинжалъ муллѣ въ сердце.

Нѣкоторыя темы—фантастическія, какъ, напр. „Азраилъ" [1829]—легенда объ ангелѣ смерти, который тяготился своимъ безсмертіемъ и искалъ любви, пока не влюбился въ одну коварную дѣву, которая терпѣливо на свиданіи выслушивала его повѣсть, но сердце свое берегла для другого. Этотъ же ангелъ появляется и въ другой поэмѣ „Ангелъ смерти"—[1831], но здѣсь онъ ведетъ себя умнѣе. Онъ утѣшаетъ несчастнаго Зораима, у котораго умерла его возлюбленная Ада, и воскрешаетъ ее, принявъ ея образъ. Но Зораимъ неблагодаренъ; онъ—вмѣсто того, чтобы посвятить свою жизнь этому ангелу—идетъ на войну и гибнетъ. Тогда ангелъ видитъ, что люди не стоятъ любви и состраданія и изъ добраго ангела становится злымъ и за смерть Зораима пылаетъ местью ко всему міру.

Встрѣчаются также и сюжеты легендарные, какъ, напр., поэма „Литвинка" [1830—1]—повѣсть объ Арсеніи, который бросилъ жену и дѣтей ради плѣнной литвинки, измѣнившей ему и отъ него убѣжавшей. Побѣгъ ея превратилъ Арсенія въ человѣконенавистника; онъ взялся за оружіе и пошелъ войной на Литву, но на полѣ битвы встрѣтился съ своей бѣглянкой, которая натравила на него своихъ поклонниковъ. Арсеній предпочелъ не отражать ея удара, а встрѣтить съ покорностью смерть отъ руки любимой женщины.

Въ реальномъ стилѣ написана поэма „Джуліо" [1830]—путанная исторія объ одномъ итальянцѣ, обольстившемъ и покинувшемъ несчастную Лору. Подъ гнетомъ раская-

нія странствуетъ онъ по Европѣ, и въ объятіяхъ какой-то Мелины успокаивается; но въ ея будуарѣ опять встрѣчается съ Лорой; затѣмъ уже плачетъ надъ могилой Лоры и наконецъ спасается отъ людей во мракъ и хладъ подземной шахты на дальнемъ сѣверѣ.

Среди этихъ незрѣлыхъ опытовъ есть также отрывокъ изъ поэмы „Исповѣдь“ [1828] — покаяніе одного испанскаго монаха, котораго предаютъ казни за то, что онъ, презрѣвшій жизнь, не могъ разлюбить ее и не устоялъ передъ красотой одной монахини.

Таковы юношескія мечты Лермонтова, которымъ онъ придавалъ форму иногда довольно длинныхъ поэмъ. Онъ самъ, однако, очень скоро позабылъ о нихъ, запомнивъ лишь лучшія строфы, которыя и имѣлъ обыкновеніе вставлять въ болѣе зрѣлыя свои произведенія.

VIII.

Съ поэмой „Измаилъ-Бей“ мы снова на Кавказѣ, въ полусказочномъ, героическомъ мірѣ. Кавказъ для нашихъ мечтателей тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія былъ тѣмъ же, чѣмъ Испанія и Италія для французскихъ романтиковъ этого времени,—страной, которую воспѣвали всѣ, и преимущественно тѣ, кто не имѣлъ возможности побывать въ ней. Лермонтовъ зналъ Кавказъ съ дѣтства.

Сѣверная, угрюмая и меланхолическая натура Лермонтова любила яркія краски юга, богатство и красоту южной природы, огонь и зной южныхъ страстей. Но, уносясь мечтой на Кавказъ, онъ оставался все тѣмъ же сѣвернымъ жителемъ, съ его мрачными страстями, съ чувствами, надъ которыми онъ производилъ безпощадный анализъ холоднаго мыслителя, съ волей, которая была стѣснена и парализована размышленіемъ. Всю эту психику передалъ онъ своимъ героямъ.

Одно изъ основныхъ драматическихъ положеній поэмы „Измаилъ-Бей“ очень напоминаетъ „Лару“ Байрона—именно

трагичная судьба Зары; но сказать, что „Измаилъ-Бей“ написанъ подъ прямымъ вліяніемъ Байрона, мы не можемъ. Герой поэмы похожъ на байроновскіе типы не больше чѣмъ всѣ предшествующіе ему лермонтовскіе герои, съ которыми Измаилъ-Бей состоитъ въ прямомъ родствѣ. Прослѣдить это родство весьма нетрудно, и мы не будемъ особенно подробно его подчеркивать.

Возьмемъ на выборъ нѣсколько строфъ изъ „Измаилъ-Бея“, чтобы показать, что мы имѣемъ дѣло со старымъ знакомымъ. Измаилъ, прежде всего, исключеніе изъ общаго людского правила:

Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ,
Но горный камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ,
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но часто обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ.
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Какъ такое исключеніе изъ общаго правила, Измаилъ естественно одаренъ и „непобѣдимымъ умомъ, силой воли, самыми бурными страстями, однимъ словомъ, той демоничностью, соприкосновеніе съ которой не проходитъ даромъ другимъ людямъ *).

*) Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленіемъ.
Онъ материнской ласки не зналъ.

Свободный горецъ, дитя вольной природы, онъ ребенкомъ былъ оторванъ отъ родины и вкусилъ отъ плодовъ цивилизаціи. На сѣверѣ, въ шумѣ свѣта, онъ отдался всѣмъ порокамъ образованныхъ людей, и бурная жизнь опустошила его душу:

Въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ—и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердце утѣшать добро не можетъ...

И онъ вернулся на родину. Когда онъ ушелъ вновь въ свои родныя горы, ему показалось, что для его увядшей души еще возможно возрожденіе:

И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились

Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣта;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...

Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

Но Измаилъ ошибся: цивилизованному человѣку возвратъ къ прежнему счастію былъ невозможенъ. Онъ остался одинокимъ со своей злобою противъ русскихъ, которые съ огнемъ и мечомъ прошли по хребтамъ его отчизны, и со своей сердечной тоской и раскаяніемъ. А на душѣ Измаила лежалъ тяжкій грѣхъ: онъ погубилъ невинное любящее женское сердце и насмѣялся надъ его чистой любовью.

Измаилъ—своего рода падшій ангелъ; онъ измѣнилъ вѣрѣ своихъ отцовъ и принялъ христіанство; онъ порвалъ связь съ непосредственной дикой свободой своей родины, а любить цѣпи онъ не научился. Одно осталось ему — найти такую обстановку, среди которой онъ могъ бы всего легче забыть, что онъ человѣкъ...

Возродить его къ жизни даже новая любовь не въ силахъ:

Не обвиняй меня такъ строго—

говоритъ онъ влюбленной въ него Зарѣ:

Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.

Все, что̀ меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано...
. . . . . .
Горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнье,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденія,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ все покойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

Но Измаилъ не могъ не вернуться на родину, потому что имъ овладѣло одно всесильное чувство, которое стало для него источникомъ великаго душевнаго терзанія. Это чувство—патріотическая ненависть свободнаго человѣка къ тѣмъ цѣпямъ, которыя на свободный народъ налагаетъ всякая цивилизація.

Первобытная свобода не могла ужиться съ цивилизованнымъ общественнымъ строемъ. Этотъ общественный строй водворялся на Кавказѣ одновременно съ русскимъ завоеваніемъ, и герой поэмы, цивилизованный человѣкъ по воспитанію и свободный дикарь по рожденію, возвратясь на родину, очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Весь трагизмъ его душевнаго состоянія коренится въ этомъ противорѣчіи сердечныхъ симпатій къ свободѣ и сознаніи, что ей долженъ прійти конецъ. Онъ, умершій для всѣхъ наслажденій и всѣхъ чувствъ, живетъ только однимъ чувствомъ патріота, защищающаго свободу противъ утѣсненія. Онъ давно бы самъ покончилъ съ собой, еслибы не эта борьба, безплодность которой для него, однако, очевидна. Онъ не фанатикъ въ своей любви къ свободной родинѣ, а цивилизованный человѣкъ XIX вѣка, ставшій лицомъ къ лицу съ однимъ изъ самыхъ жестокихъ этическихъ вопросовъ. Онъ—жрецъ умирающей религіи, сознающій законность и необхо-

димость этой смерти... Примиреніе съ жизнью для него немыслимо при данныхъ условіяхъ, а потому исходъ одинъ—бороться упорно и ждать, пока смерть сниметъ съ него всякую отвѣтственность. Отсюда—безпечность, неосторожность Измаила при львиной отвагѣ и храбрости, а также и его постоянный рискъ жизнью.

Какъ видимъ, созданіе такого типа, какъ Измаилъ, при всѣхъ его романтическихъ недостаткахъ, было для молодого поэта большимъ шагомъ впередъ.

Вспомнимъ, какъ вопросъ о борьбѣ первобытной свободы и цивилизаціи рѣшенъ у Пушкина, въ его поэмѣ „Цыгане". Цивилизованный человѣкъ брошенъ въ среду дикаго племени, какъ кара Божія, какъ живой образецъ эгоизма и разнузданной страсти. Въ „Измаилѣ" этотъ же человѣкъ умираетъ за свободу, неоцѣненный и даже проклинаемый своими. Между Алеко и цыганами не можетъ быть ничего общаго, какъ между нравственной чистотой и порокомъ. Противорѣчіе между цивилизаціей и свободой подчеркнуто рѣзко и не указано никакой возможности ихъ примиренія. Между Измаиломъ и кавказскимъ племенемъ тоже существуетъ рознь, но, что бы ни говорилъ авторъ „о развратѣ Европы и ядѣ просвѣщенія", — герой не ужился со своими не потому, что онъ былъ испорченъ, а, наоборотъ, потому, что онъ стоялъ выше ихъ. Первобытные дикари не ужились съ человѣкомъ, который сталъ выше общаго уровня, они отвернулись отъ него, когда узнали, что онъ измѣнилъ старинѣ, и тѣмъ самымъ эта первобытная свобода доказала свою косность и законность своей гибели. Паденіе этого обветшалаго бога описано Лермонтовымъ съ рѣдкимъ сочувствіемъ, съ участіемъ, которое показываетъ намъ, что одновременно съ Измаиломъ въ душѣ поэта умирала дорогая ему иллюзія сердца, дорогая мечта о блаженной, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненной свободѣ.

Размышленіе надъ этимъ запутаннымъ нравственнымъ вопросомъ и побудило мечту поэта создать образъ мрачнаго горца.

Лермонтовъ пытался очевидно дать новое рѣшеніе мучившей его загадки.

Рѣшеніе было въ сущности давно извѣстное и довольно потертое, и заключалось оно—въ мечтѣ о возможности возвращенія къ первобытной наивной культурѣ. Нельзя ли отъ злыхъ людей найти убѣжище среди людей простыхъ и наивныхъ? Поэтъ, кажется, вѣрилъ въ возможность такого спасенья, судя по тому, съ какою любовью и вдохновеніемъ онъ говорилъ о такомъ свободно-наивномъ состояніи. Но эта вѣра была самообманомъ. Поэтъ понялъ, что цивилизованному человѣку не ужиться среди такой первобытной культуры и что сама эта культура осуждена на исчезновеніе. Такъ разлетѣлась и эта мечта, и вопросъ о томъ, въ какое положеніе стать къ людямъ, нестоящимъ любви, — остался попрежнему открытымъ.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что умственный кругозоръ поэта расширялся очень быстро. Изъ узкой сферы чисто личныхъ и семейныхъ вопросовъ Лермонтовъ сталъ выходить на широкую дорогу вопросовъ общечеловѣческихъ и общественныхъ. Въ своихъ юношескихъ драмахъ, въ исторической повѣсти и въ поэмѣ „Измаилъ-Бей“ поэтъ, какъ мы видѣли, пытался подробно мотивировать свою печаль и свое раздраженіе противъ людей, и много думалъ о томъ, какова должна быть связь между нимъ и ими. Его новый герой сталъ болѣе опытенъ, имѣлъ болѣе опредѣленную цѣль жизни, чѣмъ прежде, сталъ болѣе гуманенъ—но его послѣдній житейскій выводъ остался попрежнему безотраденъ и мраченъ. Такой выводъ не могъ, конечно, удовлетворить нашего моралиста: онъ долженъ былъ вновь пересмотрѣть наскоро рѣшенные вопросы. Этотъ пересмотръ, впрочемъ, былъ на время остановленъ рѣзкой перемѣной въ условіяхъ его внѣшней жизни.

Лермонтовъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ военное училище.

Первые годы въ Петербургѣ.

I.

Мы привыкли представлять себѣ Лермонтова не иначе, какъ въ военной формѣ: между тѣмъ, военную карьеру ему пришлось избрать случайно. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ съ желаніемъ продолжать свое университетское образованіе, но такъ какъ начальство университета не пожелало зачислить ему двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Москвѣ, то онъ долженъ былъ бы снова поступить на первый курсъ. Лермонтовъ, не желая терять времени, рѣшился сократить учебный срокъ ровно на половину и поступилъ въ училище гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ могъ окончить курсъ черезъ два года. Такимъ образомъ, выборъ карьеры былъ сдѣланъ,—къ неудовольствію родственниковъ и къ немалому удивленію самого поэта. „До сихъ поръ,— пишетъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1832 года,—я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всего короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть по нему дойду до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія старости“...

Странное взвѣшиваніе выгодъ карьеры съ точки зрѣнія возможной близости конечнаго исхода. Эта грустно-ироническая нота звучитъ во всѣхъ письмахъ Лермонтова, гдѣ онъ говоритъ о своей военной жизни. Онъ рѣшительно не имѣлъ къ ней любви, и даже потомъ, когда сталъ офицеромъ, нерѣдко помышлялъ объ отставкѣ. Въ этомъ недовольствѣ своей судьбой были виноваты, отчасти условія тогдашней военной жизни, отчасти темпераментъ поэта, который заставлялъ его жадно набрасываться на все новое и отъ неумѣреннаго пользованія имъ также быстро разочаровываться.

Жизнь въ училищѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, безспорно, не давала уму никакой пищи, а тѣмъ болѣе такому пытливому и широкому уму, какимъ былъ надѣленъ Лермонтовъ. Если образованіе, вообще, въ то время подвергалось у насъ всевозможнымъ ограниченіямъ, то военное почти сводилось къ упраздненію всякаго образованія, за исключеніемъ чисто спеціальнаго. Строгость внѣшней дисциплины должна была ограничивать не только тѣлесную разнузданность, но и вольное проявленіе духа. И, какъ нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, дисциплина, дѣйствительно, стѣсняла духовное развитіе, но, съ другой стороны, тѣлесной разнузданности предоставляла полную свободу.

Учебное заведеніе, въ которое поступилъ Лермонтовъ, было одно изъ самыхъ аристократическихъ: оно собирало въ своихъ стѣнахъ цвѣтъ тогдашней золотой молодежи. Эта молодежь, обезпеченная и, въ то же время, стѣсненная, естественно искала всякаго рода развлеченій и предавалась имъ довольно неумѣренно. Въ этой погонѣ за развлеченіями Лермонтовъ былъ не изъ послѣднихъ, если не изъ первыхъ. Одиночество и сосредоточенность въ дѣтствѣ и юности вызвали теперь естественную реакцію.

Но мы будемъ несправедливы къ поэту, если, на основаніи большинства написанныхъ имъ въ это время стихотвореній, скажемъ, что онъ всецѣло отдался этой жизни,

лишенной всякаго духовнаго смысла. Лермонтова никогда не покидало сознаніе, что избранный имъ образъ жизни не достоенъ развитого человѣка. Если въ его письмахъ встрѣчаются, подчасъ, циническія тирады, по которымъ мы могли бы заключить, что смыслъ жизни для него утраченъ, то это лишь внѣшнее щегольство, бравурная поза. „Я право не знаю, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ того времени, — какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ ли порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути приводятъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщавать, постараетесь утѣшать меня—было бы напрасно! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ". Но за такими бравурными признаніями слѣдуютъ, нерѣдко, въ тѣхъ же письмахъ, печальныя размышленія о своемъ духовномъ ничтожествѣ.

Лермонтовъ, вообще, не любилъ приносить въ чемъ-либо покаянія и чистосердечно признаваться въ своихъ ошибкахъ; онъ дѣлалъ это очень рѣдко и всегда нѣсколько прикрашивалъ свои самообвиненія, чтобы и имъ придать тотъ оттѣнокъ демоничности, какой онъ придавалъ иногда своимъ ошибкамъ. Но, если въ письмахъ Лермонтова нѣтъ прямого раскаянія, то есть много косвенныхъ намековъ на тяготу, какую испытывалъ поэтъ въ условіяхъ новой для него жизни. Это тягостное ощущеніе облекается у Лермонтова въ хорошо знакомыя намъ тирады пессимистическаго и разочароваинаго характера. Но поэтъ очень осторожно высказывается въ своихъ письмахъ; и, вѣроятно, еще осторожнѣе высказывался на словахъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что товарищи Лермонтова, видѣвшіе одну лишь показную сторону его жизни, просмотрѣли въ ней другую сторону, и, участвуя вмѣстѣ съ нимъ въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, увидали потомъ неискреннюю позу въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ поэтъ косвенно осуждалъ себя самого за свое легкомысленное веселье. Весельчакъ-юнкеръ былъ товарищамъ понятенъ: но этотъ же самый весельчакъ, остроумный и

живой, преображался, въ минуты уединенія, въ прежняго угрюмаго мечтателя, строгаго къ другимъ и къ себѣ самому. Лермонтовъ въ обоихъ случаяхъ былъ искрененъ; по крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобы онъ дѣлалъ какія-либо попытки измѣнить свою жизнь, согласно голосу трезваго сознанія. „Если бы вы знали,—пишетъ онъ въ 1833 году,—какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно: во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры: мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собой въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!“... Какъ ясно слышится въ послѣднихъ словахъ страхъ передъ собственной совѣстью! Дурманъ чувствъ призывается на помощь, какъ единственное средство заглушить сомнѣнія сердца. И поэтъ, дѣйствительно, увѣровалъ на нѣкоторое время въ цѣлебную силу этого дурмана, и предался ему со всею страстностью своего характера.

Мы не будемъ повторять общеизвѣстныхъ анекдотовъ о веселой юнкерской и офицерской жизни Лермонтова; они не забыты такъ же, какъ и относящіеся къ этому періоду стихи легкаго содержанія. Если произносить судъ надъ этимъ періодомъ въ развитіи личности Лермонтова, то надо вспомнить двѣ строчки изъ одного частнаго письма, тогда имъ написаннаго. „Тайное сознаніе, писалъ онъ, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ—меня мучитъ“.

Для умственнаго развитія поэта эти юнкерскіе годы прошли впрочемъ безплодно, какъ можно убѣдиться при обзорѣ стихотвореній, относящихся къ этому періоду. Годы эти вызвали временный застой въ его творчествѣ, хотя не повредили, ни его таланту, ни его уму. Равнымъ образомъ, они не были такъ вредны и для развитія характера Лермонтова, какъ обыкновенно принято думать. Его природа, вообще,

требовала на время безграничной свободы въ проявленіи всѣхъ ея сторонъ, хотя бы и мало серьезныхъ. Мы знаемъ, какъ умственное напряженіе и мечты подавляли въ поэтѣ всѣ другія его силы и склонности. Теперь настала ихъ очередь, и они вступили въ свои права; новыя чувства прорвались наружу съ особенной страстностью, пока не выкипѣли, и когда наступилъ этотъ моментъ, то отъ всей разгульной и разнузданной жизни не осталось и слѣда, кромѣ вольныхъ стиховъ и, можетъ быть, непріятныхъ воспоминаній.

Можно — какъ это иногда дѣлалось — представить себѣ Лермонтова несчастнымъ страдальцемъ, заброшеннымъ въ кружокъ лицъ его непонимающихъ. Такое представленіе можетъ дать богатый матеріалъ для разныхъ краснорѣчивыхъ обличеній, но оно будетъ невѣрно. Страдальцемъ въ своемъ юнкерскомъ кружкѣ Лермонтовъ никогда не былъ, и отдавался его увлеченіямъ такъ же охотно, какъ потомъ самъ же строго критиковалъ его.

Умъ Лермонтова, за недостаткомъ новыхъ серьезныхъ притоковъ мысли, либо отдыхалъ, либо возвращался къ старымъ думамъ, а чувства кипѣли и выкипали, сближая поэта съ людьми, грязня на время его воображеніе и душу, но дѣлая, и его поэзію, и его самого болѣе способнымъ къ соглашенію съ жизнью. Умный и сильный человѣкъ, знакомясь съ глухими и темными закоулками жизни, можетъ воспользоваться ими въ свою выгоду.

Но одно не подлежитъ сомнѣнію, — кружокъ тѣхъ блестящихъ молодыхъ людей, въ обществѣ которыхъ Лермонтовъ короталъ дни и ночи, отчуждалъ его отъ другихъ кружковъ и людей, жившихъ тѣми именно духовными интересами, на отсутствіе которыхъ тогда такъ жаловался Лермонтовъ въ своихъ письмахъ.

II.

Несравненно вреднѣе, чѣмъ время юнкерства, отразились на Лермонтовѣ его первые офицерскіе годы, когда онъ вступилъ „въ свѣтъ“ и хотѣлъ блистать въ немъ.

Если какое общество больше всего поддерживало въ поэтѣ несимпатичныя стороны его характера, такъ это было свѣтское общество, которое могло крайне вредно вліять на человѣка, не выросшаго въ немъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одержимаго страстнымъ желаніемъ занять въ немъ видное мѣсто. Для Лермонтова свѣтское общество было приманкой, несмотря на то, что и въ этомъ вопросѣ трезвая критика никогда не покидала поэта, и лучшая обвинительная рѣчь противъ этого круга была имъ же написана. Еще въ юношескихъ тетрадяхъ Лермонтовъ писалъ:

Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесётъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей? [1830].

Что̀ влекло Лермонтова въ эти круги общества? Прежде всего—фамильныя традиціи, такъ какъ родъ Лермонтовыхъ былъ родъ дворянскій и притомъ болѣе древній, чѣмъ многіе другіе, а затѣмъ—родственныя связи. Обаятельно дѣйствовала при этомъ на поэта также извѣстная тонкость и деликатность, въ сущности, не глубокихъ чувствъ, которыя составляютъ внѣшнюю прикрасу всякаго свѣтскаго этикета и легко могутъ быть приняты за истинное благородство. Поэта привлекало, наконецъ, желаніе играть роль, быть на виду, а достичь этого можно было въ то время лишь вращаясь въ сферахъ болѣе или менѣе высокихъ. Кромѣ того къ этому высшему кругу принадлежали или часто появлялись въ немъ всѣ тогдашніе видные литераторы—Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Соллогубъ, Одоевскій и др.

Такимъ образомъ, стремленіе Лермонтова попасть въ высшій кругъ общества вполнѣ понятно и объяснимо. Понятно также и упорство этого гордаго человѣка, которому былъ оказанъ въ этомъ кругѣ несовсѣмъ радушный пріемъ.

Такой пріемъ озлобилъ поэта; и въ своихъ письмахъ онъ нерѣдко съ раздраженіемъ говоритъ о своемъ положеніи: „Преглупое состояніе человѣка,—пишетъ онъ въ 1832 году,—когда .онъ долженъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей, быть своимъ шутомъ! Какъ, послѣ этого, не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ въ душѣ своей? Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера былъ въ одномъ домѣ, гдѣ просидѣлъ четыре часа и не сказалъ ни одного путнаго слова... У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ—быть можетъ, слава Богу"!...„ Видѣлъ я образчики здѣшняго общества, — дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ съ перваго раза можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ всякое различіе между деревьями"...

Такихъ замѣтокъ много и всѣ онѣ показываютъ намъ, что поэтъ вполнѣ сознательно относился къ тому миражу, который привлекалъ его своимъ внѣшнимъ блескомъ. Лермонтовъ, въ данномъ случаѣ, не составлялъ исключенія; большинство нашихъ писателей изъ дворянъ не щадило того круга общества, въ которомъ вращалось. Вспомнимъ хотя бы графа Соллогуба и князя Одоевскаго: и они, аристократы до мозга костей, не скрывали недостатковъ своего сословія, а тѣмъ болѣе не имѣлъ причинъ молчать о нихъ Лермонтовъ, который съ этимъ кругомъ находился часто въ открытой распрѣ. Враждуя съ нимъ, поэтъ былъ къ нему безпощаденъ; жаль только, что, обнажая его недостатки, онъ не

подмѣтилъ тѣхъ своихъ недостатковъ, которые были развиты въ немъ замашками этого общества.

Вредное вліяніе свѣтскаго круга сказалось, прежде всего, въ томъ, что нѣкоторыя изъ непріятныхъ чертъ въ характерѣ Лермонтова — его вызывающая гордость, надменность и порой неискренность — нашли себѣ удобное поприще. Въ особенности эти черты характера замѣтны въ сердечныхъ исторіяхъ, которыхъ было не мало. Влюбчивость Лермонтова при его гордынѣ ставила его постоянно въ натянутое и неестественное положеніе въ отношеніи къ женской половинѣ салоновъ и къ ея поклонникамъ. Женщины портили Лермонтову характеръ. Поэтъ, или сбрасывалъ съ себя маску и своею рѣзкостью напрашивался на дуэли и непріятности, или рисовался своимъ презрѣніемъ и горделивымъ отношеніемъ къ окружающимъ людямъ.

Свѣтское общество держало Лермонтова постоянно насторожѣ, тѣмъ болѣе, что онъ старался завоевать себѣ въ немъ видное положеніе, не имѣя на это „признанныхъ“ правъ. Презрительная холодность и насмѣшки служили ему часто оружіемъ въ борьбѣ съ людьми, и его и безъ того враждебное къ нимъ отношеніе обострялось.

Ни холодность, ни насмѣшка не могутъ вселить мира въ человѣческую душу, и тотъ кажущійся покой самодовольства, какой они даютъ иногда, проходитъ очень быстро и только дразнитъ человѣка. А въ любви и душевномъ покоѣ Лермонтовъ нуждался больше, чѣмъ въ чемъ-либо. Общество, въ которомъ жилъ поэтъ, не дало взойти въ его сердцѣ сѣменамъ любви. Эти сѣмена глохли подъ вреднымъ вліяніемъ обиженнаго самолюбія, постояннаго дразненія нервовъ, желчности и того „раздраженія плѣнной мысли“, о которомъ поэтъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

Мысль Лермонтова была тогда, дѣйствительно, въ плѣну, несмотря на свою глубину и силу; и тюрьмой для нея былъ тотъ кругъ, въ которомъ поэтъ вращался. Кругъ отличался

своею замкнутостью; онъ неохотно приходилъ въ соприкосновеніе съ другими слоями общества и въ большинствѣ случаевъ былъ косный кругъ по своимъ умственнымъ и общественнымъ интересамъ.

И Лермонтовъ прошелъ мимо цѣлаго молодого поколѣнія, не замѣтивъ и не разгадавъ его.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что нашъ поэтъ бесѣдовалъ съ Бѣлинскимъ, проказничалъ въ кабинетѣ Краевскаго и читалъ свои стихи въ кругу Аксаковыхъ. Повидимому, онъ былъ знакомъ съ идейной молодежью своего времени, но это знакомство было самое мимолетное. Доказательствомъ можетъ служить знаменитая „Дума“, которую Лермонтовъ никогда бы не написалъ, если бы поближе присмотрѣлся къ своему поколѣнію во всемъ его цѣломъ, а не въ узкомъ только, ему хорошо знакомомъ, кругѣ.

Поэтъ избѣжалъ бы многихъ мученій, если бы онъ вовремя попалъ въ молодой кружокъ любителей и служителей искусства; онъ могъ попасть въ него еще въ Москвѣ, когда былъ въ университетѣ, но тогда, какъ мы знаемъ, онъ его чуждался. Затѣмъ онъ, вторично, могъ столкнуться съ этой идейной молодежью въ Петербургѣ, и мы имѣемъ право предположить, что именно свѣтская жизнь помѣшала этому сближенію.

Лермонтовъ, при всей своей жаждѣ дѣятельности, при безспорно гуманныхъ стремленіяхъ, оставался одинокимъ и не примкнулъ къ теченію молодой русской мысли, убѣжденно трудившейся надъ выработкой и осуществленіемъ того же идеала, о которомъ смутно мечталъ нашъ поэтъ. Онъ шелъ одинъ по своему пути, одинъ пытался рѣшить трудную задачу, боролся долго и упорно, безъ дружеской помощи и дружескаго вліянія.

Литературная дѣятельность до 1837 года.

I.

Въ Петербургѣ жизнь Лермонтова текла весело и шумно. Многіе изъ житейскихъ вопросовъ, надъ которыми такъ упорно трудился его юношескій умъ, теперь предстали передъ нимъ въ ихъ реальной наготѣ, безъ романтическаго тумана, безъ преувеличенія въ сторону идеала, но и безъ пессимистическаго искаженія. Теперь поэтъ имѣлъ друзей, судя по долговременной прочности ихъ отношеній; бывалъ часто влюбленъ и пользовался взаимностью и, какъ можно догадаться по его веселымъ и вольнымъ стихамъ, велъ жизнь разсѣянную и много проказничалъ.

Лермонтовъ, кромѣ того, сталъ теперь болѣе увѣренъ въ себѣ. Успѣхъ и признаніе его таланта, хотя бы со стороны пока лишь узкаго кружка читателей и слушателей, подняли въ немъ сознаніе собственной силы.

Литературное развитіе поэта шло, однако, за это время очень медленно. Если принять во вниманіе какъ богаты мыслями и чувствами тѣ законченныя и недоконченныя темы, надъ которыми работалъ Лермонтовъ въ періодъ отъ 1830 по 1832 годъ, то крупныя произведенія его петербургской жизни до 1837 года покажутся бѣдными по содержанію, хотя, по количеству, будутъ не менѣе многочисленны. Въ

первые четыре года его жизни въ Петербургѣ, не считая нѣкоторыхъ, дѣйствительно, художественныхъ стихотвореній [какъ, напр., „Два великана“, „Парусъ“, „Русалка“, „Умирающій гладіаторъ“ и „Вѣтка Палестины“], Лермонтовымъ были написаны: поэма „Хаджи-Абрекъ“, неоконченная поэма „Сашка“, драмы „Маскарадъ“ и „Два брата“ и поэма „Боярин Орша“; кромѣ того, нѣсколько юмористическихъ поэмъ [„Петергофскій праздникъ“, „Уланша“, „Госпиталь“, „Монго“ и „Казначейша“ *)] и первый набросокъ „Героя нашего времени“—„Княгиня Лиговская“. Изъ всѣхъ этихъ произведеній только въ „Маскарадѣ“ и въ повѣсти „Княгиня Лиговская“ замѣтны попытки автора подвергнуть старые больные вопросы новому и болѣе подробному пересмотру. Что касается другихъ созданій, то они—повтореніе прежнихъ мотивовъ, хотя и въ новой формѣ.

„Хаджи-Абрекъ“ — кавказская легенда, кровавый гимнъ мести, блестящій стилистическій опытъ, но не болѣе.

„Сашка“ — поэма въ легкомъ стилѣ, но въ стихахъ довольно тяжелыхъ—произведеніе неоконченное и, вдобавокъ, растянутое, но интересное по реализму письма, по сочетанію эпоса житейской прозы съ искренней личной лирикой, которая прорывается наружу очень часто и диктуетъ поэту очень сердечныя строфы.

Внѣшняя форма „Сашки“ заимствована несомнѣнно у „Донъ-Жуана“ Байрона. Сатирическая поэма Байрона была житейской реальной картиной, которую поэтъ противопоставилъ своимъ прежнимъ легендарнымъ и чисто субъективнымъ поэмамъ,—какъ протестъ трезваго разсудка противъ поэтической экзальтаціи. Вотъ почему въ „Донъ-Жуанѣ“ преданы осмѣянію почти всѣ тѣ героическіе душевные порывы, которыми Байронъ такъ щеголялъ раньше. Любовь, жажда славы, туманное стремленіе къ великой цѣли, наконецъ, поиски приключеній, которыя лордъ такъ любилъ—все выворо-

*) „Казначейша“ была, кажется, набросана еще въ Москвѣ въ 1830 году.

чено въ „Донъ-Жуанѣ“ на изнанку или изображено такъ, какъ это обыкновенно случается въ жизни, безъ романтическихъ костюмовъ, безъ театральныхъ румянъ и бѣлилъ. Естественно, что въ поэмѣ отведено не мало мѣста и житейскому цинизму, который обрисованъ какъ характерная черта нашей жизни, какъ ядовитая насмѣшка, какой сама жизнь можетъ отвѣтить на безпредметные и слишкомъ идеальные порывы отчаянныхъ романтиковъ. Вотъ почему такой цинизмъ насъ не оскорбляетъ. За нимъ остается значеніе не случайной прихоти автора, но осмысленнаго житейскаго вывода, сдѣланнаго очень наблюдательнымъ человѣкомъ. Это цинизмъ философскій, цинизмъ Бокаччіо и Альфреда Мюссе.

Поэма Лермонтова „Сашка“, несмотря на свое кровное родство съ мотивами „Донъ-Жуана“, сохранила съ ними лишь слабое родство по духу.

Лермонтовъ, приступая къ созданію своей поэмы, имѣлъ, кажется, въ виду написать въ стихахъ біографію Полежаева, трагическая судьба котораго была тогда въ памяти у весьма многихъ. Поэтъ не исполнилъ своего намѣренія и кромѣ двухъ трехъ строфъ, посвященныхъ несчастному Полежаеву — строфъ полныхъ самой задушевной лирики *)—онъ въ своей поэмѣ разсказалъ очень реально, съ большимъ юморомъ исторію любовныхъ похожденій простого столичнаго кутилы.

Поэма „Сашка“, какъ и вдохновившій ее „Донъ-Жуанъ“ Байрона, опредѣленной фабулы не имѣетъ. Въ ней царитъ полный лирическій безпорядокъ. Трудно сказать, что въ ней главное,—разсказъ о разгульной жизни самого „Сашки“ или отступленія отъ этого разсказа. Хотя Лермонтовъ и хотѣлъ, какъ онъ самъ признавался, отъ души посмѣяться и столь обычный ему печальный и серьезный сюжетъ замѣнить игривымъ, но выдержать этотъ игривый тонъ ему не удалось. Рядомъ со строфами, въ которыхъ описаны очень живо все-

*) Эти строфы были затѣмъ перенесены Лермонтовымъ въ знаменитое стихотвореніе „Памяти А. И. Одоевскаго“.

возможныя проявленія любовной рѣзвости и пылкости, стоятъ совсѣмъ спокойныя серьезныя строфы, въ которыхъ развертывается художественная картина старой дворянской жизни въ усадьбѣ и въ столицѣ, семейныя сцены, разыгравшіяся въ старомъ дворянскомъ домѣ—сцены жестокія при всей ихъ внѣшней игривости. Иногда авторъ упускаетъ изъ виду, что онъ долженъ смѣяться, и на цѣлой страницѣ говоритъ о французской революціи и о Наполеонѣ. Иногда онъ забываетъ, что герой его поэмы—Сашка и ему кажется, что онъ пишетъ свой собственный дневникъ, и тогда между циничными строфами мы вдругъ читаемъ такія строки:

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной...
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ.
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты-жъ на немъ отъ зноя всѣ увянутъ.

Конечно не къ Сашкѣ относились эти и подобныя имъ слова, въ которыхъ было столько грусти.

Пусть эта вольная поэма въ общемъ говоритъ о слишкомъ разнузданной фантазіи поэта—но очевидно, что его „веселье“ тѣхъ годовъ было отнюдь не такимъ наивнымъ и непринужденнымъ, какимъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда.

Что же касается вольныхъ стиховъ, написанныхъ Лермонтовымъ въ юнкерской школѣ, то ихъ веселье, дѣйствительно, свободно отъ всякой примѣси грусти; оно — веселье пьяное и нескромное.

Говоря объ этихъ вольныхъ стихахъ Лермонтова—изъ которыхъ только одна „Казначейша“, какъ картинка провинціальныхъ нравовъ, имѣетъ литературную цѣнность—было бы

несправедливо обвинять автора за то, что онъ отдался новымъ ощущеніямъ со всею пылкостью своего темперамента. Соприкосновеніе поэта съ этой „пьяной“ стороной жизни принесло даже нѣкоторую пользу въ дѣлѣ примиренія его съ дѣйствительностью. Грязь къ Лермонтову не прилипла, а знаніе жизни расширилось; укрѣпилась также и увѣренность въ необходимости найти, и въ жизни, и въ творчествѣ нѣчто среднее между прежними розовыми мечтами и грязной тиной.

Шумная юнкерская жизнь была оргіей, которая нарушила на нѣсколько мгновеній обычное теченіе мыслей нашего поэта, взяла у него не мало силъ и времени, окупивъ эту потерю цѣной, сравнительно, невысокой. Лермонтовъ былъ еще очень молодъ, чтобы не увлечься самому или быть въ силахъ изъ пошлости и грязи вылѣпить художественное произведеніе. Онъ слишкомъ субъективно отнесся къ этимъ сторонамъ жизни и самъ былъ въ нихъ скорѣе участникомъ, чѣмъ наблюдателемъ.

II.

Прежняго Лермонтова, какимъ мы знавали его до петербургской жизни, мы встрѣчаемъ снова въ поэмѣ „Бояринъ Орша“. Но эта поэма не даетъ почти ничего новаго для характеристики личности поэта. Задумана она была еще въ юношескіе годы, какъ видно по отрывку „Исповѣдь“ 1830 г., изъ котораго много стиховъ было взято Лермонтовымъ для „Орши“. Поэма была затѣмъ дополнена и отдѣлана въ стилѣ Байрона, по крайней мѣрѣ, во внѣшней сценировкѣ; наконецъ, болѣе удачныя мѣста были вновь перенесены авторомъ въ позднѣйшую изъ его поэмъ, въ „Мцыри“.

Фабула „Боярина Орши“, несмотря на внѣшній колоритъ русской народной жизни, не содержитъ въ себѣ ничего русскаго. Старый бояринъ, его дочь, его совѣтникъ, описаніе

замка и сцены битвы—все напоминаетъ то „Абидосскую Невѣсту“, то „Гяура“.

Съ героемъ повѣсти, съ Арсеніемъ, мы уже давно знакомы. Мы встрѣчались съ нимъ еще въ „Исторической повѣсти“, когда онъ носилъ имя Вадима. Правда, тогда герой былъ безобразенъ, а теперь онъ красивъ, тогда онъ взаимностью не пользовался, а теперь онъ счастливый любовникъ; но какъ тогда, такъ и теперь—онъ рабъ, крѣпостной человѣкъ жестокаго господина, неизвѣстно чей сынъ, съ дѣтства воспитанный въ монастырской оградѣ.

Психологія раба всегда интересовала Лермонтова, и прежде чѣмъ подробно развить ее въ „Мцыри“, онъ въ „Оршѣ“ ее намѣтилъ. Вся исповѣдь Арсенія передъ судомъ—восторженное славословіе свободы чувствъ, мыслей и поступковъ; гимнъ свободѣ, на которую имѣетъ право человѣкъ, полный молодости и силъ.

Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..

Поближе къ природѣ и подальше отъ людей—вотъ девизъ Арсенія. Свободная любовь—его счастье. Молодая жизнь—его право. Таковы его мечты, которымъ въ дѣйствительности соотвѣтствуютъ монастырская келья, несчастная неудовлетворенная любовь и даромъ загубленная молодая жизнь. Рядъ контрастовъ, въ которые снова облекается старый вопросъ о разладѣ идеаловъ и жизни,—вопросъ, не покидавшій Лермонтова, какъ видимъ, даже въ самые разгульные и веселые годы его молодости.

III.

Эти годы [1832—1837] при всей ихъ буйной веселости были для Лермонтова все-таки годами душевной усталости.

Усталость ума и воображенія, — результатъ недавней, слишкомъ напряженной дѣятельности,—заставляли поэта повторяться и не позволяли новымъ чувствамъ и мыслямъ овладѣть имъ быстро и рѣшительно. Лермонтовъ нуждался въ новомъ, внѣшнемъ или внутреннемъ, поводѣ къ творчеству,такъ какъ старыя пружины ослабѣвали.

Поэтъ ощущалъ тягость этого переходнаго состоянія; онъ былъ очень недоволенъ собой и въ письмахъ часто жаловался на самого себя; но вмѣстѣ съ недовольствомъ въ немъ просыпалось по временамъ сознаніе своей силы, и старыя мечты о великомъ призваніи начинали вновь волновать его. Разгульная и пустая жизнь становилась въ рѣзкое противорѣчіе съ минутами уединенія.

IV.

Это тяжелое состояніе духа отразилось на стихахъ поэта; въ нихъ очень много минорныхъ мотивовъ, и, сопоставляя эти печальные стихи съ одновременными имъ поэмами и стихами въ легкомъ стилѣ, можно подумать, что поэтъ, или взводилъ на себя напраслину въ стихахъ грустныхъ, или былъ неискренъ въ стихахъ веселыхъ. Но онъ былъ искренъ, и въ своемъ разгулѣ, и въ своей меланхоліи; проза и пошлость жизни перемѣшивались съ высокими думами, какъ эпическія строфы „Сашки“ съ лирическими вставками. Это былъ новый фазисъ въ борьбѣ юношескаго романтизма съ дѣйствительностью, жалобный вопль обманутыхъ, но очень неопредѣленныхъ мечтаній,—и вопль отъ души.

Припомнимъ нѣсколько интимныхъ признаній поэта за

этотъ первый періодъ его петербургской жизни [1832—1837]. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе, написанное въ 1833 году:

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить,
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
. . . . . .
«Смири страстей своихъ порывъ,
Будь какъ другіе хладнокровенъ,
Будь какъ другіе терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно.
Ужель—мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! Гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся вдаль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
Когда тебя во имя Бога
Кто пригласитъ на пиръ простой,
Страшися мирнаго порога
Коснуться грѣшною ногой;
Смотрѣть привыкни равнодушно...» [1833].

Если вѣрить этому стихотворенію, то для людей особенно чуткихъ хладнокровіе и безстрастіе—единственныя лекарства противъ сердечныхъ мученій.

Лермонтовъ причислялъ себя именно къ такимъ особенно воспріимчивымъ натурамъ, и въ поэмѣ „Сашка“, относя свои слова больше къ самому себѣ, чѣмъ къ своему герою, онъ писалъ:

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,

Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

О, еслибъ могъ онъ, какъ безплотный духъ
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами!
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ, —
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, еслибъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..

Кромѣ послѣдняго, ничѣмъ не мотивированнаго кровожаднаго желанія,—сколько грусти въ этомъ воззваніи къ природѣ, въ этомъ стремленіи бѣжать отъ людей въ пустыню!

Въ той же игривой поэмѣ „Сашка“ есть нѣсколько строфъ, въ которыхъ еще глубже и поэтичнѣе выразилось это томленіе поэта:

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ, —
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого
Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого! —

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ, —
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ,
Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой

Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться,—кто главой припавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

Блаженъ!... Его душа всегда полна
Поэзіей природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;

Душевное состояніе, отразившееся въ этомъ отрывкѣ, намъ хорошо знакомо изъ прежнихъ стихотвореній Лермонтова. Это все то же грустное раздумье надъ задачей о приноровленіи своихъ необузданныхъ страстей и мечтаній къ условіямъ прозаической дѣйствительности,—задачей сложной и допускающей теперь, по мнѣнію поэта, только два рѣшенія: либо полное отчужденіе, либо месть или смѣхъ, т.-е. презрительное отношеніе къ той самой средѣ, которая для поэта должна быть предметомъ любви и самоотверженныхъ страданій. Лермонтовъ говорилъ въ своей поэмѣ:

Бывало,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ, бурь тѣхъ
Одинъ лишь отзывъ—*звучный, горькій смѣхъ.*
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни—и блещутъ, но не живы!

Безъ волненій
Я выпилъ ядъ по каплѣ; ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ—и по праву *мести*
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести.

Неудивительно, что, находясь подъ властью такихъ думъ, сравнивая внѣшнюю свою жизнь съ внутреннимъ ея содержаніемъ, Лермонтовъ писалъ [„Парусъ“].

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой:
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто съ буряхъ есть покой! [1832].

Это элегическое настроеніе проходило и смѣнялось болѣе желчнымъ, и тогда Лермонтову была особенно по душѣ мелодія Байрона:

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая,
И, если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ груди моей проснутся,
И, если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ —
Онѣ растаютъ и прольются.
Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный. [1836].

Но поэтъ и своими собственными словами могъ сказать то же самое. Въ 1837 году онъ говорилъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!..
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что̀ мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей? [1837].

Это стихотвореніе, столь искренно и просто написанное, можно признать за окончательный выводъ изъ всего предъидущаго. Этотъ выводъ—простой вопросъ измученнаго человѣка,—къ чему же мнѣ дана жизнь?—и ожиданіе смерти, какъ вѣстника избавленія. Поэтъ готовъ къ этой новой загробной жизни; все въ немъ перекипѣло, и утомленіе перешло въ спокойствіе:

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла... [1837].

Пора, дѣйствительно, пришла, но не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее поэтъ; не замедлилъ представиться и случай, который напомнилъ поэту вновь объ его высокомъ призваніи и вызвалъ въ немъ новый притокъ творческихъ силъ, несмотря на то, что онъ самъ, въ вышеприведенномъ стихотвореніи, говорилъ о своей душѣ:

Я въ мірѣ не оставлю брата
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя!
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія. [1836].

Но знойное солнце бытія только-что всходило для Лермонтова.

V.

Едва ли однако поэтъ предчувствовалъ этотъ восходъ новаго бытія. Лермонтовъ былъ мраченъ, и, что̀ всего хуже, душевныя сумерки настраивали его какъ-то апатично. Боевое отношеніе къ людямъ замѣнялось индифферентнымъ и усталымъ: работа мысли на время затихла.

Отголосокъ этого настроенія сохранился въ двухъ драмахъ, написанныхъ Лермонтовымъ въ эти годы.

Одна драма „Два брата“ [1836] возникла на почвѣ чисто личныхъ сердечныхъ волненій и въ общемъ своемъ развитіи—мелодраматическая любовная интрига. Но психическій міръ центральной фигуры—нѣкоего Александра Радина—шире и интереснѣе самой завязки и развязки. Въ этомъ героѣ не осталось и тѣни мечтательности и мягкосердечія его двухъ младшихъ братьевъ—Волина и Арбенина. Сердечное отношеніе къ міру замѣнено въ немъ отношеніемъ разсудочнымъ. Радинъ старался вытравить изъ своей души всякую мечтательность и воспріимчивость, выработать возможное самообладаніе и силу сопротивленія всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, но, не переставая любить жизнь и ея треволненія, не могъ сдѣлать ей необходимой уступки и предпочелъ стать въ сторонѣ отъ нея, вмѣсто того, чтобы войти въ нее съ ясной нравственной программой. Онъ, закаленный и готовый къ борьбѣ, въ самую борьбу не вмѣшался. Онъ вытравилъ въ себѣ и всѣ семейныя чувства, и чувство дружбы, чтобы жить одиноко, страдая отъ своей сердечной раны и мстя за нея людямъ. Онъ—холодный человѣкъ, безучастный ко всему, кромѣ своего эгоизма...—Не такимъ онъ родился, но такимъ сдѣлали его люди:

„Всѣ читали на моемъ лицѣ, говоритъ онъ, какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро

и зло, никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, мой братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его—меня ставили ниже—я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не любилъ, и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни—а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы; въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе—я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ"...

Но въ любви онъ былъ несчастенъ и это окончательно его озлобило противъ всѣхъ.

Мотивъ озлобленія, положимъ, недостаточно глубокій, но онъ лишь предлогъ; имъ только прикрыта настоящая трагедія сердца Радина—т.-е. сердца самого автора.

Эта трагедія станетъ намъ понятна, когда мы вчитаемся въ драму „Маскарадъ" [1834—5], написанную нѣсколько раньше „Двухъ братьевъ".

По выполненію „Маскарадъ" стоитъ безспорно выше всѣхъ предшествующихъ опытовъ въ этомъ родѣ *): нѣтъ ни растянутости въ ходѣ дѣйствія, ни того обилія реторики, которая вредила юношескимъ драмамъ Лермонтова. Всѣ лица, и главныя, и второстепенныя, изображены приблизительно съ одинаковой рельефностью, и тѣмъ спасена цѣльность впечатлѣнія, какое эта драма на насъ производитъ. Кромѣ того, сама форма стиха—не безъ подражанія Грибоѣдову, особенно

*) «Маскарадъ» написанъ Лермонтовымъ въ двухъ редакціяхъ. Вторая редакція возникла совершенно случайно, въ угоду цензурѣ, которая не пропускала первую редакцію на сцену. Какъ вынужденная случайность, вторая редакція можетъ быть совсѣмъ обойдена.

въ краткихъ репликахъ и сентенціяхъ—придаетъ діалогу большую живость и избавляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ отъ излишнихъ разговоровъ. Всѣ эти преимущества „Маскарада“ дали драмѣ возможность стать на подмостки, хотя особымъ успѣхомъ она на сценѣ никогда не пользовалась; правда, она была поставлена въ годы [1859] совсѣмъ неблагопріятные ея основному настроенію...

Грязный міръ сплетенъ, прокутившихся игроковъ, безчестныхъ шулеровъ, интригующихъ женщинъ,—вотъ тотъ міръ, въ которомъ вращаются дѣйствующія лица драмы. Главное лицо Арбенинъ,—игрокъ и плутъ, но только образумившійся и нашедшій въ семейномъ счастьѣ еще нетронутый уголокъ, гдѣ онъ можетъ прожить остатокъ своихъ дней спокойно и внѣшнимъ образомъ честно. Рядомъ съ нимъ другое главное лицо драмы—его жена, женщина нѣжная, любящая и кроткая. Драматическое положеніе, какъ видимъ, нѣсколько напоминаетъ „Демона“, въ особенности если подслушать интимныя бесѣды супруговъ:

Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный

Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.

Мрачныя и грязныя стороны жизни, съ которыми авторъ недавно столкнулся, этотъ міръ игроковъ и кутилъ, нашелъ яркое отраженіе въ его новомъ литературномъ произведеніи. „Маскарадъ“, во всѣхъ своихъ *второстепенныхъ* герояхъ, произведеніе дѣйствительно „реальное“, безъ всякаго преувеличенія списанное съ натуры. Что же касается главныхъ лицъ, то они все-таки резонеры. Желаніе рѣшить извѣстную нравственную задачу, а не желаніе изобразить простое житейское явленіе, руководило авторомъ, когда онъ взялся за эту тему.

Драматическая интрига представляетъ нѣкоторое сходство съ завязкой „Отелло“. Та же печальная случайность, которая подаетъ мужу поводъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ никто такъ искренно не любитъ его, какъ эта женщина. Тотъ же злодѣй, клеветникъ, подъ личиною дружбы раздувающій въ своемъ пріятелѣ чувство ревности; наконецъ, тотъ же финалъ, съ легкой варіаціей. Арбенинъ убиваетъ свою жену, не вѣря ея клятвамъ, и когда убѣждается въ своей роковой ошибкѣ, то сходитъ съ ума.

Прошлое Арбенина намъ неизвѣстно, какъ и вообще прошлое всѣхъ лермонтовскихъ героевъ. О немъ можно только догадываться.

Но между Арбенинымъ и героями прежнихъ поэмъ Лермонтова есть, однако, существенная разница. Прежніе герои отличались въ молодости способностью увлекаться: Волинъ увлекался своими идеалистическими мечтами, Радинъ—любовью, Измаилъ—патріотизмомъ, Вадимъ—местью. У Арбенина не было никакого увлеченія. Единственныя чувства, о которыхъ онъ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ, это разгулъ и рискъ своей честью, которымъ онъ отдавался въ юности. Для него въ юности не было ничего святого, даже не было

чистой любви, которая играетъ такую видную роль въ юности всѣхъ остальныхъ лермонтовскихъ героевъ.

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали:
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвить—ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море!

И Арбенинъ полюбилъ свою жену со страстью дикаго человѣка. Онъ, дѣйствительно, дикій человѣкъ, но не природный дикарь, а дикарь цивилизованный, который способенъ на всѣ гадости не по наивности, а по равнодушію или презрѣнію ко всему, что̀ его окружаетъ.

Арбенинъ—игрокъ и кутила, но, конечно, не низкаго пошиба. Онъ „звѣрь“ и настоящій „чортъ“, какъ его аттестуетъ одинъ изъ его пріятелей по игрѣ. Онъ извергъ, разсчетливый и холодный мучитель, съ чѣмъ и самъ Арбенинъ согласенъ:

Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ,
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

Итакъ, передъ нами какая-то загадочная личность, стоящая, впрочемъ, не одиноко въ ряду другихъ лермонтовскихъ типовъ. Типъ Арбенина логически выведенъ изъ тѣхъ посылокъ, какія даны поэтомъ въ его прежнихъ поэмахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Мы видѣли, что Лермонтовъ постепенно разочаровывалъ своихъ героевъ во всемъ: Волина—въ семьѣ, Арбенина [„Странный человѣкъ“]—въ семьѣ и дружбѣ, Радина—въ семьѣ, дружбѣ и любви; у Вадима онъ отнялъ свободу, у Измаила—родину и вѣру. Такимъ образомъ, типъ, который легъ въ основаніе всѣхъ этихъ разочарованныхъ и обманутыхъ людей, естественно, долженъ былъ дойти до тѣхъ степеней отрицанія всѣхъ чувствъ въ мірѣ, до какихъ дошелъ Арбенинъ, герой „Маскарада“. Онъ долженъ былъ выродиться въ самаго страшнаго и индифферентнаго эгоиста.

Поставленный внѣ всякихъ духовныхъ связей съ обществомъ, человѣкъ съ бурными страстями, Арбенинъ все же стремился хоть къ чему-нибудь приложить тотъ запасъ силъ физическихъ и духовныхъ, какими его одарила природа.

...Я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться!

Онъ искалъ какого-нибудь поля дѣятельности и онъ нашелъ его въ игрѣ, т.-е. въ постоянномъ рискѣ, который щекоталъ его нервы. Волненіе ему необходимо и ему все равно, гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ можетъ найти его. Но прошло и это время:

Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Эти слова Арбенина относились не только къ его игрѣ. Такое состояніе душевнаго „безочарованія“ почти не поддается анализу—такъ оно туманно.

Какъ въ „Демонѣ“ Лермонтовъ создалъ символическій типъ, такъ и въ „Маскарадѣ“ онъ незамѣтно для самого себя перешелъ за границы дѣйствительнаго міра и, вмѣсто живого человѣка, далъ намъ снова какой-то полу-фантастическій образъ; одѣлъ своего Демона въ модный фракъ и замѣнилъ сказочную обстановку игорнымъ домомъ и баломъ.

Въ своихъ желаніяхъ Арбенинъ туманенъ, какъ Демонъ. Злоба приводитъ его къ преступленію; дружба и любовь сведены либо къ разсчету, либо къ праздной забавѣ. Онъ испыталъ „всѣ сладости порока и злодѣйства“, и не осталось ни одного чувства, за которое этотъ человѣкъ могъ бы ухватиться, которое могло бы убѣдить его, что еще стоитъ жить на свѣтѣ. Какъ видимъ, настроеніе совсѣмъ сходное съ настроеніемъ Демона до его встрѣчи съ Тамарой.

У Арбенина есть и своя Тамара: его, какъ и Демона, обновила любовь, такая же страстная, хотя болѣе глубокая; любовь эта гибельна, какъ и любовь отверженнаго духа.

Въ этой любви заключено все эгоистическое счастіе Арбенина. Съ ея исчезновеніемъ исчезаетъ и послѣдняя нить, привязывавшая этого человѣка къ жизни.

Да и что такое жизнь?

Жизнь—вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй;
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей.
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

Лермонтовъ, вѣрный своей привычкѣ отнимать у своихъ героевъ одно за другимъ всѣ чувства, за которыя душа

цѣпляется въ борьбѣ съ жизнью, отнялъ и у Арбенина послѣдній смыслъ его существованія, а именно—его любовь. Она кончилась страшной семейной катастрофой.

Въ рѣшеніи великаго вопроса о примиреніи идеаловъ съ жизнью Лермонтовъ, очевидно, вернулся къ тому, съ чего началъ. Мы видѣли, какъ поэтъ, не будучи въ силахъ помирить свои желанія и мечты съ дѣйствительностью,—дѣлалъ часто слишкомъ поспѣшный и слишкомъ грустный выводъ изъ своего малаго житейскаго опыта. Мы встрѣчались уже съ этимъ эгоистичнымъ и пессимистическимъ выводомъ въ дѣтскихъ и юношескихъ произведеніяхъ поэта. Въ лицѣ Арбенина, героя „Маскарада", этотъ выводъ является теперь передъ нами, какъ итогъ цѣлаго новаго періода жизни поэта въ Петербургѣ. Основываясь на этомъ новомъ типѣ разочарованнаго, отчужденнаго отъ всѣхъ и эгоистичнаго человѣка, мы можемъ сказать, что цѣлые четыре года жизни [1832—1837] прошли для Лермонтова безплодно и не дали его чувствамъ и мыслямъ никакого новаго направленія.

Этическая загадка жизни оставалась загадкой и поэтъ опять не рѣшилъ ее, а разрубилъ. Мучимый все тѣми же вопросами—послѣ тщетной попытки заглушить ихъ шумомъ молодого разгула и свѣтской болтовни — поэтъ начиналъ уставать. Когда онъ пожелалъ воплотить въ одномъ типѣ всѣ свои душевныя тревоги, онъ создалъ своего Арбенина, житейская философія котораго свелась къ отсутствію всякаго хотѣнія. Герой былъ одинокъ, мраченъ, не имѣлъ никакихъ привязанностей, кромѣ единой—своей любви къ женѣ; онъ былъ чуждъ всѣмъ вопросамъ жизни, былъ совсѣмъ лишній человѣкъ безъ желаній въ настоящемъ съ одной лишь памятью о грѣховномъ прошломъ.

VI.

Типъ Арбенина долженъ былъ показать Лермонтову, что идти дальше въ этомъ направленіи некуда, что, несмотря на

реальную обстановку, какой поэтъ началъ окружать своего героя, самъ герой сталъ кристаллизоваться и застывать въ нереальныхъ очертаніяхъ. Весь запасъ душевныхъ движеній героя былъ исчерпанъ, и нужно было заставить играть новую струну его сердца, чтобы спасти его рѣчи и поступки отъ безплодныхъ повтореній и скучнаго однообразія. Лермонтовъ сознавалъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ ощущалъ, что въ немъ нѣтъ того новаго чувства, которое могло бы вырвать у него новое слово.

Но какое же чувство могло бы вызвать это новое слово?

Всѣ гнѣвныя чувства были уже извѣданы,—и злоба, и месть, и презрѣніе, и полное отчужденіе.

Слова гнѣва и печали ожидали своей поправки въ словахъ любви. Но чтобы возвыситься до этой любви, поэту нужно было вновь перерѣшить всѣ вопросы, трудные и неотвязные, которые окутали его душу такимъ мракомъ.

И Лермонтовъ принялся за ихъ пересмотръ.

Неожиданная смерть прервала эту работу въ самомъ началѣ.

Начался же этотъ пересмотръ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины Пушкина.

Послѣдніе годы

I.

Стихотвореніе, написанное Лермонтовымъ на смерть Пушкина было такою же неожиданностью, какъ и несчастіе, постигшее Россію 29-го января 1837 года.

До сихъ поръ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Лермонтовъ былъ почти исключительно занятъ самимъ собою, своимъ внутреннимъ міромъ. Смерть Пушкина нарушила обычное теченіе его думъ и онъ отозвался на народное горе съ такой искренностью, что даже хорошо знавшіе его люди не хотѣли вѣрить правдивой силѣ его гнѣва и не хотѣли понять его раздраженія. Нервное напряженіе поэта было въ эти печальные дни такъ сильно, что онъ слегъ въ постель, а какъ сильно было его негодованіе, знаетъ каждый, кто хотя одинъ разъ прочелъ знаменитое стихотвореніе. Припомнимъ его послѣднія строфы, въ которыхъ раздраженіе Лермонтова достигаетъ высшаго напряженія.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!

Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прбѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь! [1837] *).

---

*) Въ стихотвореніяхъ Лермонтова эта рѣзкая нота обличенія не новая. Мы помнимъ, что еще въ юношескихъ его стихахъ встрѣчались строфы съ очень откровеннымъ общественно-политическимъ смысломъ. Попадались они и въ стихотвореніяхъ позднѣйшаго періода, даже такого веселаго, какимъ были годы юнкерской жизни.

Такъ напримѣръ въ поэмѣ «Сашка» есть строки, по смыслу близко подходящія къ заключительнымъ словамъ стихотворенія «На смерть Пушкина». Поэтъ говоритъ въ этихъ строкахъ о тѣхъ людяхъ, которые трудятся „какъ глупая овца въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ“, и «прикрывъ мундиромъ сердце подлеца“ ищутъ чиновъ «мирясь съ людскимъ презрѣньемъ» [«Сашка» I, CXLVI].

Недавно было возстановлено одно, въ отрывкѣ сохранившееся, стихотвореніе Лермонтова, въ которомъ рѣчь шла также о льстецахъ, стоящихъ вокругъ трона. Стихотвореніе должно быть отнесено, кажется, къ 1836 году:

И день насталъ, и истощилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море шумно ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ: и окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
«Не бойся, царь... мы здѣсь... Вели,
Чтобъ берега твоей земли
Стихію злую отразили,
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ гранитный городъ твой».
И гордо царь махнулъ рукою
И раздался его приказъ.
Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ-разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встаютъ, ревутъ, дворецъ объемлютъ...

Почему смерть Пушкина такъ больно отозвалась на Лермонтовѣ? Мы знаемъ, что Лермонтовъ вообще стоялъ далеко отъ литературныхъ кружковъ, что близкихъ отношеній съ Пушкинымъ у него не было, что, наконецъ, и въ поэзіи онъ не могъ назваться его ученикомъ, такъ какъ пушкинскіе мотивы были ему чужды. Глубокая скорбь Гоголя, Жуковскаго и другихъ друзей Пушкиаа вполнѣ понятна, но скорбь Лермонтова требуетъ объясненія.

Лермонтовъ имѣлъ не мало причинъ такъ печалиться и, въ особенности, такъ сердиться. Стихи „На смерть Пушкина“, дѣйствительно, скорѣе пѣсня гнѣва, чѣмъ печали.

Пушкинъ умеръ жертвой великосвѣтскихъ интригъ и обиженнаго самолюбія, жертвой того самаго „свѣта“, который такъ привлекалъ Лермонтова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ часто сердилъ его своей холодностью. Лермонтовъ раздѣлялъ дворянскіе взгляды Пушкина и не любилъ то новое, пришлое дворянство, которое сначала смотрѣло свысока на геніальнаго „сочинителя“, а затѣмъ подвело его своими сплетнями подъ выстрѣлъ. Въ негодованіи Лермонтова сказалось также и чувство патріотизма, къ которому поэтъ былъ всегда склоненъ, даже когда вздорилъ съ оффиціальными представителями этого патріотизма.

Но была и другая, болѣе глубокая причина, побудившая

Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда мгновенный визгъ ядра
Лишь надъ толпою прокатился
И рой мятежныхъ разогналъ;
И тутъ-то царь затрепеталъ,
И къ царедворцамъ обратился...
Но пустъ и мраченъ былъ дворецъ
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.
И гордо онъ на крышу входитъ
Столѣтнихъ, царственныхъ палатъ,
И сокрушенный взоръ возводитъ
На свой великій пышный градъ...
. . . . . .

Лермонтова такъ энергично выступить со своимъ словомъ въ защиту памяти Пушкина.

Гибель Пушкина наводила поэта на одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и мучившихъ его вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, подводя итогъ жизни и трудамъ Пушкина, Лермонтовъ въ первый разъ столкнулся лицомъ къ лицу съ роковымъ вопросомъ о роли поэта въ обществѣ или, другими словами, о своемъ собственномъ призваніи.

Мы знаемъ, что эти мысли давно его тревожили, но всегда въ формѣ отвлеченнаго разсужденія. Теперь же передъ его глазами былъ осязаемый фактъ—гибель поэта и полное непониманіе этого событія со стороны толпы простонародной и частью интеллигентной. Кончина Пушкина невольно напомнила Лермонтову его раннія грезы о собственной смерти. Дуэль получила въ его глазахъ особую санкцію и Лермонтовъ сталъ на нее напрашиваться.

II.

Въ литературной критикѣ иногда высказывалось мнѣніе, что Лермонтовъ въ вопросѣ объ отношеніи поэта къ обществу, пошелъ дальше Пушкина и понялъ соціальное значеніе писателя шире, чѣмъ оно понималось прежде. Это, въ извѣстномъ смыслѣ, вѣрно.

Русская жизнь тридцатыхъ годовъ помогла въ данномъ случаѣ Лермонтову; она, независимо отъ него, выдвинула этотъ трудный вопросъ и обязала поэта съ нимъ считаться: смерть Пушкина, съ своей стороны, обострила его, и Лермонтовъ въ послѣдніе годы жизни постоянно къ нему возвращался. Вопросъ о нравственныхъ обязательствахъ, какія беретъ на себя поэтъ, въ силу своего духовнаго преимущества надъ другими, не переставалъ за эти годы тревожить Лермонтова, и его предсмертное стихотвореніе, „Пророкъ“, было написано на ту же тему.

Пересмотримъ же эти стихотворенія, чтобы увидать, какъ

поэтъ справился съ задачей, надъ которой онъ такъ упорно думалъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, подъ конецъ своей жизни очень рѣзко разграничилъ свое служеніе искусству отъ служенія общественному интересу дня. Чѣмъ дальше художникъ уходилъ въ своей поэзіи отъ современности, тѣмъ ближе становился къ ней какъ публицистъ и издатель журнала. Та толпа, которую онъ быть можетъ презиралъ, какъ поэтъ, становилась предметомъ его заботъ, какъ журналиста и историка. Онъ имѣлъ право смотрѣть на себя, какъ на общественнаго дѣятеля и искалъ этой дѣятельности.

Лермонтовъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ Пушкинъ. Онъ не имѣлъ ни положенія, ни славы Пушкина. Служба не позволяла ему открыто и публично выступать со своимъ мнѣніемъ. Поэтъ чуждался, и публики, и литературныхъ кружковъ: онъ писалъ для немногихъ и нѣсколько побаивался гласности. Тѣмъ не менѣе, чѣмъ ближе становился поэтъ къ современности, тѣмъ сильнѣе являлось въ немъ желаніе сказать о ней свое слово. Въ распоряженіи Лермонтова былъ исключительно его литературный талантъ, такъ какъ онъ не имѣлъ склонности къ другимъ отраслямъ словесной дѣятельности. Куда было направить этотъ талантъ теперь, когда узкія рамки личной жизни становились повидимому для него тѣсны?

Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ далъ своему таланту полный ходъ и среди лирическихъ стихотвореній, молитвъ, народныхъ мотивовъ, историческихъ картинъ, патріотическихъ одъ и романтическихъ балладъ—стихи съ ясной общественной тенденціей встрѣчаются нерѣдко.

Среди нихъ самыя яркія—стихотвореніе „На смерть Пушкина“ и знаменитая „Дума“.

„Дума“—поразительное произведеніе по своей силѣ и своей грусти. Припомнимъ ее:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя, ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ, ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ [1838].

Это стихотвореніе какъ нельзя лучше отражаетъ малую подготовленность Лермонтова въ оцѣнкѣ современнаго ему общества; „Дума“—огульное и безпощадное осужденіе цѣлаго поколѣнія молодежи, которая какъ-разъ въ эти годы [1830—1840] всѣми своими стремленіями опровергала сатирика. Цѣлое поколѣніе названо не имѣющимъ будущности, бездѣятельнымъ, равнодушнымъ ко всему, даже къ поэзіи, наконецъ, промотавшимся. Трудно себѣ представить большее преувеличеніе или, вѣрнѣе, непониманіе того, что вокругъ готовилось и совершалось. Всѣ люди „сороковыхъ годовъ“ были безпощадно унижены и, конечно, лишь потому, что поэтъ не подозрѣвалъ ихъ существованія.

Первый опытъ общественной сатиры вышелъ, такимъ образомъ, неудаченъ—критика свелась къ голословному осужденію. Психологическая причина такой ошибки понятна. Поэтъ зналъ хорошо только одинъ уголокъ жизни, одинъ кругъ молодежи и поспѣшно перенесъ его слабыя стороны на все молодое поколѣніе своего времени Онъ принялъ часть за цѣлое. Кромѣ того, Лермонтовъ сознавалъ, что мириться съ жизнью этого, ему хорошо извѣстнаго, поколѣнія онъ не можетъ, а указать ему исходъ изъ такого положенія онъ былъ не въ состояніи. Оставалось только осыпать его укорами и бранью, и похоронить себя вмѣстѣ съ нимъ.

Вопросъ объ отношеніи сатирика къ обществу рѣшался, такимъ образомъ, очень просто. Съ одной стороны—промотавшееся общество, а съ другой—гражданинъ и судья, который укоряетъ и клеймитъ.

Такое несложное рѣшеніе задачи нѣсколько видоизмѣняется въ стихотвореніи „Не вѣрь себѣ“, написанномъ годъ спустя послѣ „Думы“.

Творческое вдохновеніе—это единственное оружіе поэта въ его борьбѣ съ жизнью—признается за раздраженіе „плѣнной“, т.-е. въ себѣ самой замкнутой, безсильной мысли.

Въ немъ призрака небесъ напрасно не ищи
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ,

Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ! [1839].

Трудъ и мелкая житейская работа должны заступить мѣсто пророческихъ пѣсенъ и обличенія. Поэтъ долженъ стыдиться выставлять на показъ свои чувства и не унижать себя передъ „простодушной“ чернью, но не потому, что эта чернь недостойна слушать поэта, а напротивъ того потому, что она въ общей своей сложности, и страдаетъ, и чувствуетъ не менѣе, если не глубже, чѣмъ самъ поэтъ—

Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной:
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ. [1839].

Толпа и поэтъ уравнены, такимъ образомъ, въ ихъ положеніяхъ; они—двѣ одинаковыя силы, противопоставленныя другъ другу. Толпа, много выстрадавшая, имѣетъ право осмѣять поэта за то, что онъ выставляетъ на показъ свои личныя чувства; поэтъ не долженъ, со своей стороны, унижать себя своею пѣснью и долженъ гордо хранить про себя свои чувства. Вопросъ, какъ мы видимъ, получилъ новое рѣшеніе, но очень неясное.

Что если личныя чувства поэта совпадутъ съ чувствами толпы и его „печаль“ и „страсть“ примутъ характеръ общій, а не личный? Неужели и тогда толпа и поэтъ могутъ пройти мимо другъ друга, не обмѣнявшись рѣчью? Лермонтовъ чувствовалъ возможность такого совпаденія, и въ стихотвореніи „Поэтъ“ жаловался на то, что духовная связь между поэтомъ и обществомъ порвана—

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, вѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣяный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вынешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья? [1839],

Какъ рельефно выражена въ этихъ стихахъ мысль объ общественной роли поэта и какъ высоко вознесенъ идеальный образъ пророка-поэта!

Но отдаваться мечтѣ о живомъ общеніи поэта и общества или скорбѣть объ ихъ разладѣ—не значило найти рѣшеніе задачи. Когда Лермонтовъ начиналъ хладнокровно вдумываться въ эту загадку, онъ снова сталкивался съ трудностями.

Стихотвореніе: „Журналистъ, читателъ и писатель“ [1840] очень наглядно отражаетъ всѣ эти трудности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ новый шагъ къ рѣшенію неотвязнаго вопроса. Писатель, отвѣчая на запросы журналиста и читателя, рисуетъ имъ, какъ извѣстно, въ двухъ картинахъ два момента творчества—моментъ оптимистическаго и свободнаго вдохновенія и моментъ наплыва тяжелыхъ думъ и вдохновенія несвободнаго, вызваннаго размышленіемъ и навязаннаго извнѣ. Плоды перваго момента, когда—

Съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ

И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ—

писатель осуждаетъ на сожженіе, какъ безотчетный бредъ, достойный смѣха. Какъ въ стихотвореніи „Не вѣрь себѣ", такъ и въ этихъ стихахъ личныя мгновенныя увлеченія поэта сочтены пустяками и обезцѣнены въ глазахъ толпы.

Плоды второго момента—наплыва озлобленныхъ думъ и сатирическаго настроенія — по словамъ писателя, также должны быть хранимы втайнѣ и не выставляемы на показъ людямъ. Творчество въ эти моменты бываетъ несвободно. Это сознаетъ самъ писатель:

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья.

Въ этомъ нервномъ состояніи писатель готовъ отъ анализа своихъ собственныхъ чувствъ перейти къ сатирѣ окружающаго:

Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ

Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...

Но зачѣмъ пѣть эти пѣсни передъ толпой, когда рискуешь остаться непонятымъ и даже можешь совершить преступленіе?

Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь.
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О, нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ заключенъ новый и очень важный вопросъ, впервые поставленный Лермонтовымъ. До сихъ поръ рѣчь шла о томъ, что поэтъ имѣетъ право гордо хранить про себя свои личныя пѣсни, что, съ другой стороны, онъ обязанъ вникать въ интересы толпы, на стражѣ духовныхъ интересовъ которой онъ поставленъ, что эта толпа также иногда имѣетъ нравственное право и осмѣять поэта за его самомнѣніе. Теперь поднятъ иной вопросъ: въ какой степени *нравственно правъ* поэтъ, взявшій на себя трудную задачу говорить обществу „объ его недостаткахъ“? Не перевѣситъ ли вредъ такихъ разоблаченій ихъ пользу? Не окажется ли лекарство вреднѣе самой болѣзни?

Чѣмъ глубже поэтъ вникалъ въ загадку, тѣмъ все печальнѣе сталъ онъ смотрѣть на свое призваніе, и кончилъ тѣмъ, что, не уяснивъ себѣ своей роли, вернулся къ старому, и въ „Пророкѣ“ изъ „городовъ“ удалился въ „пу-

стыню", чтобы порой лишь торопливо пробираться среди толпы, оставаясь въ ея глазахъ какимъ-то пугаломъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
«Смотрите-жъ, дѣти на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!» [1841].

Поэтъ и толпа вновь противупоставлены другъ другу, какъ двѣ враждебныя стихіи, не достигшія никакого соглашенія въ ихъ совмѣстной жизни.

Иногда озлобленіе Лермонтова, при соприкосновеніи съ этими вопросами, достигало такихъ острыхъ степеней, что поэтъ не останавливался даже передъ напраслиной, взводимой на самого себя. Такъ, въ стихотвореніи: „Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою" Лермонтовъ, послѣ обычныхъ мечтаній объ ожидающей его позорной смерти, въ такихъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ творчествѣ:

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ;
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый,—
Пускай! *я имъ не дорожилъ!* [1837].

Во всѣхъ стихотвореніяхъ поэта послѣднія слова—единственныя въ своемъ родѣ, и мы, конечно, посмотримъ на нихъ, какъ на случайно вырвавшійся крикъ озлобленія. Принять это заявленіе за сознательный итогъ своей творческой дѣятельности, какъ писателя, — невозможно. Если поэтъ не дорожилъ своимъ вѣнцомъ пѣвца, то что же святого имѣлъ въ жизни?

Итакъ, сопоставляя всѣ приведенныя выше стихотворенія, посвященныя одному и тому же вопросу, а именно вопросу объ отношеніи поэта къ обществу, мы можемъ сказать утвердительно, что задача такъ и осталась для Лермонтова неразрѣшенной. Онъ не находилъ въ своей поэзіи того удовлетворенія, какое находитъ человѣкъ въ любимомъ „дѣлѣ“, его мечты о своемъ великомъ призваніи также не находили себѣ оправданія въ его творчествѣ, и въ вопросѣ о соотношеніи этого творчества съ жизнью поэтъ не пришелъ ни къ какому рѣшающему выводу.

Если бы Лермонтовъ могъ доработаться до отвлеченнаго философскаго взгляда на роль искусства въ жизни, взгляда, который такъ умиротворялъ душу всѣхъ эстетиковъ сороковыхъ годовъ, или если бы онъ родился нѣсколько позднѣе, въ то время, когда достаточно развившаяся общественная жизнь втягивала поэта въ свой круговоротъ, то онъ, ко-

нечно, не страдалъ бы такъ отъ этихъ сомнѣній. Онъ избавился бы отъ внутренняго разлада, который во многомъ былъ слѣдствіемъ его повышенной воспріимчивости ко всѣмъ сторонамъ жизни и невозможности стать къ этой жизни въ прямое и ясное отношеніе.

III.

Послѣ всѣхъ этихъ думъ надъ трудной задачей въ душѣ Лермонтова осталось только одно чувство: презрѣніе къ толпѣ, враждебной всему великому, сильному и вдохновенному — чувство вполнѣ законное, если на немъ не успокаиваться.

Это чувство съ юношескихъ лѣтъ проскальзываетъ въ стихотвореніяхъ Лермонтова въ разныхъ видахъ. Если его мрачные герои и не приходятъ съ толпой въ прямое соприкосновеніе, то одна ихъ гордыня и ихъ отчужденіе указываетъ на рознь, какая существуетъ между ними и людьми ихъ окружающими... То же презрѣніе къ толпѣ проглядываетъ и въ тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ читаетъ выговоръ свѣтскому кругу...

Иногда слово „толпа“ понята въ прямомъ, узкомъ смыслѣ слова, какъ, напр., въ разсказѣ „Вадимъ“. „Народъ—это камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но, несмотря на то, сокрушаетъ все, что̀ ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи“... Толпа нѣчто смѣшное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое... она кровожадна и ни какое высокое чувство ей недоступно... Въ поэмѣ „Измаилъ-Бей“ толпа неблагодарна и легкомысленна; въ лучшемъ смыслѣ она—ребенокъ, съ которымъ нужно хитрить, если желаешь имъ править:

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;

Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта.
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ,
И почиталъ нуждою—принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
И не проси никакъ вознагражденья;
Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать—но украдь!

Но что̀ такое герой или вождь въ глазахъ этой толпы? Понять истиннаго величія героической души толпа не въ состояніи; она бѣжитъ за своимъ кумиромъ, когда онъ льститъ ея самолюбію, но она же готова предать его въ минуту опасности, когда не она въ немъ, а онъ въ ней будетъ нуждаться.

Эти мысли съ большой силой и красотой развилъ Лермонтовъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Послѣднее новоселье“ [1841].

Образъ Наполеона давно волновалъ фантазію поэта, и это вполнѣ естественно.

Пѣвецъ сильныхъ героическихъ чувствъ находилъ въ императорѣ частичное, но историческое подтвержденіе своимъ туманнымъ мечтамъ о призваніи великаго человѣка. Эти мечты даже пересилили патріотизмъ Лермонтова.

Поэтъ, положимъ, не всегда могъ простить Наполеону его походъ на Москву. Наполеонъ въ его глазахъ иногда—дерзкій падшій великанъ, который дерзнулъ помѣряться силой съ другимъ великаномъ [„Два Великана“ 1832 „Сашка“ II, VII].

Но уже очень рано такая патріотическая точка зрѣнія уступаетъ другой, болѣе безпристрастной.

Въ одномъ юношескомъ стихотвореніи Лермонтова тѣнь Наполеона въ отвѣтъ на жалостную пѣснь поэта отвѣчаетъ весьма рѣшительно:

«Умолкни, о, пѣвецъ! спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль съ язвою упрека:
Мнѣ все равно; въ могилѣ вѣчно ночь.
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока!
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки!
Я презрю пѣснопѣнья громки:
Я выше, и похвалъ, и славы, и людей!..» [1829].

И Лермонтовъ, повидимому, признаетъ правоту такого самомнѣнія, такъ какъ онъ убѣжденъ, что Наполеонъ „въ десять лѣтъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ“ [„Вадимъ“].

Да, тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми, что надъ тобою рокъ;
Кто зналъ тебя возвесть, лишь тотъ низвергнуть могъ:
Великое-жъ ничто не измѣняетъ. [1830].

И этотъ великій человѣкъ угасъ, всѣми покинутый, на одинокомъ островѣ. Его смерть трогала сердце Лермонтова больше, чѣмъ его подвиги, такъ какъ обстановка этой смерти соотвѣтствовала тѣмъ мечтамъ объ одинокой кончинѣ, которая грезилась иногда самому поэту:

Предъ нимъ лепечутъ волны, и бѣгутъ
И вновь приходятъ, и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся изъ далека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжитъ день;
Тамъ Франція! тамъ край ея родной
И славы слѣдъ, быть можетъ, скрытый мглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они!..
Прости, о, слава! обманувшій другъ... [1830].

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря мимо насъ:
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья—и паденья часъ. [1831].

Пусть такое паденіе и было возмездіемъ, но не людямъ судить этого человѣка,—людямъ, которые привыкли измѣрять величіе однимъ лишь успѣхомъ:

Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй...
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ;
Разбитый же въ снѣгахъ родимыхъ—
Безумцемъ порицаемъ онъ! [1830].

Непониманіе. великаго еще простить людямъ можно, но какъ жалки они, когда, унизивъ и предавъ великаго человѣка, они послѣ его смерти, изъ чванства и самолюбованія возносятъ его до небесъ, желая приписать себѣ частицу его славы:

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ;—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе ихъ праздничныхъ заботъ
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній

Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты ихъ рубилъ, рубилъ сплеча.
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ пескахъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что̀ дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ святыхъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ, и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученный враждою неумѣстной,
Безмолвною и гордою тоской,
И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ неизвѣстный,
Зарытъ наемною рукой...

Не лучше ли ему было спать не въ Парижѣ, а на далекомъ островѣ, вдали отъ людей въ ожиданіи воздушнаго корабля, который незримо для всѣхъ привозилъ его къ берегамъ родного края? [„Воздушный корабль“ 1840 г.].

Кто же помиритъ великаго человѣка, будь онъ воинъ, поэтъ иль художникъ—съ толпой, и какъ свершится это при-

мирѣніе? Лермонтовъ много объ этомъ думалъ, но молчалъ, и только одно чувство презрѣнія къ толпѣ прорывалось иногда въ его стихахъ наружу.

IV.

Личная жизнь поэта текла тѣмъ временемъ разсѣянно и бурно, поперемѣнно въ столицѣ и на Кавказѣ. Военная жизнь и свѣтскіе кружки,—вотъ та арена, на которой онъ теперь „дѣйствуетъ". Арена довольно скромная для того, кто мечталъ о великой будущности. Суета этой военной и свѣтской жизни скрашивалась, впрочемъ, любовной интригой и ощущеніемъ боевой опасности.

Любовная интрига очень занимала Лермонтова, если судить по количеству любовныхъ стиховъ, написанныхъ имъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ писалъ ихъ искренно и въ увлеченіи, и они выливались въ удивительно художественную форму.

Эти стихи любопытны по тому печальному настроенію, которое въ нихъ проглядываетъ. Они указываютъ намъ, что и эта сторона жизни, которой очевидно дорожилъ Лермонтовъ, не удовлетворяла его и только дразнила его нервы.

Любовная меланхолія усиливалась съ каждымъ годомъ. Житейскій опытъ увеличивался и какъ будто подтверждалъ тѣ грустныя мысли, какія поэтъ высказывалъ о любви еще ребенкомъ, когда онъ совсѣмъ не зналъ женщинъ и когда любовь была для него дѣтской шалостью. Теперь онъ любилъ глубоко одну женщину, но любилъ безнадежно, и эту искреннюю страсть пытался разсѣять мимолетными увлеченіями. Романовъ было много, но всѣ они кончались двумятремя стихами въ альбомъ, стихами иногда насмѣшливыми и желчными.

Рѣдко, очень рѣдко попадаются любовные стихи съ искреннимъ восторгомъ или радостью. Къ числу такихъ принадлежатъ стихотворенія „Слышу ли голосъ твой" [1840],

„Она поетъ и звуки таютъ“ [1836], „Какъ небеса твой взоръ блистаетъ“ [1836] – одни изъ лучшихъ русскихъ любовныхъ романсовъ.

Но рядомъ съ этими сколько печальныхъ и даже угрожающихъ! Какая грусть въ знаменитой „Соснѣ“ [1840], которая принадлежитъ столько же Гейне, сколько и нашему поэту или въ стихотвореніи „Ночевала тучка золотая“ [1841]! Какой смиренный отказъ отъ надежды звучитъ въ стихотвореніи „Ребенку“ [1840].

Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни! [1840].

Какая сила ревности въ стихотвореніи „Свиданье“ [1841] и какой ужасъ той же ревности въ „Любви мертвеца“ [1840]!

Наконецъ сама испепеляющая сила любовной страсти,—можетъ ли она быть изображена болѣе яркими красками, чѣмъ это сдѣлано поэтомъ въ стихотвореніи „Тамара“ [1841]?

Лермонтовъ умѣлъ любить, но этотъ источникъ радостей всегда былъ для него отравленъ,—быть можетъ, потому, что онъ требовалъ отъ любви того, чего она дать не можетъ—покоя восторга.

Многія изъ любовныхъ стихотвореній Лермонтова написаны подъ перекрестнымъ огнемъ салонныхъ разговоровъ и сплетенъ и потому въ нихъ иногда встрѣчаются хорошо намъ знакомые намеки и нападки на пустоту свѣтской жизни.

Несмотря на быстрый ростъ литературной славы поэта, его самолюбію, кажется, приходилось и въ эти годы не мало страдать отъ всякихъ свѣтскихъ столкновеній и положеній. Хоть онъ и говорилъ:

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ—[1837].

но на самомъ дѣлѣ остаться равнодушнымъ къ уколамъ онъ не могъ и, во всякомъ случаѣ, свѣтская жизнь давала ему гораздо больше печалей, чѣмъ радостей. Въ частной перепискѣ Лермонтова за эти годы не мало печальныхъ, искреннихъ признаній, въ которыхъ откровенно высказано большое недовольство самимъ собой за пристрастіе къ тому, что̀ въ сущности осуждаешь. Среди шума и блеска ему бывало иногда „и скучно, и грустно и некому руку подать“... и развѣ только воспоминанье объ его тихомъ дѣтствѣ утѣшало его на мгновенье:

Какъ часто пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей...
. . . . . .
Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ нѣзванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью! [1840].

Это желаніе Лермонтовъ исполнялъ нерѣдко, но, кажется безъ особаго удовольствія. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ сатириковъ, которые въ самомъ обличеніи находятъ удовлетвореніе. Сатира его только разстраивала и вмѣсто того, чтобы искать битвы съ людьми, онъ все чаще и чаще мечталъ о томъ, какъ бы стать отъ нихъ подальше.

Поэтическій образъ узника попадается часто въ стихотвореніяхъ этихъ годовъ. [„Сосѣдъ“ 1837. „Сосѣдка“ 1841. „Плѣнный рыцарь“ 1841]. Если предположить, что эти образы возникли въ невинной обстановкѣ той гауптвахты, гдѣ молодому офицеру приходилось иногда отсиживать, то все-таки не этотъ мелкій житейскій фактъ, а болѣе глубокое чувство придавало этимъ образамъ ихъ правду и красоту.

Нѣчто большее, чѣмъ простое воспоминаніе, звучитъ, напр. въ извѣстномъ стихотвореніи „Узникъ“:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.
Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ:
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.
Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой. [1837].

Но желаніе поэта неожиданно исполнилось: онъ на самомъ дѣлѣ очутился на добромъ конѣ въ зеленомъ полѣ.

V.

Ссылка вырвала Лермонтова изъ свѣтскихъ салоновъ и снова перенесла его на Кавказъ.

Поэтъ, какъ извѣстно, былъ въ ссылкѣ два раза: первый разъ—за стихи „На смерть Пушкина", второй разъ—за дуэль, которую онъ имѣлъ съ Барантомъ по поводу какой-то ссоры въ салонѣ графини Лаваль.

Сама судьба позаботилась о томъ, чтобы помочь поэту стряхнуть съ себя бездѣятельную, грызущую его тоску и дать ему возможность принять непосредственное активное участіе въ жизни. Поэтъ съ дѣтства бредилъ всевозможными героическими похожденіями и любилъ проявлять свою удаль. Теперь передъ нимъ была новая арена дѣйствій—война, серьезный патріотическій и общественный подвигъ. Изъ военныхъ донесеній того времени мы узнаемъ, что Лермонтовъ велъ себя на Кавказѣ очень храбро, участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и былъ представляемъ къ наградѣ, въ которой ему впрочемъ, отказали.

На Кавказъ Лермонтовъ ѣхалъ въ бодромъ настроеніи духа. „Меня утѣшаютъ слова Наполеона, говорилъ онъ: les grands noms se font à l'Orient". Поэтъ обѣщалъ быть твердымъ душой, какъ тотъ булатный кинжалъ, который ему, въ знакъ памяти, въ минуту разставанья поднесла чья-то лилейная рука.

Но военная жизнь заняла и развлекла Лермонтова лишь на очень короткое время. Въ стихотвореніи „Валерикъ", въ этой мастерской картинѣ военнаго быта, Лермонтовъ такъ говоритъ о своемъ положеніи:

Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ
За все равно я благодаренъ...

Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ...
И дремлешь... [1841].

Трудно предположить, что такой, для всякаго размышленія мало удобный, образъ жизни пришелся надолго по вкусу поэта. Война, какъ новинка, могла заинтересовать его, но, въ концѣ концовъ, надоѣла ему не меньше лагерной жизни подъ Петербургомъ; и Лермонтовъ, будучи однимъ изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ, не упускалъ случая брать отпускъ.

И въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Лермонтова мы, дѣйствительно, находимъ очень мало военныхъ мотивовъ. „Валерикъ"—единственная боевая жанровая картина. Очевидно, дѣйствительность не была такъ заманчива, какъ мечта, которая въ юношескіе годы любила дразнить поэта ореоломъ славы и подвиговъ.

Военная жизнь Лермонтова на Кавказѣ осталась, конечно, не безъ вліянія и на патріотическіе порывы его сердца.

Еще въ годы дѣтства и юности Лермонтовъ былъ большимъ патріотомъ въ чисто военномъ смыслѣ. Слава родины была для него неразрывно связана со славой русскаго оружія. Побѣда надъ врагомъ, кто бы онъ ни былъ, была для него предметомъ большой гордости.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! И, западъ, и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.

Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часъ—и новый грозный Римъ
Украситъ сѣверъ Августомъ другимъ.
[Измаилъ-Бей].

Чисто-военная нота слышится ясно и въ стихотвореніи „Опять народные витіи".

Вамъ [полякамъ] обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!
Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ! нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою! [1835].

Теперь, на Кавказѣ, патріотическое чувство поэта стало какъ-то менѣе вызывающе. Даже стихотвореніе „Бородино" [1837]—единственная патріотическая ода послѣднихъ годовъ его творчества—по мягкому своему тону превосходитъ всѣ ожиданія. При всей живости военной сценировки, при крайне гиперболическомъ описаніи геройскихъ подвиговъ,—какая сдержанность въ отношеніи къ побѣжденному врагу, какъ мало побѣднаго грому!

Такое отсутствіе военныхъ мотивовъ среди постоянной военной тревоги и такая сдержанность въ патріотическихъ изліяніяхъ показываютъ намъ, что Лермонтовъ далеко не вошелъ во весь вкусъ той жизни, на какую былъ осужденъ своимъ положеніемъ.

Наконецъ, поэтъ даже отрекся открыто отъ своихъ прежнихъ военно-патріотическихъ идеаловъ въ стихотвореніи „Родина". Эта исповѣдь боевого офицера очень характерна:

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!..
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ. [1841].

Любовь къ родинѣ, вмѣсто политическихъ и военныхъ гимновъ, вылилась въ формѣ красивой, спокойной элегіи, и патріотическое воодушевленіе перешло въ восхищеніе родной природой.

Но патріотизмъ поэта далеко не былъ такъ простъ и односложенъ, какимъ онъ является въ этомъ стихотвореніи.

Россія, ея міровое призваніе, ея самобытность, положеніе, въ какое она должна стать къ Европѣ—всѣ эти мысли, которымъ суждено было послѣ смерти Лермонтова вызвать столь оживленные споры—несомнѣнно тревожили умъ Лермонтова.

Въ его стихахъ и записныхъ тетрадяхъ остались слѣды этого раздумья. По этимъ отрывкамъ нельзя себѣ составить, конечно, никакого опредѣленнаго понятія о взглядахъ Лермонтова на эти столь трудные вопросы. Они остались, какъ

многіе другіе—нерѣшенными, но поэтъ какъ будто тяготѣлъ къ рѣшенію ихъ въ славянофильскомъ духѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждала А. П. Елагина.

Извѣстное стихотвореніе „Умирающій Гладіаторъ“ кончалось напр. словами, въ которыхъ сквозила столь нашумѣвшая вскорѣ мысль о гніеніи запада:

Не такъ ли ты, о, европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточныя сны. [1836].

А въ записной книжкѣ Лермонтова [1841] находимъ такія строки:

„У Россіи нѣтъ прошедшаго; она вся въ настоящемъ и будущемъ“.

„Еруслanъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжелаго сна, и всталъ, и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать... Такова Россія“.

VI.

Лермонтовъ былъ одаренъ большой чуткостью къ красотамъ природы. Одинокій среди людей, онъ жилъ съ ней въ большой дружбѣ еще въ свои молодые годы, а теперь эта дружба стала болѣе тѣсной, теперь, когда военная жизнь

забросила поэта въ горы и позволила ему взглянуть самому на тѣ пейзажи, которые онъ уже давно набросалъ въ своемъ воображеніи. Кавказская жизнь, въ этомъ смыслѣ, повліяла очень благотворно на поэзію Лермонтова.

Въ стихотвореніяхъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта природѣ отводится очень видное мѣсто. Почти нѣтъ стихотворенія, гдѣ бы не было пейзажей или картинныхъ метафоръ: и любовь, и дружба, и религіозное настроеніе неразрывно связаны съ грустью или восторгомъ, какой пробуждаетъ въ душѣ поэта раскинувшаяся передъ нимъ роскошная природа. Возьмемъ, напримѣръ, стихотворенія: „Тучки небесныя", „На сѣверѣ дальнемъ", „Ночевала тучка золотая",— всѣ они не что иное, какъ прежнія любовныя элегіи, выраженныя въ формѣ пейзажа. Въ нихъ слишкомъ много личнаго, субъективнаго настроенія, и потому они не могутъ быть названы непосредственнымъ отраженіемъ природы въ поэзіи; они скорѣе отраженіе души самого поэта въ заимствованномъ изъ дѣйствительности пейзажѣ—но достоинство ихъ этимъ не умаляется. Они—образцы художественнаго лирическаго настроенія. Элегія „На смерть князя Одоевскаго" оканчивается также прелестной картиной природы, которая гармонируетъ съ судьбой умершаго декабриста: вѣчный покой величественныхъ горъ и вѣчный шумъ тревожнаго моря—грустные символы неумолимо спокойной судьбы и тревожной жизни человѣка:

Что̀ за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи,
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ

Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая. [1839].

Иногда картина природы заключаетъ въ себѣ цѣлую философскую мысль, какъ, напримѣръ, стихотвореніе „Три пальмы“ [1829],—этотъ живописный разсказъ о вторженіи эгоистическаго человѣка въ міръ любящей природы.

Та же идея, но только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, повторяется и въ стихотвореніи „Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“ [1841]. Если въ первомъ стихотвореніи человѣкъ является какъ представитель разрушающей эгоистической силы, то здѣсь, наоборотъ, онъ ищетъ въ природѣ успокоенія и отдыха отъ той тревожной и пустой жизни, которая его истомила. Природа, наученная горькимъ опытомъ, принимаетъ человѣка очень недружелюбно:

И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ: я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.

— На что мнѣ тебя! отвѣчала чинара,
Ты пыленъ и желтъ и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара...
Иди себѣ дальше...

Иногда мы чувствуемъ, какъ природа страдаетъ при приближеніи человѣка; страдаетъ, какъ старый Казбекъ, на котораго надвигаются русскія пушки [„Споръ“ 1841].

Иногда она любитъ, какъ любитъ человѣкъ, со всею земною страстью [„Дары Терека“ 1839].

Иногда она для человѣка—живой укоръ, упрекъ его мятежной и злобной душѣ:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Лермонтовъ любилъ природу, и любилъ теперь очень грустной любовью, теперь, когда онъ готовъ былъ самъ завянуть „безъ сна и покоя“ отъ тревожныхъ порывовъ въ себѣ самой замкнутой мысли, при обстановкѣ, которая начинала тяготить его.

Поэтъ уставалъ, и эта духовная усталость сказалась и на его пейзажахъ. Сравнительно съ картинами природы, нарисованными Лермонтовымъ въ прежніе годы, пейзажи послѣднихъ лѣтъ отличаются большой меланхоліей. Нѣтъ величественно-грозныхъ и романтическихъ описаній. Пейзажъ становится все въ болѣе и болѣе тѣсную связь съ настроеніемъ поэта, и потому почти вездѣ переходитъ въ элегію.

Вліяніе ли умиротворяющей природы, или вообще поворотъ въ настроеніи — но только въ стихахъ Лермонтова въ послѣдніе годы его жизни изрѣдка попадаются, хоть и грустные, но мирные и миролюбивые мотивы. Какъ необычно для нашего поэта—пѣвца одиночества—звучатъ, напр., такія строки:

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что̀... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ
Дѣлившихъ молодость со мной? [1837].

И какой простотой и искренностью вѣетъ отъ интимнаго стихотворенія, которое Лермонтовъ набросалъ въ альбомъ своей пріятельницы С. Н. Карамзиной:

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ... [1840].

Не умри Лермонтовъ такъ рано, этотъ душевный миръ обогатилъ бы его поэзію новыми пѣснями, и въ высокой степени художественными -- если судить по тѣмъ, которыя онъ успѣлъ сложить въ рѣдкія минуты такого душевнаго покоя.

Ему, дѣйствительно, удалось закрѣпить это мирное настроеніе въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Они не веселыя, даже очень грустныя, но они мирныя: въ нихъ много покоя и нѣтъ сердитой ноты.

Лермонтовъ какъ будто чувствовалъ близость своей кончины и безъ ропота шелъ ей навстрѣчу.

Вспомнимъ хотя бы „Сонъ“ [1841] — старый мотивъ, въ который Лермонтовъ раньше влагалъ такъ много горечи и иронiи. Какъ этотъ мотивъ сталъ теперь спокоенъ и грустенъ!

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,

И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня... но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ:
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами;
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей...

И такое же мирное и грустное настроеніе подмѣтимъ мы и въ другихъ стихотвореніяхъ на ту же тему, какъ напр., „Оправданіе“ [1841] и „Завѣщаніе“ [1841[.

Одна только „Любовь мертвеца“ [1840] полна угрозъ и страсти.

VII.

Поэтъ, мы помнимъ, и въ прежніе годы обращался иногда къ религіознымъ темамъ. Но уловить какое-нибудь положительное религіозное признаніе въ его раннихъ стихахъ было невозможно.

Въ послѣдній періодъ своей жизни Лермонтовъ къ этимъ религіознымъ темамъ сталъ возвращаться и, какъ свидѣтельствуетъ князь В. Ѳ. Одоевскій, велъ съ нимъ даже частые религіозные споры.

Многое было испытано Лермонтовымъ и, какъ прежде, удовлетворенія нигдѣ не найдено. Жизнь, правда, была еще впереди; но зато и вопросы, ею поставленные, стали болѣе сложны и серьезны. Остаться при старой міроощѣнкѣ было невозможно, а новый взглядъ пока еще не былъ выработанъ. Способность мечтать осталась та же и даже усилилась, въ виду нѣкоторой духовной и тѣлесной усталости. Если

въ прежніе годы Лермонтовъ былъ мраченъ и раздраженъ, то теперь онъ становился очень грустенъ. Его все чаще и чаще преслѣдовала мысль о смерти. Было ли это предчувствіе настоящей близкой кончины или просто нервное разстройство,—рѣшить трудно, но поэтъ сталъ нерѣдко переносить свои мечты за предѣлы гроба.

Послѣдній отзвукъ прежняго непокорнаго отношенія къ Богу, прежнихъ титаническихъ порывовъ мы встрѣчаемъ въ стихотвореніи „Благодарность“. Поэтъ съ ироніей благодаритъ Создателя:

За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ... [1840].

Но въ большинствѣ остальныхъ стихотвореній — нѣтъ и тѣни упрека; въ нихъ царитъ духовный миръ и смиреніе молитвы. Таковы: „Вѣтка Палестины“ [1837 г.], знаменитая „Молитва“ [1837 г.] и стихотвореніе „Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою“ [1836]. То же глубокое христіанское настроеніе слышится и въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ [1840] *).

Во всѣхъ этихъ стихахъ мы какъ будто не узнаёмъ прежняго Лермонтова: передъ нами другой человѣкъ, вполнѣ примиренный, и съ людьми, и съ Богомъ. Лермонтовъ самъ говорилъ о себѣ въ 1839 году, что въ трудную минуту жизни для него одно спасеніе—молитва: и никто не съумѣлъ такъ вѣрно охарактеризовать всю земную сущность молитвы, какъ нашъ поэтъ, въ заключительныхъ словахъ своего знаменитаго стихотворенія:

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко... [1839].

*) Лермонтовъ собирался, кажется, написать цѣлую поэму изъ древнехристіанской жизни, какъ это видно по отрывку «Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима». 1841.

Не забудемъ, однако, что только одинъ годъ отдѣляетъ это стихотвореніе отъ не менѣе знаменитаго „И скучно и грустно“ [1840], въ которомъ строго религіозный человѣкъ можетъ прочитать хулу на Бога, какъ митрополитъ Филаретъ когда-то прочелъ ее въ стихотвореніи Пушкина „Даръ напрасный“.

Такое постоянное колебаніе въ настроеніи очень характерно: оно показываетъ намъ, что для глубокой тайны религіи, какъ для многихъ другихъ тайнъ, Лермонтовъ, несмотря на свою искренность, и теперь не имѣлъ ключа; онъ оставался рабомъ минуты и случайнаго настроенія.

Особенно ярко сказалось религіозное настроеніе послѣднихъ лѣтъ Лермонтова въ двухъ знаменитыхъ пейзажахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“ и „Выхожу одинъ я на дорогу“. Первое написано въ 1837 году, второе — въ 1841, почти наканунѣ смерти. Образныя картины природы и искреннее религіозное настроеніе слились въ этихъ стихотвореніяхъ такъ тѣсно, что отвлеченная идея о Богѣ получила какъ бы осязаемую форму. Самымъ простымъ описаніемъ произведено самое глубокое религіозное впечатлѣніе.

Но, несмотря на примиреніе и душевный покой, какими дышетъ стихотвореніе „Выхожу одинъ я на дорогу“, — сколько въ немъ грусти и сколько страха передъ той свободой и покоемъ, къ которому, повидимому, поэтъ такъ стремится! Онъ боится холоднаго сна могилы:

Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Какъ ярко просвѣчиваетъ въ этомъ стихотвореніи любовь поэта къ земному, отъ котораго онъ искалъ убѣжища въ молитвѣ. Мечта о загробномъ мірѣ была не въ силахъ вы-

тѣснить изъ его сердца жажды любить и чувствовать красоту, молитва не могла стать конечнымъ выводомъ его міровоззрѣнія; онъ искалъ въ ней лишь отдыха отъ минувшихъ тревогъ въ ожиданіи бурь грядущихъ.

VIII.

Итакъ, мы прослѣдили по стихотвореніямъ Лермонтова всѣ тѣ измѣненія, какія испытывали отдѣльныя мысли и чувства поэта въ послѣдній періодъ его жизни. Мы видѣли, что ни одинъ вопросъ, ни житейскій, ни отвлеченный, не получилъ положительнаго и опредѣленнаго рѣшенія. Рѣшенія мѣнялись сообразно настроенію. Мы видѣли также, что не было положенія, въ которомъ поэтъ чувствовалъ бы себя ловко. Вопросъ объ отношеніи художника къ обществу оставался открытымъ; свѣтская жизнь и самая привлекательная ея сторона — любовная интрига — оставляли въ душѣ поэта только горькій осадокъ. Военная жизнь его тяготила; жизнь среди природы успокаивала, но только на короткое время, какъ минутами успокаивали его и приливы религіознаго настроенія. Лермотовъ, несмотря на уже вполнѣ зрѣлый умъ и житейскій накоплявшійся опытъ, попрежнему, оставался въ разладѣ съ жизнью.

Со всѣхъ сторонъ надвигались на него грозные нравственные вопросы и вся сила его духа уходила на постановку ихъ безъ всякаго исчерпывающаго рѣшенія.

Въ жизни онъ еще не слышалъ того „волшебнаго слова“, о которомъ онъ сказалъ:

Средь шума мірского
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду.

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Надежды въ нихъ дышатъ
И жизнь въ нихъ играетъ,
Ихъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ.

Лишь сердца родного
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки —

Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ. [1841].

Творчество Лермонтова оставалось вѣрнымъ отраженіемъ его неустановившагося душевнаго настроенія и его не сконцентрированной мысли.

Взять хотя бы то противорѣчивое разнообразіе, которое наблюдается, и въ выборѣ темъ стихотвореній, и въ формѣ ихъ обработки. Темы фантастическія чередуются съ темами реальными, романтическіе порывы со скептическимъ анализомъ, смѣхъ самый задорный съ печалью, молитва съ шуткой, сила съ утомленіемъ.

Кто могъ бы предположить, что одинъ и тотъ же поэтъ, способенъ почти въ одно и то же время создать произведенія, по мыслямъ, настроенію и темпу совершенно различныя? А можетъ ли быть большее противорѣчіе, чѣмъ то, какое существуетъ, напр., между поэмой „Бѣглецъ“ [1841], этой восточной, мрачной легендой о кровавой мести и восточной же сказкой объ „Ашикъ-Керибѣ“ [1841], сказкой нѣжной, полной любви, мира и счастія?

Отмѣтимъ все-таки, что мирныя чувства въ эти годы жизни охватывали душу поэта все чаще и чаще.

Лучшій примѣръ тому его „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ [1837] и поэма „Мцыри“ [1840].

IX.

Изъ всѣхъ созданій Лермонтова „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“—произведеніе по своему стилю совсѣмъ исключительное.

Она написана въ духѣ народной пѣсни, съ такимъ умѣньемъ и такъ выдержанно, что могла бы быть принята за произведеніе наивной народной фантазіи.

Это тѣмъ болѣе удивительно, что Лермонтовъ не тратилъ много труда на выработку такого народнаго стиля въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ его юношескихъ произведеніяхъ есть опыты въ этомъ родѣ, но они не представляютъ цѣнности. Есть былина о Стенькѣ Разинѣ „Атаманъ“ [1831], есть пѣсня „Воля“ [1831] — мало удачная, которую поэтъ вставилъ въ свой разсказъ о „Вадимѣ“. Всѣ эти мелочи указываютъ однако, на то, что Лермонтовъ еще въ юные годы отгадалъ, какой богатый родникъ поэзіи кроется въ народныхъ мотивахъ. Это подтверждается и одной замѣткой, которую еще въ 1838 г. поэтъ занесъ въ свою тетрадку: „Наша литература—писалъ онъ тогда—такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать *); въ пятнадцать же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однакоже, если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. — Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская — я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Очень любопытная замѣтка для пятнадцатилѣтняго поклонника Байрона.

„Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ характерна также и по религіозному настроенію, какимъ она окрашена.

*) Любопытно, что Пушкинъ не отмѣченъ.

Основная ея идея — смиренье сильнаго своей правдой человѣка передъ высшимъ судомъ, судомъ несправедливымъ, но обязательнымъ. Типъ удалого купеческаго сына, заступившагося за обиженную жену, героически смывшаго эту обиду и, въ концѣ концовъ, казненнаго, — напоминаетъ трагической своей судьбой участь прежнихъ героевъ Лермонтова. Но смиреніе, съ какимъ Калашниковъ переноситъ свою участь, христіанское преклоненіе передъ судомъ Божіимъ и царевымъ, — черта совершенно новая въ героѣ. Она объяснима только, какъ одно изъ тѣхъ искреннихъ противорѣчій мечтательно-религіознаго настроенія, въ какое началъ впадать Лермонтовъ въ послѣдніе годы своей жизни. Титаническіе порывы начинали чередоваться съ христіанскимъ смиреніемъ, и одна крайность стала смѣняться другой. Обѣ крайности спорили, и никакъ не могли сойтись на какомъ-нибудь соглашеніи. Поэтъ, колеблемый между ними, то молился, то вновь начиналъ жаловаться на судьбу. Гордость не дѣлала уступки смиренію.

Но въ „Пѣснѣ“ смиренье, очевидно, восторжествовало. Ни одного слова протеста противъ несправедливости, ни малѣйшей угрозы,—а между тѣмъ рѣзкій, протестующій тонъ напрашивался самъ собою, если вспомнить, что въ этой пѣснѣ разсказана исторія состязанія между обидчикомъ-аристократомъ и обиженнымъ простолюдиномъ. Рѣчь обиженнаго человѣка могла бы быть гораздо болѣе сильной и рѣзкой.

X.

Рѣзкихъ словъ нѣтъ и въ исповѣди Мцыри, которому Лермонтовъ довѣрилъ всѣ думы и чувства послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Герой поэмы — юноша. Вольный горецъ, онъ ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отданъ на воспитаніе монахамъ. Вдали отъ своихъ выросъ онъ въ чуждой ему обстановкѣ,

стѣснительной и совсѣмъ не говорившей его сердцу. Отца и матери онъ не зналъ, хотя душой чувствовалъ святость этихъ именъ. Единственнымъ утѣшеніемъ его жизни были смутныя воспоминанія о прежнихъ годахъ любви и свободы, которыя окружали его дѣтство среди родной ему природы. Контрастъ этихъ воспоминаній со скучной и замкнутой монастырской жизнью оставался для него неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, кругомъ, въ которомъ должны были вращаться его мысли и чувства. Онъ былъ одинокъ, и одиночество свое пытался скрашивать мечтой, неопредѣленной мечтой, которая влекла его куда-то въ даль, сулила ему въ будущемъ славу подвиговъ, прославившихъ жизнь его предковъ, и обѣщала ему въ награду любовь, еще неизвѣданную имъ въ жизни.

Кто не узнаетъ въ этомъ Мцыри самого автора? За исключеніемъ монастырской жизни, которая обрисована въ поэмѣ слишкомъ мрачными красками, не соотвѣтствовавшими той обстановкѣ, въ которой жилъ поэтъ,—все остальное взято прямо изъ личныхъ воспоминаній: одинокое дѣтство, мечтательность, жажда великихъ подвиговъ и тоска по любви и свободѣ.

Юноша не выдержалъ и убѣжалъ изъ монастыря на свободу, безъ опредѣленной цѣли, руководимый однимъ желаніемъ вырваться изъ темницы:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы;
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Три дня, проведенные имъ на свободѣ, были для него цѣлой жизнью. Скитаясь среди пустынной природы какъ ди-

карь, онъ упивался однимъ только чувствомъ безграничной свободы:

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я какъ братъ
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?

Никогда, въ монастырѣ, онъ не былъ такъ религіозно настроенъ, какъ среди этой дикой природы.

Упоеніе природой переполняетъ его сердце и онъ до самозабвенія наслаждается ея величіемъ. Картины бурной и картины мирной ея жизни онъ рисуетъ съ одинаковымъ мастерствомъ. Во всемъ пейзажѣ преобладаетъ, однако, элегическое настроеніе, которое подготовляетъ насъ къ мирной и грустной развязкѣ разсказа. Природа какъ будто знала, что узникъ обреченъ на скорую смерть и потому не поскупилась для него своими красотами.

Здѣсь, въ царствѣ свободы, юноша встрѣтился съ молодой грузинкой, которая мелькнула ему, какъ небесное видѣніе; она прошла, не замѣтивъ его, и скрылась, какъ исчезалъ тотъ идеальный образъ любви, когда-то и гдѣ-то встрѣченный Лермонтовымъ и затѣмъ навѣки имъ утерянный.

Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ..
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ.
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла.
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

Сонъ освѣжилъ силы странника и онъ всталъ, чтобы продолжать свой путь къ родному краю, забывъ, что теперь для этого края онъ человѣкъ совсѣмъ чуждый.

Мцыри надѣялся стойко преодолѣть всѣ препятствія, какія легли между нимъ и желанной родиной.

Сцена борьбы съ барсомъ,—одна изъ лучшихъ сценъ поэмы. Человѣкъ вступаетъ въ отчаянную борьбу съ вольнымъ сыномъ природы. И барсъ, и Мцыри—родные по крови и враги случайные. Они одной любовью любятъ свой край и свою свободу. Но случай столкнулъ ихъ, и слабѣйшій погибаетъ. Какъ часто происходили такія стычки между Лермонтовымъ и горцами, съ которыми онъ дрался! Какъ поэтъ отдалъ справедливость своимъ врагамъ, такъ и Мцыри описываетъ смерть барса съ чувствомъ побѣдителя, отдающаго должное отвагѣ своего противника.

Мцыри вернулся вновь къ своей темницѣ, проблуждавъ напрасно въ горахъ и не найдя дороги къ обѣтованному краю.

И страшно было мнѣ. Понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,

И все зачѣмъ? Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!

Все, что̀ онъ вынесъ изъ этой отчаянной попытки вырваться на волю, было: трехдневная жизнь съ природой, сонъ любви и безплодный геройскій подвигъ—убійство невиннаго звѣря.

Не то ли же самое вынесъ и Лермонтовъ изъ своей кочевой жизни на Кавказѣ?

Мы знаемъ даже, что предчувствіе смерти, которое такъ поэтически описано въ послѣднемъ снѣ Мцыри, оправдалось на нашемъ поэтѣ.

Все въ этой поэмѣ пропитано личнымъ чувствомъ, не исключая и мирнаго финала, въ которомъ такъ много религіознаго смиренія.

Мцыри—герой очень мирно настроенный, хоть онъ и въ родствѣ съ демоническими натурами. Пусть онъ не желалъ людской помощи, и былъ чужой для людей, но „людямъ онъ не дѣлалъ зла“ и умеръ „рабомъ и сиротой“, безъ проклятій, и съ вѣрой въ Бога:

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму
И возвратится онъ къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ.

Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!...
«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать —
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ..
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ,
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!...»

XI.

Подводя окончательный итогъ всей литературной дѣятельности Лермонтова за этотъ послѣдній періодъ его жизни, мы видимъ, какъ поэтъ продолжалъ колебаться между старыми неустойчивыми и противорѣчивыми взглядами на всѣ вопросы жизни. Но этотъ разладъ съ жизнью и эти противорѣчія въ сужденіяхъ о ней показываютъ намъ, что энергичныя попытки разрѣшить задачу не ослабѣвали въ душѣ поэта. Несмотря на житейскую философію индифферентизма, какую онъ проводилъ въ „Маскарадѣ“, и—какъ сейчасъ увидимъ—развивалъ подробно въ „Героѣ нашего времени“, Лермонтовъ чувствовалъ необходимость сліянія съ людьми и жизнью.

Способность поэтически отдаваться всѣмъ налетающимъ настроеніямъ отразилась на всѣхъ стихотвореніяхъ этого послѣдняго періода его жизни, и всякая попытка вычитать изъ нихъ какое-либо связное и цѣльное міровоззрѣніе—была бы насиліемъ надъ истиной. Истина заключалась въ безсмѣнной тревогѣ духа самого художника.

Герой нашего времени

I.

Жуковскій, а за нимъ Гоголь окрестили настроеніе Лермонтова словомъ „безочарованіе“; однако, это настроеніе было скорѣе страстнымъ, хоть и скоропроходящимъ „очарованіемъ“ всѣми глубокими вопросами жизни. Скоропроходящимъ, очарованіемъ оно было потому, что всѣ эти порывы чувства у Лермонтова тотчасъ же охлаждались разсудкомъ сильнымъ и строгимъ, но не имѣвшимъ никакихъ опредѣленныхъ и установившихся взглядовъ на тѣ самые вопросы, которые такъ волновали сердце поэта. Поэтъ то выросталъ въ своихъ собственныхъ глазахъ до величественнаго образа пророка, то приравнивалъ себя къ слабой промотавшейся толпѣ; молился искренно и вновь впадалъ въ сомнѣніе; искалъ покоя на лонѣ природы, и бросался въ кровопролитную битву; сочинялъ любовные стихи и въ то же время писалъ эпиграммы на женщинъ; такъ поступалъ онъ, повинуясь поочередно, то наплыву чувствъ, то рѣчамъ испытующаго разсудка.

Такое нервное состояніе души должно было отразиться на нервности въ поступкахъ. Поэтъ съ Кавказа леталъ въ Петербургъ, изъ Петербурга вновь на Кавказъ; веселился въ обществѣ и возвращался домой печальный, былъ печаленъ

въ обществѣ и ѣхалъ веселиться за городъ, проказничалъ какъ школьникъ и вдругъ становился угрюмъ и серьезенъ.

Съ этими капризами нервнаго и впечатлительнаго человѣка должны были считаться окружающіе, для которыхъ снисходительность къ нимъ не была обязательна.

Нервность поэта, вырождавшаяся очень часто въ капризное озорство, была главной причиной той несчастной дуэли, которая неожиданно прервала жизнь Лермонтова въ самый критическій моментъ ея развитія.

Дуэль въ то время была явленіемъ очень обыкновеннымъ, не только въ военныхъ, но и въ свѣтскихъ кругахъ общества; и для Лермонтова послѣдняя дуэль была не первой. Ближайшія причины, вызвавшія ее, извѣстны: она была слѣдствіемъ салоннаго соперничества двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ, уступая другому въ умѣ и талантѣ, кажется, побѣждалъ его внѣшними преимуществами. Вражды, въ точномъ смыслѣ этого слова, между соперниками не было, такъ какъ, ни идейная рознь, ни ревность ихъ не разъединяли. Цѣной побѣды былъ просто свѣтскій успѣхъ или, другими словами, удовлетворенное самолюбіе,— кумиръ, которому Лермонтовъ приносилъ не первую жертву. Изъ показаній свидѣтелей ясно также, что Лермонтовъ всегда переводилъ споръ на свою почву и выбиралъ оружіе, которымъ его противникъ не владѣлъ, а именно: свое остроуміе, желчное и безпощадное. Примирить противниковъ могла только уступка со стороны Лермонтова, на которую онъ не соглашался, несмотря на многократныя предостереженія, или борьба на равныхъ условіяхъ и оружіемъ, одинаково доступнымъ обоимъ противникамъ.

Это состязаніе кончилось для Лермонтова плачевно и лишило Россію многихъ литературныхъ сокровищъ, на которыя она могла разсчитывать, судя по тому, что̀ успѣлъ сдѣлать Лермонтовъ за короткій срокъ своей жизни.

II.

Съ юношескихъ лѣтъ Лермонтовъ стремился подыскивать для выраженія своихъ поэтическихъ настроеній болѣе широкія рамки, чѣмъ короткая лирическая пѣсня. Онъ съ особой любовью, какъ мы знаемъ, разрабатывалъ форму поэмы и драмы. Пробовалъ онъ въ юности написать и повѣсть, но не хватило терпѣнія ее окончить.

Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ къ этой попыткѣ вернулся, очевидно, потому, что психическій міръ его излюбленнаго героя настолько расширился и углубился, что потребовалъ болѣе детальной и свободной обработки, которую всего легче было осуществить въ формѣ повѣсти или романа.

Четыре попытки въ этомъ родѣ были прерваны опять въ самомъ началѣ. Неоконченной осталась какая-то фантастическая повѣсть „Лугинъ“ [1841], напоминающая слегка „Портретъ“ Гоголя—очень занятный разсказъ, но ничего не дающій для опредѣленія нравственной физіономіи главнаго героя.

Неоконченной осталась и другая повѣсть, въ которой должна была быть разсказана исторія жизни знакомаго намъ Александра Сергѣевича Арбенина [1841]. О дѣтской и юношеской жизни этого „Саши“ — который не кто иной, какъ самъ авторъ—мы не узнаемъ однако ничего новаго, чего бы мы не знали изъ другихъ сочиненій Лермонтова.

Не окончилъ Лермонтовъ и романа „Княгиня Лиговская“ [1836], въ которомъ онъ собирался разсказать исторію юношескихъ лѣтъ будущаго „героя нашего времени“—Печорина.

Въ видѣ отрывка осталась, наконецъ, и повѣсть въ стихахъ, извѣстная подъ названіемъ „Сказка для дѣтей“ [1841]. Трудно отгадать ея смыслъ, такъ какъ она обрывается на первой же главѣ. Это—художественная картина барскаго свѣтскаго воспитанія; злая довольно сатира, и опять съ де-

моническими мотивами. Для характеристики міросозерцанія самого поэта она не даетъ почти ничего новаго.

Всѣ эти темы [1836—1841] занимали Лермонтова въ то самое время, когда онъ работалъ надъ „Героемъ нашего времени“ и, быть можетъ, этимъ и объясняется невыдержанность, съ какой онъ бросалъ начатыя работы. Все, что онъ хотѣлъ сказать въ своихъ неоконченныхъ повѣстяхъ, онъ выразилъ полнѣе и болѣе связно въ той серіи разсказовъ, которые онъ объединилъ подъ общимъ заглавіемъ „Героя нашего времени“.

Личность Печорина неразрывно связалась въ нашемъ представленіи съ личностью самого поэта; и на самый романъ мы привыкли смотрѣть, какъ на литературное завѣщаніе, какъ на „послѣднюю исповѣдь“.

Это была исповѣдь, но не послѣдняя. Со времени созданія „Героя нашего времени“ до смерти Лермонтова протекло около двухъ лѣтъ; и Лермонтовъ въ своемъ развитіи успѣлъ оставить позади себя своего героя, успѣлъ даже разлюбить его, судя по тому, что онъ говорилъ о немъ въ предисловіи ко второму изданію своего романа [1841]. Онъ писалъ:

„Герой Нашего Времени“, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства,

ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!"

Авторъ, какъ видимъ, ясно подчеркиваетъ свое намѣреніе изобразить „порочнаго" человѣка и предать его суду общества. Самый романъ не носитъ, однако, обличительнаго характера; онъ—скорѣе простой дневникъ, чѣмъ обдуманная сатира. Лермонтовъ первоначально, когда обдумывалъ свой романъ, и не стремился вовсе выставлять на показъ чьи-либо „пороки", а просто закрѣпилъ въ реальномъ образѣ Печорина одинъ изъ моментовъ своего собственнаго душевнаго настроенія, какъ онъ это дѣлалъ раньше, когда писалъ „Страннаго человѣка", „Двухъ братьевъ" и „Маскарадъ".

Этотъ моментъ, отраженный въ Печоринѣ, былъ уже пережитъ авторомъ въ 1841 году. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, сравнивъ настроеніе Лермонтова въ послѣдніе годы его жизни съ настроеніемъ Печорина.

Мы видѣли изъ стиховъ, приведенныхъ въ предыдущей главѣ, что въ 1840—41 годахъ поэтъ вновь переживалъ мучительную эпоху переработки и пересмотра всѣхъ коренныхъ вопросовъ жизни. Мы знаемъ также, что ему и на этотъ разъ не удалось доработаться до какихъ-либо устойчивыхъ взглядовъ на міръ и человѣка, и что онъ постоянно находился въ противорѣчіи съ самимъ собою.

Одинъ уже этотъ процессъ неустанной критической переработки основныхъ вопросовъ жизни показываетъ намъ, что поэтъ отошелъ на довольно далекое разстояніе отъ того эгоистическаго „безочарованія", въ какомъ погрязъ Печоринъ. Лермонтовъ потому и не былъ въ состояніи продолжить свой романъ, что его субъективное настроеніе духа

перестало совпадать съ душевнымъ настроеніемъ главнаго героя. Печоринъ для Лермонтова сталъ прошедшимъ, хотя для многихъ современниковъ поэта оставался настоящимъ. Онъ одно время былъ любимцемъ читающей публики именно потому, что давалъ одностороннее, но очень ясное рѣшеніе жизненной загадки, и притомъ такое рѣшеніе, которое для усвоенія не требовало, ни энергіи, ни глубокаго ума. Но самъ Лермонтовъ располагалъ этими качествами, и они не позволили ему облюбовать житейскую философію Печорина.

На міросозерцаніе Печорина нельзя ни въ какомъ случаѣ смотрѣть, какъ на окончательный выводъ, къ которому пришелъ поэтъ въ своихъ размышленіяхъ о жизни, ея цѣнности и назначеніи.

III.

Какъ человѣкъ умный и сильный, стоящій надъ общимъ уровнемъ, Печоринъ принадлежитъ къ той же семьѣ демоническихъ натуръ, съ которыми мы постоянно встрѣчались въ произведеніяхъ Лермонтова. Онъ родственникъ Демона, Арбенина, Радина, Арсенія и Измаила, и онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшее развитіе всѣхъ этихъ типовъ.

Впрочемъ типъ Печорина болѣе естественъ и правдоподобенъ, чѣмъ всѣ только-что перечисленные типы. Но и онъ не можетъ быть названъ образцомъ реальнаго письма, какъ мы теперь такое письмо понимаемъ. Душа Печорина для насъ достаточно темна и загадочна. Его внутренній міръ изложенъ передъ нами не въ одной общей и связной картинѣ, а въ отрывкахъ, которые позволяютъ намъ лишь украдкой заглянуть ему въ душу. Его прошлое намъ почти неизвѣстно; на будущее не дано никакого намека; передъ нами, какъ почти во всѣхъ типахъ Лермонтова, одинъ моментъ душевнаго состоянія, довольно подробно описанный и взятый какъ будто на выдержку изъ книги цѣлой человѣческой жизни.

Мы имѣемъ свѣдѣніе, что Лермонтовъ хотѣлъ написать большой романъ, который долженъ былъ охватить русскую жизнь за цѣлую четверть столѣтія; быть можетъ, „Герой нашего времени“ глава изъ этого романа.

„Герой нашего времени“, какъ извѣстно, вызвалъ сильное разногласіе въ критикѣ. Одни видѣли въ Печоринѣ типъ умнаго прогрессивнаго человѣка, но загубленнаго обстоятельствами жизни; другіе—типъ свѣтскаго денди, достаточно пошлаго и совсѣмъ безцѣльно существующаго на свѣтѣ. Источникъ этого разногласія заключается въ туманности самого образа,—въ томъ, что образъ, взятый изъ современной жизни и поставленный въ такую реальную обстановку, тѣмъ не менѣе образъ слишкомъ общій и условный.

Лермонтовъ самъ сознается въ предисловіи ко второму изданію своего романа, что Печоринъ портретъ не одного какого-нибудь человѣка; что это портретъ, составленный изъ пороковъ всего тогдашняго поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Такъ какъ всѣ эти пороки совмѣстить въ одномъ типѣ безъ нарушенья жизненной правды было невозможно, то и получились противорѣчія.

Взять хотя бы смѣшеніе глубокой и искренней любви съ кокетствомъ и издѣвательствомъ Печорина надъ женщиной; или неподдѣльную меланхолію, съ постоянной жаждой выставлять себя напоказъ и порисоваться. Какъ объяснить эту способность чувствовать все прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ это, повидимому, полное разочарованіе? Откуда этотъ безграничный эгоизмъ при далеко не жесткомъ сердцѣ?

Печоринъ правъ, говоря про себя, что въ немъ живутъ двѣ души: онѣ жили и въ самомъ авторѣ, когда онъ писалъ свой романъ. Какъ въ Лермонтовѣ не было установившихся взглядовъ на жизнь, такъ нѣтъ ихъ и въ Печоринѣ, несмотря на то, что онъ стремится всегда быть послѣдовательнымъ и логичнымъ въ своихъ поступкахъ.

Но Печорина отличаетъ отъ самого Лермонтова одна очень яркая черта его характера, а именно—*его духовное без-*

дѣлье и *полное отсутствіе думы о будущемъ*. Лермонтовъ постоянно имѣлъ въ виду свое будущее, и ради него пытался распутать сложные вопросы жизни. Печоринъ порѣшилъ всѣ эти вопросы разомъ, подавивъ въ себѣ всякую попытку рѣшить ихъ. Онъ помирился съ жизнью чисто пассивно, тогда какъ, по природѣ своей, былъ предрасположенъ къ активной роли. Въ данномъ противорѣчіи *принятаго* рѣшенія съ *природными* свойствами человѣка данъ ключъ къ пониманію этого темнаго характера, въ которомъ безспорно много жизненной правды, но много и поэтическаго вымысла.

Въ 1839 году, когда Лермонтовъ писалъ „Героя нашего времени", житейская философія Печорина была вполнѣ по душѣ автору. Въ этомъ году Лермонтовъ, возвратясь изъ первой своей ссылки, велъ разсѣянную жизнь въ Петербургѣ. Его душевное настроеніе было очень тревожно, несмотря на свѣтскія забавы. Въ этотъ годъ имъ написаны стихотворенія „Не вѣрь себѣ" и „Поэтъ"—произведенія, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились его сомнѣнія въ своемъ собственномъ призваніи. Лермонтовъ, съ дѣтскихъ лѣтъ страдавшій подъ тяжестью этихъ постоянныхъ сомнѣній и уже разъ попытавшійся потопить ихъ въ винѣ и разгулѣ, легко могъ прійти, наконецъ, къ выводу, что наилучшее средство противъ этой изнурительной болѣзни—полное примиреніе съ жизнью на почвѣ пассивнаго прозябанія и отказъ отъ всякихъ тревожныхъ мыслей. Этотъ печальный выводъ онъ и воплотилъ въ образѣ Печорина. Понятно, что поэтъ долженъ былъ очень скоро разстаться со своимъ героемъ, такъ какъ сама жизнь заставила его вновь приняться за пересмотръ такъ быстро и произвольно рѣшенныхъ вопросовъ, и такъ какъ въ немъ самомъ хорошія стороны Печорина скоро осилили печоринскіе пороки.

IV.

Печоринъ—варіація одного общаго типа, который постоянно занималъ фантазію поэта. Наибольшее сходство

имѣетъ онъ съ Александромъ Радинымъ, героемъ драмы „Два брата", характеръ котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, служилъ Лермонтову точкой отправленія въ его новой работѣ—по крайней мѣрѣ нѣкоторыя слова Радина цѣликомъ вложены въ уста Печорина.

Сравнивая эти два типа, мы замѣчаемъ въ нихъ, при всемъ отличіи одного отъ другого, двѣ сходныя характерныя черты, — холодную сдержанность, слѣдствіе горькаго житейскаго опыта, и эгоизмъ, какъ единственное вѣрное оружіе самозащиты въ жизни. Другія черты характера Печорина: его чуткость ко всему поэтичному, его страстность роднятъ его съ другими любимцами Лермонтова – съ тѣми молодыми мечтателями и обманувшимися идеалистами, съ которыми мы встрѣчались въ юношескихъ драмахъ нашего поэта. Такимъ образомъ типъ Печорина соединилъ въ себѣ два момента въ развитіи самого автора—моментъ отзывчиваго увлеченія и моментъ холоднаго недовѣрія, которое было слѣдствіемъ обманутой надежды и вѣры.

Новый типъ вышелъ нецѣльнымъ, такъ какъ противорѣчивы были тѣ два основныхъ типа, изъ которыхъ онъ сложился. „У меня врожденная страсть противорѣчить,—говоритъ про себя Печоринъ,—цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ противорѣчій сердцу и разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ; и я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя". Это признаніе чрезвычайно важно: оно показываетъ, что Печоринъ никакъ не можетъ быть названъ установившимся характеромъ; онъ—неустановившійся человѣкъ въ *покоѣ*, порывистый человѣкъ, котораго обстоятельства жизни и среда, даже простая случайность, могутъ направить совершенно неожиданно на самыя различныя дороги. Увлеченіе и энтузіазмъ лишь на время уравновѣшены въ немъ разочарованіемъ и холодностью; но любой, даже пустой случай, легко можетъ нарушить это искусственное равновѣсіе.

Съ самимъ Печориномъ, въ которомъ авторъ съумѣлъ на мгновеніе уравновѣсить обѣ половины своей бурной души, никогда не знавшей покоя, мы встрѣчаемся въ первый разъ, въ 1836 году, въ повѣсти „Княгиня Лиговская“. Эта повѣсть, какъ и юношескія драмы, носитъ безспорно автобіографическій характеръ, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ разсказъ [хотя бы и очень подкрашенный] о воспитаніи Печорина, героя „Княгини Лиговской“, и объ его офицерской жизни съ тѣми свѣдѣніями, какія сохранились о молодости самого автора *).

Повѣсть не окончена, и потому звено, соединяющее юношескія драмы съ „Героемъ нашего времени“, утрачено; но одинъ изъ основныхъ мотивовъ „Героя“ сохраненъ въ этомъ разсказѣ.

---

*) «До двѣнадцатилѣтнаго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пенсіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ, всѣ его путешествія ограничивались поѣздками, съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ,—чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, въ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрывши глаза держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse».

Много личныхъ воспоминаній объ одномъ изъ раннихъ увлеченій кроется и на тѣхъ страницахъ повѣсти, на которыхъ разсказана исторія жестокосерднаго кокетства Печорина съ Лизой Негуровой.

Молодой свѣтскій офицеръ, Григорій Александровичъ Печоринъ [„Княгиня Лиговская“], когда-то было женихомъ молодой особы, вышедшей не по любви замужъ за князя Лиговскаго.

Печоринъ очень молодой человѣкъ, но, несмотря на молодость, съ богатымъ повидимому прошлымъ, какъ всѣ герои Лермонтова. Человѣкъ гордый, онъ любилъ играть роль; но эта роль давалась ему съ трудомъ. Онъ „искалъ пьедестала, вставъ на который, онъ могъ бы заставить толпу взглянуть на себя“, „онъ оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить о себѣ легко; но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ“. „У него прежде было занятіе—сатира“.

Эта сатира была не простой насмѣшкой, но отзывалась злостью и презрѣніемъ, которыя родились въ гордой душѣ Печорина, какъ слѣдствіе замкнутой жизни и недовѣрія къ людямъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ избытокъ силъ, и считалъ себя въ правѣ требовать, чтобы и другіе оказывали этимъ скрытымъ силамъ должное почтеніе. Хотя на его лицѣ были „глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущаго“, и „толпа говорила, что въ его блестящихъ глазахъ есть что-то“,—тѣмъ не менѣе въ обществѣ онъ не былъ замѣченъ. Общество, свѣтъ, и главнымъ образомъ женщины,—вотъ арена, на которой пока онъ пробовалъ свои силы. „Увлекаясь самъ наружной красотой и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь, по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе и ласки женщинъ разсчетомъ или случайностью. Въ томъ, что̀ казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, онъ пренебрежительно видѣлъ примѣты, обманчивыя слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки,

брошенные на вѣтеръ первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ; и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ".

Разсказъ „Княгиня Лиговская" долженъ былъ насъ познакомить съ этими побѣдами; но онъ неоконченъ, и все, что̀ мы знаемъ о Печоринѣ съ этой стороны, сводится къ одному эпизоду—къ интригѣ съ замужней женщиной, которая была прежде его невѣстой, къ глубокой затаенной любви героя и къ его мести за оскорбленное самолюбіе. Печоринъ, обманутый одной женщиной, вымещаетъ свою злобу на другой, и вымещаетъ очень некрасивымъ способомъ, болѣе жесткимъ, чѣмъ его позднѣйшій поступокъ съ княжной Мери.

Такимъ образомъ въ разсказѣ „Княгиня Лиговская" передъ нами основная канва главнаго эпизода „Героя нашего времени", разсказа—„Княжна Мери".

Для характеристики самого Печорина разсказъ „Княгиня Лиговская" даетъ немного. Въ этомъ разсказѣ Печоринъ,—личность обрисованная блѣдно, несмотря на біографическія данныя, какими авторъ обставилъ его характеристику. Онъ—типъ человѣка пока еще съ неустановившимся характеромъ, человѣка, въ которомъ развивающійся эгоизмъ и пессимизмъ одерживаютъ послѣднія побѣды надъ умирающимъ прежнимъ идеализмомъ.

V.

Но годы взяли свое,—и Печоринъ, какъ „Герой нашего времени", успѣлъ выработать нѣсколько иную житейскую философію—хладнокровную и спокойную, къ которой онъ не былъ склоненъ въ Петербургѣ, въ гостиной княгини Лиговской. Многое въ жизни утратило для него прелесть и новизну; и онъ сталъ чувствовать необходимость покоя, ко-

торый и нашелъ въ пассивномъ примиреніи съ жизнью. Печоринъ-романтикъ превратился въ холоднаго и разсудочнаго человѣка,—но лишь на очень короткій срокъ.

Еще Бѣлинскій сказалъ про Печорина, что этотъ человѣкъ самъ себя не понимаетъ и нерѣдко на самого себя клевещетъ. Этими словами критикъ хотѣлъ какъ будто загладить то непріятное впечатлѣніе, какое производитъ личность Печорина при первомъ знакомствѣ съ нею. Дѣйствительно, читатель, разставаясь съ книгой, выноситъ о героѣ очень нелестное мнѣніе, какъ о холодномъ эгоистѣ, подчасъ жестокомъ и грубомъ. Всѣ тонкіе штрихи, какими авторъ оттѣняетъ хорошія и мягкія стороны характера героя какъ-то пропадаютъ.

Говоря о Печоринѣ, мы должны помнить, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ очень нервнымъ и капризнымъ, и поэтому мы заранѣе должны отказаться отъ мысли найти строгую послѣдовательность въ его рѣчахъ и поступкахъ. Человѣку простому, каковъ, напримѣръ, Максимъ Максимовичъ, такая натура должна была показаться загадочной, а другому человѣку все поведеніе Печорина можетъ казаться просто фальшивой позой и умышленнымъ кривляніемъ. Но если Печоринъ, дѣйствительно, загадочная натура въ томъ смыслѣ, что авторъ соединилъ въ немъ жизненную правду съ большой долей поэтическаго вымысла, то во всякомъ случаѣ позы,—т.-е. неискренняго проявленія неиспытаннаго чувства въ Печоринѣ нѣтъ. Онъ обладаетъ только способностью совмѣщать въ себѣ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ чувствъ, изъ которыхъ каждое глубоко захватываетъ его душу, а не скользитъ только по ея поверхности.

Внѣшній видъ Печорина и его поведеніе вполнѣ соотвѣтствовали его странному темпераменту: „Стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, не побѣжденное, ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными... Его походка была небрежна и лѣ-

нива, но онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера... Съ перваго взгляда на лицо его,—говоритъ авторъ,—я бы не далъ ему болѣе двадцати-трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волось, усы его и брови были черные... Его глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся. Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали,—ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ бы показаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ".

Такая внѣшность сама говоритъ за себя; она полна странныхъ сочетаній и демонической красоты, какъ поступки героя полны капризовъ и неожиданности: „Въ дождикъ и холодъ онъ бывалъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставень стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь отъ смѣху"!

Нѣтъ сомнѣнія, что личность героя была обаятельна, тѣмъ болѣе, что никто, при встрѣчѣ съ нимъ, не могъ сказать наперед, что онъ услышитъ. Склонность къ парадоксамъ и сдержанность въ разговорахъ еще болѣе интриговали окружающихъ. Самъ Печоринъ отлично понималъ свое выгодное положеніе, и потому разговоры его были отрывочны и кратки. Если онъ долго и подробно бесѣдовалъ съ докторомъ Вернеромъ, то лишь потому, что у автора не было другого сред-

ства познакомить читателя со своимъ героемъ. Со всѣми другими лицами Печоринъ только перебрасывался фразами. Скрытность осталась одной изъ чертъ его характера.

Несморя на эту скрытность, на отрывочность парадоксовъ и сентенцій Печорина, въ романѣ Лермонтова есть много страницъ, могущихъ служить обвинительными рѣчами противъ героя романа.

Тотъ, кто пожелаетъ видѣть въ Печоринѣ холоднаго и жестокаго эгоиста, найдетъ легко подтвержденіе своему мнѣнію. Онъ укажетъ, прежде всего, на его цинично откровенныя слова о любви и дружбѣ.

„Есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинить моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; еслибъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло: первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ

того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи—созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Есть минуты когда я понимаю вампира... а еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія".

А что такое дружба въ глазахъ Печорина? На этотъ вопросъ онъ даетъ отвѣтъ вполнѣ ясный: „Я къ дружбѣ неспособенъ, говоритъ онъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать, въ этомъ случаѣ трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать, да притомъ у меня есть лакеи и деньги". Едва ли найдется другое, болѣе циничное опредѣленіе дружбы!

Любовь и дружба—единственныя чувства, о которыхъ герой говоритъ откровенно и ясно. Остальные вопросы, какіе жизнь ставитъ человѣку, почти обойдены имъ молчаніемъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ вскользь говоритъ о томъ, что вообще не имѣетъ убѣжденій: въ другомъ—бросаетъ нѣсколько скептическихъ фразъ о безсмертіи души; въ третьемъ—мимоходомъ упоминаетъ о своемъ безотрадномъ будущемъ.

Изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы привели, можно видѣть, что Печоринъ, если вѣрить его словамъ, одинъ изъ самыхъ черствыхъ эгоистовъ, для котораго всѣ чувства обязательны лишь настолько, насколько они доставляютъ ему личное самоуслажденіе. Нравственнаго закона, повидимому, для него не существуетъ. Но если этотъ нравственный законъ былъ, дѣйствительно, для него не обязателенъ, то въ самой его природѣ были нравственныя черты, которыя невольнымъ

своимъ проявленіемъ опровергали высказанныя имъ сентенціи. Разумъ диктовалъ ему одно, а сердце иногда подсказывало совсѣмъ иное.

Начнемъ хотя бы съ его любовныхъ похожденій, которымъ отведено въ романѣ такое видное мѣсто. Этотъ человѣкъ, понимающій любовь въ достаточно циничномъ смыслѣ, бываетъ въ этой самой любви, и нѣженъ, и искрененъ.

Сколько искренней непосредственности, напримѣръ, въ его отношеніяхъ къ Бэлѣ. Человѣкъ спокойный и хладнокровный, онъ теряетъ всякую выдержку, столкнувшись съ этой женщиной. Въ немъ говоритъ далеко не одно животное чувство. Максимъ Максимовичъ былъ правъ, опасаясь за его жизнь послѣ его тщетной попытки окончательно овладѣть своей плѣнницей. Но, конечно, дикая и нехитрая натура этой женщины не могла надолго занять умъ и чувства нашего героя. Онъ самъ въ этомъ признавался: „Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ—говоритъ онъ—когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь—только мнѣ съ ней скучно“.

Это признаніе гораздо симпатичнѣе и честнѣе, чѣмъ тѣ пышныя эгоистическія тирады, какими щеголялъ герой въ своей бесѣдѣ съ читателемъ. Что онъ въ данномъ случаѣ не лгалъ, а говорилъ правду, тому служитъ доказательствомъ его искренняя печаль послѣ смерти уже не любимой имъ женщины. Предсмертныя слова Бэлы „онъ слушалъ молча, опустивъ голову на руки, но только во все время Максимъ Максимовичъ не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать или владѣлъ собой, но только жальче его никогда никто не былъ“. Хотя Печоринъ въ концѣ концовъ и принудилъ себя засмѣяться въ

отвѣтъ на утѣшенія своего друга, но послѣ всего этого происшествія „онъ былъ долго нездоровъ и исхудалъ бѣдняжка“.

То же неспокойное состояніе духа, при видимомъ спокойствіи, замѣтно и въ его отношеніяхъ къ княжнѣ Мери; его зарождавшаяся любовь къ ней была, однако, несравненно слабѣе и разсудочнѣе, чѣмъ любовь къ Бэлѣ. Печоринъ, какъ и самъ авторъ, ощущалъ сильную потребность въ любви. Несморя на аффектированное равнодушіе къ женскому полу, онъ самъ говоритъ о себѣ по этому поводу: „я ужъ прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ и то очень немногими, даже, мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!“

Романтизмъ исчезалъ постепенно и жажда спокойной, ровной жизни сказывалась въ Печоринѣ, какъ и въ самомъ авторѣ, когда онъ писалъ свое извѣстное стихотвореніе въ альбомъ Карамзиной.

Такую ровную и глубокую привязанность Печоринъ нашелъ въ Вѣрѣ, но это, однако, не помѣшало ему чуть не влюбиться въ княжну Мери. Нѣсколько разъ онъ спрашиваетъ себя: не влюбился ли онъ въ самомъ дѣлѣ въ эту княжну, которую онъ сначала только сердилъ и интриговалъ. „Неужто я влюбленъ,—говорилъ онъ—я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать“. „Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ [женщинахъ] съ такою злостью, мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнью. Женщины должны были бы пожелать, чтобы всѣ мужчины ихъ такъ же хорошо знали, какъ я, потому что я люблю ихъ въ сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости“.

Печоринъ, дѣйствительно, способенъ на глубокую любовь,

несмотря на всѣ свои афоризмы и позы. Примѣръ такой любви—его отношенія къ Вѣрѣ. Въ этой любви, кромѣ сознанія нравственнаго долга, есть очень живое чувство. Воспоминанія прошлаго сохраняютъ обязательную силу надъ сердцемъ героя, но не они одни оттѣсняютъ на задній планъ всѣ его новыя увлеченія. Сила этихъ воспоминаній и сознаніе своей вины передъ этой женщиной подкрѣплены искренней привязанностью и передъ ней умолкаютъ и сарказмъ, и эгоизмъ Печорина. Сдержанный свѣтскій левъ становится, какъ Демонъ, мягкимъ и нѣжнымъ любовникомъ: „Сердце мое болѣзненно сжалось—говоритъ Печоринъ—послѣ свиданія съ Вѣрой, какъ послѣ перваго разставанья. О! какъ я обрадовался этому чувству: ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ на память?.. А смѣшно подумать,—добавляетъ онъ, какъ бы невольно чувствуя приливъ молодыхъ силъ,—что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ“.

Авторъ разсказалъ намъ слишкомъ мало объ этихъ сердечныхъ отношеніяхъ между Печоринымъ и Вѣрой, но не подлежитъ сомнѣнію, что такое покорное и нѣжное отношеніе къ больной и умирающей женщинѣ говоритъ прямо въ пользу этого съ виду жестокаго и холоднаго человѣка. Вспомнимъ, напримѣръ, ту сцену, когда Печоринъ, послѣ прощанья съ Вѣрой, плачетъ какъ ребенокъ, почувствовавъ въ себѣ новый, неиспытанный еще приливъ жалостной любви. Эти слезы искупаютъ и слезы Бэлы, и слезы княжны Мери *).

Подъ внѣшнимъ хладнокровіемъ и презрительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и ко всему, въ Печоринѣ, кромѣ того, кроется глубокая поэтическая натура. Авторъ удѣлилъ ему,

*) Въ первоначальной рукописи за этой картиной слѣдуетъ, однако, очень жесткое разсужденіе по ея поводу.

и въ этомъ, частичку своего собственнаго сердца. Трудно найти человѣка, который былъ бы такъ воспріимчивъ къ красотамъ природы какъ Печоринъ. Созерцаніе природы—для него моментъ духовнаго обновленія. „Весело жить въ такой землѣ,—говоритъ нашъ герой о Кавказѣ. Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо синё,—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сомнѣнія?“ „Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко: усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ, при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ“.

Человѣкъ, который способенъ такъ понимать и чувствовать природу, который, кромѣ того, способенъ до самозабвенія погружаться въ нее,—не можетъ назваться сухимъ и черствымъ.

И Печоринъ сохранилъ способность сердечнаго отношенія къ окружающему во всѣ тѣ моменты, когда онъ чѣмъ-нибудь взволнованъ. Волненіе постоянно выводитъ его изъ того искусственнаго равновѣсія, въ какое онъ себя ставилъ усиліемъ мысли и насиліемъ надъ своей природой.

Дѣйствительно, иногда его внѣшняя холодность является прямымъ результатомъ остроты и силы его ума: „Мы знаемъ заранѣе—говоритъ Печоринъ—что о всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тайную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно,

а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. И такъ размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть". При такомъ ясновидѣніи вѣроятность увлеченій и воодушевленія, естественно, должна уменьшиться. Человѣкъ очень умный и проницательный нерѣдко можетъ показаться холоднымъ, тогда какъ, въ сущности, этотъ холодъ очень далекъ отъ равнодушія и еще дальше отъ неспособности понимать и чувствовать.

Иногда Печоринъ дѣлаетъ усиліе надъ самимъ собою, чтобы сохранить или поддержать въ себѣ разсудочно холодное отношеніе къ окружающему: „Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ,—говоритъ онъ,—я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ". Не этотъ ли страхъ передъ смѣшнымъ заставлялъ иногда Печорина принимать различныя разочарованныя позы, какъ любовь къ эффекту заставляла принимать тѣ же позы Грушницкаго?

Мы замѣтили уже выше, что самъ Печоринъ сознавалъ двойственность своей загадочной натуры. Онъ не могъ отрицать въ себѣ добрыхъ альтруистическихъ чувствъ, хотя на каждомъ шагу могъ въ своемъ поведеніи найти проявленіе чувствъ имъ прямо противоположныхъ. Смутное ощущеніе, что онъ, въ сущности, вовсе не эгоистъ и способенъ на „благородные порывы", никогда его не покидало; и, какъ нерѣдко дѣлалъ самъ Лермонтовъ, Печоринъ отнесъ расцвѣтъ всѣхъ этихъ чувствъ къ годамъ дѣтства и обвинилъ окружающихъ людей въ томъ, что они загубили эти добрыя сѣмена въ его сердцѣ. Этотъ способъ оправданія самый легкій, но онъ показываетъ тѣмъ не менѣе, что потребность въ такомъ самооправданіи существовала въ душѣ Печорина. Мы приведемъ одну изъ такихъ оправдательныхъ рѣчей Печорина, хотя намъ уже раньше пришлось выписать изъ нея нѣсколько строкъ, когда мы говорили о характерѣ Александра Радина:

„Да!—говоритъ Печоринъ—такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дур-

ныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже ихъ: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе—не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины".

Быть можетъ, въ этой исповѣди много правды, но она все-таки не оправдываетъ героя; и самъ Печоринъ сознавалъ слабость такой аргументаціи, когда за нѣсколько часовъ до дуэли, готовясь къ смерти, писалъ слѣдующія строки: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни.

И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья,—и никогда не могъ насытиться. Такъ томимый голодомъ въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе — мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!"

Въ этомъ признаніи готовящагося къ смерти человѣка больше искренности, чѣмъ въ предыдущемъ. Здѣсь самъ Печоринъ, не взваливая вину на другихъ, принимаетъ всю отвѣтственность на себя и, не отрицая въ себѣ присутствія благородныхъ стремленій и чувствъ, подчеркиваетъ ихъ безполезность и безсиліе. Загадочный характеръ такого „сильнаго безсилія" и такой „инертной энергіи" Печоринъ объясняетъ пустотой своихъ стремленій и страстностью своихъ чувствъ, направленныхъ въ дурную сторону.

Но, указывая вѣрно причину и источники своей болѣзни, герой не задаетъ себѣ однако вопроса: излечима ли эта болѣзнь или нѣтъ? Онъ какъ будто помирился съ мыслью, что путь его жизни вполнѣ опредѣленъ, что отъ будущаго ему ждать больше нечего, что духовныя силы въ немъ

навсегда подавлены и больше не проснутся. Эта увѣренность должна намъ показаться странной, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые эпизоды изъ жизни Печорина должны были убѣдить его самого въ обратномъ. Сила любви, гордость и умъ, которые онъ могъ самъ въ себѣ подмѣтить и которые, дѣйствительно, отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ, должны были показать ему, что въ немъ самомъ кроется возможность перестроить свою жизнь на иной ладъ и духовно возродиться. Какъ онъ, умный человѣкъ съ твердой волей, не увидалъ этой возможности перерожденія, — этого единственнаго исхода изъ тяготившаго его положенія?

VI.

Вина, въ данномъ случаѣ, на сторонѣ Лермонтова, а не на сторонѣ Печорина. Лермонтовъ далъ намъ въ Печоринѣ не цѣльный типъ, не живой организмъ, носящій въ своемъ настоящемъ зародыши своего будущаго, а очень реально обставленное отраженіе *одного* лишь момента въ своемъ собственномъ духовномъ развитіи. Утомленный безплодной борьбой съ одними и тѣми же вопросами, которые не поддавались рѣшенію, Лермонтовъ, въ періодъ созданія „Героя нашего времени“, пришелъ къ безотрадному рѣшенію — отбросить всѣ эти вопросы въ сторону, не обуздывать себя ни въ дурныхъ, ни въ хорошихъ своихъ стремленіяхъ и дать полную волю всѣмъ гнѣздившимся въ немъ противорѣчіямъ. Такимъ образомъ, изъ судьи онъ сталъ на время безстрастнымъ созерцателемъ этого страннаго поединка одной половины своей души съ другой.

Какъ плодъ этого наблюденія и родился типъ или, вѣрнѣе, образъ Печорина. Противорѣчія, свойственныя энергичному человѣку, явились соединенными въ одномъ узлѣ, въ одномъ лицѣ, правдиво схваченномъ въ частностяхъ, но въ цѣломъ нѣсколько произвольно скомпанованномъ. Такія противорѣчія, съ какими мы сталкиваемся въ личности Печорина,

могли быть уравновѣшены и скрѣплены между собою лишь при одномъ условіи, — при полномъ отсутствіи въ героѣ какихъ бы то ни было сильныхъ волненій, требующихъ внимательнаго нравственнаго надзора надъ самимъ собою, т.-е. при отсутствіи всѣхъ тѣхъ вопросовъ, надъ которыми Лермонтовъ трудился всю жизнь до изнеможенія. Новое столкновеніе съ этими вопросами должно было неизбѣжно поднять въ душѣ Печорина цѣлую бурю, рѣзко столкнуть всѣ противорѣчія его природы и не позволить имъ существовать совмѣстно въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Передъ нимъ долженъ былъ тогда стать вопросъ объ излечимости его болѣзни; и на этотъ вопросъ, если судить по намекамъ, разсѣяннымъ въ романѣ, герой далъ бы скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ поддерживало и питало въ Печоринѣ его безотрадное состояніе духа?

Его разочарованіе и тоска далеко не такъ сильны, чтобы сдѣлать его совершенно безучастнымъ ко всему окружающему; гордость и самомнѣніе не настолько овладѣли имъ, чтобы поставить его внѣ всякихъ сношеній съ ближними. Его умъ и сердце не настолько сосредоточены на немъ самомъ, чтобы убить въ немъ способность интересоваться людьми и ихъ поступками. У Печорина есть, такимъ образомъ, всѣ данныя, чтобы попытаться стать къ окружающей жизни въ нормальное положеніе, нѣтъ только одного, — нѣтъ *желанія* сдѣлать этой попытки, которая можетъ потребовать отъ него усиленной умственной и нравственной работы. Для Печорина никакихъ вопросовъ жизни не существуетъ: онъ *самовольно* отбросилъ ихъ, не овладѣвъ ими сразу. Упорный трудъ надъ ихъ разрѣшеніемъ, трудъ теоретическій и практическій, утомилъ его, и онъ покончилъ съ задачей, переставъ о ней думать. Онъ послѣдовалъ за теченіемъ жизни, не дѣлая попытки направить ее въ ту или другую сторону; и по мѣрѣ того, какъ сама жизнь наталкивала его на тѣ или другія чувства и мысли, онъ от-

давался имъ, и потому всегда самъ себѣ противорѣчилъ. Въ его рѣчахъ и поступкахъ не было никакой послѣдовательности.

Въ сущности, для Печорина не существуетъ никакихъ вопросовъ жизни, ни отвлеченныхъ, ни религіозныхъ, ни національныхъ, ни общественныхъ, ни нравственныхъ. Отъ вопросовъ философскихъ и религіозныхъ, когда они ему подвертываются, Печоринъ отдѣлывается двумя-тремя словами самаго общаго характера; онъ бросаетъ какую-нибудь мысль, и не даетъ себѣ труда о ней подумать. Осмыслить жизнь на почвѣ вѣры или умозрѣнія онъ не пытается. Вопросъ національный и общественный сводится для него къ формализму службы. Онъ носитъ мундиръ и исполняетъ что̀ ему приказано, чѣмъ и исчерпываются его обязанности относительно родины. У него нѣтъ и другихъ какихъ-либо понятій объ общественныхъ обязанностяхъ умнаго и интеллигентнаго человѣка; такимъ образомъ, и на почвѣ сознательнаго труда онъ не можетъ достигнуть соглашенія съ жизнью, и потому пассивно мирится со своимъ положеніемъ. На нравственныхъ вопросахъ нашъ герой также останавливается лишь при случаѣ; и мы видѣли, что его афоризмы о любви, дружбѣ и эгоизмѣ не вполнѣ оправдываются его поведеніемъ. Въ общемъ у Печорина нѣтъ опредѣленной нравственной программы. Всѣ его рѣчи и поступки дѣло случая; и онъ самъ сознавалъ это, когда говорилъ, что „присутствіе энтузіаста обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ него страстнаго мечтателя“.

Такая безцѣльная и безпринципная жизнь для умнаго человѣка на долгій срокъ немыслима, и самъ Лермонтовъ доказалъ это, принявшись, тотчасъ же послѣ созданія „Героя нашего времени“, за пересмотръ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые отстранилъ отъ себя въ лицѣ Печорина.

Мы знакомы уже съ послѣдними стихотвореніями поэта; и теперь, сравнивая ихъ съ афоризмами Печорина, мы должны

снова подчеркнуть ихъ рѣзкое противорѣчіе. Насколько тревожны, сильны по мысли, хотя и безотрадны эти стихи послѣднихъ двухъ лѣтъ, настолько парадоксальны, безплодны и пассивны мысли и чувства „героя нашего времени". Очевидно, что авторъ, всегда субъективный въ своемъ творчествѣ, могъ остановиться на такихъ чувствахъ и мысляхъ лишь мимоходомъ. Его энергичная природа, черезъ годъ послѣ выхода книги въ свѣтъ, признала Печорина „порочнымъ" и заслуживающимъ сожалѣнія. Лермонтовъ такъ быстро отошелъ отъ точекъ зрѣнія, на которыхъ стоялъ его герой, что возвратъ къ нему сталъ немыслимъ, и романъ остался неоконченнымъ. Авторъ долженъ былъ кореннымъ образомъ видоизмѣнить психическій міръ своего героя, чтобы сдѣлать этого человѣка способнымъ къ какой-нибудь дальнѣйшей сознательной дѣятельности, точно такъ же, какъ онъ долженъ былъ самъ побороть въ себѣ печоринское пассивно-безпринципное настроеніе, чтобы написать произведенія послѣднихъ двухъ лѣтъ своей жизни.

А этимъ печоринскимъ настроеніемъ, дѣйствительно, былъ охваченъ самъ авторъ, какъ видно изъ слѣдующаго искренняго признанія Печорина, — признанія, въ которомъ каждый прочтетъ личную исповѣдь поэта:

„У меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе — только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли, я

видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобы добиться ея надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало, къ печали я такъ же легко привыкаю какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день отъ дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію — авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощью бурь и дурныхъ дорогъ".

Печоринъ остался, такимъ образомъ, реально-обрисованнымъ олицетвореніемъ одного переходнаго момента въ жизни самого автора, именно того момента, когда борьба враждебныхъ началъ въ его характерѣ, борьба идеаловъ и сомнѣній была имъ насильственно подавлена полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ вопросамъ высшаго порядка.

VII.

Несмотря на то, что типъ Печорина былъ скорѣе типомъ единичнымъ, чѣмъ собирательнымъ, онъ пришелся по вкусу тогдашнему обществу и очень ему понравился. Печоринъ не сталъ „героемъ" своего времени въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; но люди того времени могли иногда принимать его за своего героя, и по весьма понятнымъ причинамъ. Типъ былъ обрисованъ очень заманчиво; умъ и благородство Пе-

чорина импонировали; его печаль и раздумье трогали читателей, а внутренняя пустота и растерянность героя передъ трудными вопросами жизни были искусно прикрыты эффектной внѣшностью. Тѣ изъ читателей, которые были неравнодушны къ одной лишь красивой позѣ, легко могли перенести свои симпатіи съ туманныхъ героевъ Байрона на Печорина, замѣнивъ истрепанный и обветшавшій костюмъ—новымъ.

Люди болѣе серьезные, съ своей стороны, также нашли въ Печоринѣ нѣчто родственное ихъ сердцу.

Русская жизнь тридцатыхъ годовъ XIX вѣка поставила многихъ умныхъ людей въ одинаковое съ Лермонтовымъ положеніе. Для нихъ была одинаково трудна задача примиренія идеаловъ съ жизнью, такъ какъ съ каждымъ годомъ общественное сознаніе въ нихъ возрастало. Многіе, какъ и Лермонтовъ, могли утомиться въ этой трудной погонѣ за идеалами, къ достиженію которыхъ путь былъ совершенно не расчищенъ. Отчего не предположить, что имъ могла, хотя на короткій срокъ, быть по сердцу пассивная и безотрадная житейская философія Печорина? Чѣмъ богаче запасъ духовныхъ силъ умнаго человѣка, тѣмъ безотраднѣе моментъ его душевной усталости, когда онъ въ этихъ силахъ начинаетъ сомнѣваться. Въ тридцатыхъ годахъ такіе моменты усталости у людей умныхъ и даже болѣе развитыхъ, чѣмъ Лермонтовъ, были не рѣдкостью. Жизнь стала требовать сознательнаго и строгаго къ себѣ отношенія; ея разрозненныя явленія нуждались въ обобщеніи; она налагала на умнаго человѣка нравственныя обязанности, понять которыя и точно разграничить было дѣломъ очень труднымъ. Эпоха была въ полномъ смыслѣ слова переходная: нужно было вырабатывать новое міросозерцаніе и стараться провести его въ жизнь. Человѣкъ либо начиналъ дѣйствовать, не оправдавъ раньше разумомъ своихъ поступковъ, либо съ готовымъ и цѣльнымъ міросозерцаніемъ сидѣлъ безъ дѣла, по причинамъ отъ него независящимъ. Такое несогласіе

между умомъ, сердцемъ и жизнью могло временами приводить людей къ апатіи, въ которой человѣкъ, сохраняя свою гордую и умную внѣшность, переставалъ на время принимать живое участіе въ жизни и предоставлялъ себя въ полное распоряженіе ея случайностей.

Печоринъ былъ, такимъ образомъ, и понятенъ, и симпатиченъ своимъ современникамъ; но онъ все-таки „героемъ“ своего времени назваться не можетъ. Онъ не былъ настоящимъ типомъ или характеромъ: онъ отражалъ лишь одинъ моментъ въ исторіи одного типа, моментъ важный, но не долго длящійся; онъ не былъ Онѣгинымъ своего времени.

VIII.

Личность Онѣгина принято сближать съ личностью Печорина. Это сближеніе можетъ быть допущено развѣ только съ внѣшней стороны; по внутреннему же своему складу эти два лица имѣютъ мало общаго. Онѣгинъ, прежде всего, вполнѣ сложившееся лицо, съ установившимися взглядами и вкусами, Печоринъ — лицо неустановившееся, съ возможностью вполнѣ измѣнить, и образъ своихъ мыслей, и свое поведеніе. Онѣгинъ — выродившійся типъ того самодовольнаго и пустого кружка молодежи Александровской эпохи, который жилъ въ полномъ согласіи съ своими непровѣренными и сентиментальными идеалами. Жизнь Печорина — страница изъ жизни новаго поколѣнія, не имѣющаго пока никакихъ прочныхъ идеаловъ, но лихорадочно работающаго надъ выработкой ихъ. Онѣгинъ — прозаикъ въ полномъ смыслѣ слова, заѣдаемый скукой отъ бездѣлья, неизбѣжнаго и естественнаго въ его положеніи; Печоринъ — страстная натура, осудившая себя на бездѣлье произвольно, и потому скучающая до поры до времени, но цѣпляющаяся за каждый случай, чтобы разсѣять эту скуку. Онѣгинъ — моралистъ, читающій проповѣди и ищущій въ книжкахъ подтвержденія и объясненія своимъ чувствамъ. Печоринъ — врагъ всякихъ

наставленій и всякой книжки; онъ — живая натура, и онъ всего больше боится быть похожимъ на кого бы то ни было, хотя бы даже на Байрона. Онѣгинъ, при всемъ своемъ умѣ, слишкомъ покорный рабъ своей страсти; Печоринъ, при несравненно болѣе страстной природѣ, слишкомъ покорный слуга своего ума, который долженъ держать въ равновѣсіи его пылкое сердце.

Печоринъ вообще относится къ Онѣгину, какъ подростающее молодое поколѣніе, еще не нашедшее идеаловъ, относится къ поколѣнію старшему, идеалы котораго закоснѣли. И тотъ и другой герой упали духомъ: одинъ, уставъ въ борьбѣ, озлобленный и страстный, отдыхаетъ на время въ пассивномъ бездѣйствіи; другой, скучающій и разочарованный, переноситъ себя съ одного мѣста на другое, чтобы хотя съ виду разнообразить свое бездѣйствіе, на которое онъ безповоротно осужденъ своимъ міросозерцаніемъ, износившимся и не допускающимъ обновленія. Онѣгинъ никогда не могъ измѣниться и стать Печоринымъ, какъ и Печоринъ никогда не могъ стать Онѣгинымъ. Въ природѣ Онѣгина нѣтъ зародышей для будущаго развитія; въ Печоринѣ ихъ временное отсутствіе зависитъ отъ доброй воли самого героя. Одинъ — сложившійся типъ, другой — переходный моментъ развивающагося характера.

Лермонтовъ и литературное движеніе его эпохи.

I.

Въ предыдущихъ главахъ была сдѣлана попытка обрисовать отдѣльные періоды въ развитіи міросозерцанія Лермонтова въ связи съ развитіемъ его таланта. Большую помощь оказали намъ при этомъ тѣ главные типы, которые поэтъ съ такою любовью вырисовывалъ въ крупныхъ своихъ произведеніяхъ. Эти основные типы, какъ бы замыкающіе собой отдѣльныя эпохи въ жизни Лермонтова, указывали намъ тотъ путь, по какому поэтъ шелъ къ своей цѣли — къ выработкѣ ясныхъ воззрѣній на жизнь и на свое въ ней призваніе.

Дѣтскій разладъ мечты и дѣйствительности, противорѣчіе между идеальными требованіями сердца и житейской прозой, ранняя борьба между оптимистическимъ взглядомъ на жизнь и возрастающимъ недовѣрчивымъ и озлобленнымъ отношеніемъ къ ней, отразились въ его первыхъ стихотвореніяхъ. По мѣрѣ того какъ поэтъ расширялъ свой умственный кругозоръ и, расширяя его, выходилъ изъ тѣсныхъ рамокъ семейной и личной жизни, онъ этотъ же вопросъ о разладѣ мечты и жизни пояснялъ новыми точками зрѣнія и новыми сочетаніями событій. Въ моменты духовной усталости, неизбѣжной при такомъ пылкомъ и тревожномъ темпераментѣ,

какимъ обладалъ Лермонтовъ, поэтъ пытался разрѣшить задачу кратчайшимъ способомъ: или поставивъ человѣка въ совершенно отчужденное и временами враждебное отношеніе ко всему окружающему, или — въ отношеніе вполнѣ индифферентное.

Очевидно, что въ основаніи всѣхъ тѣхъ типовъ, въ которыхъ выражены эти различныя рѣшенія нравственной проблемы жизни, — типовъ, различныхъ лишь по образу ихъ жизни и по костюму, лежитъ одно единственное лицо, одинъ характеръ, одна психологическая задача.

Несмотря на свою безспорную способность къ объективному творчеству, какую Лермонтовъ доказалъ созданіемъ такихъ типовъ, какъ Максимъ Максимовичъ и купецъ Калашниковъ, нашъ поэтъ былъ субъективнымъ лирикомъ, любившимъ облекать преимущественно свои личныя чувства въ символы или реальные образы. Его поэмы и романы не что иное, какъ тѣ же лирическія стихотворенія, вставленныя въ болѣе широкую раму. Это легко можно провѣрить, сравнивъ по годамъ тѣ и другія. Очевидно, что внутренняя работа надъ самимъ собою была такъ сильна въ Лермонтовѣ и настолько поглощала его силы, что для объективнаго художественнаго воспроизведенія жизни въ его душѣ пока не было мѣста, несмотря на богатство и широту его таланта. Внутренній процессъ самовоспитанія не былъ оконченъ, идеалы не опредѣлились, и потому всѣ стороны жизни, съ какими Лермонтову приходилось сталкиваться, имѣли для него цѣну только въ отношеніи къ нему самому, насколько они помогали или мѣшали ему въ рѣшеніи занимавшихъ его вопросовъ. Обозрѣвая бѣгло всю литературную дѣятельность Лермонтова, мы въ правѣ сказать, что онъ всю жизнь былъ пѣвцомъ своихъ личныхъ чувствъ, отражалъ міръ въ самомъ себѣ и занятъ былъ анализомъ этого отраженія больше, чѣмъ предметами, которые такой анализъ вызывали. Мы говоримъ это не въ упрекъ поэту.

Каждый писатель всегда субъективенъ по-своему; но въ крупномъ писателѣ субъективность, даже въ узкомъ смыслѣ, не менѣе цѣнна, чѣмъ способность объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Крупный человѣкъ, а тѣмъ болѣе писатель, можетъ быть названъ фокусомъ, въ которомъ собраны лучи разрозненныхъ чувствъ и понятій, какими живетъ его эпоха. Присмотрѣться ближе къ этому фокусу и изслѣдовать его подробно такъ же интересно, какъ разсмотрѣть порознь каждый изъ лучей, въ немъ собранныхъ. Лермонтовъ облегчилъ намъ эту работу, чистосердечно раскрывъ передъ нами тайники своего сердца. Если онъ и не разобрался въ хитрыхъ сплетеніяхъ современной ему жизни, то онъ, своей субъективной лирикой, далъ намъ понять, какъ задачи этой тревожной жизни отражались въ сильномъ и умномъ человѣкѣ того времени. Въ его стихахъ передъ нами правдивый разсказъ современника о пережитыхъ имъ волненіяхъ сердца и сомнѣніяхъ разсудка, о той болѣзни, которой страдалъ не онъ одинъ, но и многіе изъ его сверстниковъ, которые поэтому и приняли такъ близко къ сердцу его поэзію.

Если, такимъ образомъ, признанія Лермонтова получаютъ значеніе историческаго матеріала, то такое же историческое значеніе остается и за ихъ крупнѣйшимъ недостаткомъ.

Съ этимъ недостаткомъ мы давно уже знакомы: въ творческой работѣ Лермонтова нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ установившихся убѣжденій; мысли и чувства набѣгаютъ на поэта, волнуютъ его до глубины души, выливаются въ художественныхъ образахъ, но тотчасъ же смываются новой волной налетѣвшихъ сомнѣній и противоположныхъ настроеній. Прежніе боги падаютъ, изъ ихъ праха возстаютъ новые, которымъ также суждено стоять на пьедесталѣ недолго.

Такую растерянность поэта передъ трудными нравственными вопросами жизни для насъ въ особенности важно от-

тѣнить теперь, когда мы переходимъ къ опредѣленію той роли, какая выпала Лермонтову на долю, какъ участнику въ общемъ культурномъ движеніи русской жизни.

II.

Что̀ могла дать обществу—помимо, конечно, художественнаго наслажденія — поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная, оцѣнивавшая явленія жизни лишь въ ихъ отношеніи къ одной данной личности, и, вдобавокъ, неустановившаяся и противорѣчивая въ своихъ конечныхъ взглядахъ на міръ и человѣка?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ поэзіи Лермонтова совсѣмъ не было того, что̀ называется „прогрессивнымъ“ элементомъ. Въ ней не было ни постановки новыхъ вопросовъ, ни оригинальной перестановки старыхъ, не говоря уже о какомъ-нибудь удовлетворительномъ ихъ рѣшеніи. Если въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о роли поэта въ обществѣ, Лермонтовъ и пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, то онъ все-таки не прищелъ ни къ какому окончательному выводу и выразилъ въ стихахъ одну только неудовлетворенность прежними рѣшеніями.

Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была *умнѣе* поэзіи Пушкина; но она была не умнѣе, а только *тревожнѣе*. Тревожное настроеніе, столь обычное для Лермонтова, было пережито Пушкинымъ значительно раньше. Это же настроеніе было перечувствовано и современниками Лермонтова, и у нѣкоторыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, разрѣшилось въ иныя настроенія, которыя болѣе, чѣмъ лермонтовское, имѣютъ право на названіе прогрессивныхъ, т.-е. такихъ, которые двигаютъ людей впередъ.

Итакъ, въ чемъ же могла заключаться культурная сила поэзіи Лермонтова, если идеи, какими онъ жилъ, и его чув-

ства не представляли, повидимому, ничего особенно новаго и не выводили читателя ни на какую дорогу?

Прогрессивная роль поэзіи Лермонтова тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она была угадана Бѣлинскимъ еще при жизни автора, хотя критикъ не далъ ея подробнаго и полнаго опредѣленія, такъ какъ ему самому она была еще не вполнѣ ясна. Бѣлинскій, въ порывѣ своихъ увлеченій нѣмецкой философіей и эстетикой, отнесся несимпатично къ тревожному настроенію Лермонтова и, такимъ образомъ, чуть-чуть не просмотрѣлъ въ его творчествѣ самую цѣнную—въ общественномъ, конечно, смыслѣ—сторону. Критикъ остановился главнымъ образомъ на художественной сторонѣ произведеній поэта и разсматривалъ его настроеніе преимущественно съ этой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуялъ, что въ поэзіи Лермонтова, кромѣ художественной, была еще и другая сила, и на нее-то онъ намекалъ, когда говорилъ, что эта поэзія была „умнѣе“ поэзіи Пушкина, что Лермонтовъ „удовлетворялъ вкусамъ болѣе развитого общества“, что „онъ шелъ впередъ въ исторіи русскаго творчества“.

III.

Прежде всего поэзія Лермонтова, какъ „художественное“ творчество, имѣла свое облагораживающее вліяніе на читателей, и это вліяніе было особенно цѣнно въ виду той широкой среды, на которую оно распространялось.

Несмотря на успѣхи образованности, какіе сдѣлало русское общество въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка, сѣрая, необразованная и неразвитая масса превышала громаднымъ большинствомъ то немногое количество лицъ интеллигентныхъ, которыя являлись носителями просвѣщенія. Для этой сѣрой массы поэзія Лермонтова была безспорно воспитательнымъ и образовательнымъ чтеніемъ: она знакомила ее съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которые, вѣроятно, на

долгое время остались бы для этой массы недоступными, такъ какъ тогдашняя ходкая литература, разсчитанная на средняго читателя, предпочитала обходить всѣ трудные вопросы. Блестящая форма и художественные образы служили лучшимъ проводникомъ серьезныхъ идей среди публики, которая требовала извѣстной приманки, чтобы заставить себя интересоваться чѣмъ-либо. Пусть самые вопросы жизни, затронутые Лермонтовымъ, остались нерѣшенными и только намѣченными, одинъ тотъ фактъ, что они съ невиданной для того времени настойчивостью были пущены имъ въ оборотъ, сохранитъ навсегда за его поэзіей важное историко-культурное значеніе.

Говоря, однако, о прогрессивномъ значеніи поэзіи Лермонтова, мы не имѣли въ виду, ни такой ея общей цѣнности, ни этого условнаго значенія, какое ей придалъ скудный умственный уровень русской читающей публики того времени. Подъ словомъ „прогрессивное значеніе“ писателя мы разумѣли его роль, какъ выяснителя, истолкователя общественныхъ нуждъ его времени, какъ человѣка, въ которомъ отразилась и осмыслилась культурная работа людей извѣстной эпохи надъ теоретической и практической постановкой вопросовъ личной и общественной этики.

IV.

Два смежныхъ культурныхъ поколѣнія нерѣдко враждуютъ между собой въ силу быстрой смѣны своихъ настроеній и мыслей. Быстрота и нервность въ движеніи жизни мѣшаютъ имъ отнестись другъ къ другу трезво и объективно. Примиреніе ихъ противорѣчій совершается обыкновенно уже по прошествіи извѣстнаго времени, уже въ иную эпоху и инымъ поколѣніемъ.

Въ исторіи развитія русской жизни такое несогласіе поколѣній выступаетъ достаточно ярко.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка у насъ въ интеллигент-

номъ обществѣ преобладало оптимистически-сентиментальное міросозерцаніе, въ общемъ веселое, хоть иногда съ примѣсью элегической грусти.

Затѣмъ, это спокойное настроеніе духа было нарушено романтической бурей, которая убила пассивную сентиментальность и веселье, а грусть довела, или до вызывающаго титанизма, или до настоящей меланхоліи, принимавшей иногда болѣзненную окраску.

Когда же романтическая буря стала утихать, когда критическое отношеніе къ жизни успѣло въ обществѣ окрѣпнуть, умы и сердца пришли вновь въ извѣстное спокойное состояніе. Оптимизмъ двадцатыхъ годовъ возродился въ видѣ оптимизма философскаго. Но онъ опять скоро разссорился съ дѣйствительностью. Философское спокойствіе духа къ половинѣ сороковыхъ годовъ исчезаетъ, смѣнившись новой душевной тревогой и новымъ наплывомъ сомнѣній, которыя были вызваны въ людяхъ ихъ страстнымъ желаніемъ осуществить на дѣлѣ и провести въ жизнь хоть частичку тѣхъ заманчивыхъ идеаловъ, которые получались какъ результатъ ихъ философскаго и критическаго отношенія къ жизни. Все десятилѣтіе, отъ половины сороковыхъ до половины пятидесятыхъ годовъ, потрачено обществомъ на подготовленіе такого согласованія идеаловъ и жизни; и, наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ умы и мечты почти всего интеллигентнаго круга направлены на осуществленіе этой задачи. Реализмъ въ міросозерцаніи и натурализмъ въ литературѣ становятся настоящими хозяевами, и въ сердцахъ писателей, при всей бурѣ страстей, снова царствуетъ гармонія, созданная стойкостью въ убѣжденіяхъ и цѣльностью міросозерцанія.

Присматриваясь къ этой смѣнѣ настроеній и мыслей въ разные періоды жизни нашего культурнаго общества, мы можемъ замѣтить, что въ основаніи всѣхъ этихъ колебаній лежитъ чередованіе собственно двухъ основныхъ душевныхъ состояній: тревожной растерянности духа въ виду отсутствія идеаловъ или неимѣнія пути къ ихъ осуществленію и вре-

меннаго успокоенія человѣка въ кругѣ воззрѣній, признанныхъ удовлетворяющими потребностямъ ума и сердца.

Въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ двадцатые, сороковые и шестидесятые годы были періодами, когда настроеніе умовъ было наиболѣе цѣльно и согласовано съ дѣйствительностью, сначала на почвѣ чисто эстетическихъ и сентиментально оптимистическихъ воззрѣній, затѣмъ на почвѣ общихъ философскихъ положеній и, наконецъ, на почвѣ активной борьбы, активнаго проведенія въ жизнь извѣстныхъ установленныхъ убѣжденій. Несмотря на поразительную разницу убѣжденій и практическихъ программъ, какая существуетъ между двадцатыми, сороковыми и шестидесятыми годами, разницу, которая на первый разъ представляется полнымъ противорѣчіемъ, все-таки между поколѣніями этихъ періодовъ нашей культурной жизни есть коренное психологическое сходство въ настроеніи. Люди этихъ поколѣній имѣли установившіеся идеалы,—стремились найти имъ оправданіе въ окружающей ихъ дѣйствительности, и пытались обновлять ими устарѣшія формы своей жизни. Въ этихъ людяхъ душа не двоилась, въ нихъ не было сомнѣній, парализирующихъ энергію и силу воли, не было той растерянности передъ житейскими задачами, которая могла озлобить ихъ противъ другихъ и самихъ себя, заставить ихъ глубоко и долго страдать и умереть, не испытавъ, ни на единый мигъ, душевнаго удовлетворенія.

Лермонтовъ воплотилъ въ себѣ какъ-разъ діаметрально противоположный моментъ въ развитіи нашего культурнаго общества,—моментъ душевнаго разлада, лихорадочной погони за идеалами, неудовлетворенности и отчаянія передъ трудной этической проблемой. Онъ — неутомимый искатель обѣтованной земли, которому судьбой суждено было умереть, не перейдя за ея порогъ.

Лермонтовъ — типичный представитель русской интеллигентной жизни тридцатыхъ годовъ, несмотря на исключительность и единичность своего положенія въ литературѣ и въ

обществѣ. Его душевное настроеніе переживалось многими изъ его современниковъ; но современники — какъ сейчасъ увидимъ—отдѣлались отъ этого настроенія и разрѣшили его диссонансы, тогда какъ Лермонтовъ не успѣлъ побороть въ себѣ своего „демона".

Тридцатые годы XIX вѣка въ исторіи нашей жизни — годы большой душевной и умственной тревоги. Старый сентиментально-благодушный взглядъ на жизнь, который въ двадцатыхъ годахъ былъ такъ силенъ, переставалъ уже удовлетворять общественному сознанію, окрѣпшему и потому болѣе требовательному. Событія европейскія возбудили въ умахъ цѣлый рядъ новыхъ общественно-политическихъ вопросовъ, и русское общество стало интересоваться ими, несмотря на всѣ карантины. Культурный человѣкъ ощущалъ потребность понять жизнь въ болѣе широкомъ философскомъ смыслѣ, расширить свой умственный кругозоръ и углубить свои нравственныя понятія.

„Романтизмъ" европейскаго образца продолжалъ поддерживать въ людяхъ энергичные, хотя и неясные порывы къ чему-то лучшему и высшему, и держалъ ихъ въ повышенномъ настроеніи.

Одновременно шла работа ума надъ усвоеніемъ самыхъ широкихъ философскихъ системъ, выработанныхъ на западѣ. Эти системы обѣщали разрѣшить всѣ противорѣчія жизни въ стройной гармоніи всеобъемлющаго умозрѣнія.

Рядомъ съ отживающими сентиментальными взглядами и съ туманными и неустановившимися идеалами романтическими, рядомъ съ глубокими философскими обобщеніями, въ тѣ же тридцатые годы, стала пробиваться еще новая струя мысли,— мысли строго критической, мысли трезваго наблюдателя и обличителя.

Всѣ эти различныя точки зрѣнія на міръ и человѣка нашли себѣ въ тридцатыхъ годахъ ясное отраженіе въ литературѣ.

1) Взглядъ на жизнь сентиментальный и оптимистеческій

держался въ кружкѣ старыхъ литераторовъ Александровскаго времени.

2) Направленіе „романтическое“, тревожное, возвышенное, неясное, было ярче всего представлено въ творчествѣ Полевого, Марлинскаго и ихъ школы.

3) Трезвый критическій взглядъ на жизнь, полный безпощаднаго анализа, сталъ пробиваться въ творчествѣ Гоголя; и—

4) Различныя попытки чисто философскаго міропониманія, которыми увлекалась преимущественно университетская молодежь, нашли себѣ выраженіе въ тогдашней критикѣ и публицистикѣ.

Если мы желаемъ опредѣлить, въ чемъ заключалась прогрессивная роль поэзіи Лермонтова, — намъ необходимо выяснить то отношеніе, въ какомъ она стояла ко всѣмъ этимъ только-что перечисленнымъ современнымъ ей литературнымъ направленіямъ.

V.

Для писателей пушкинской эпохи, къ которому надо причислить и Жуковскаго, соглашеніе съ жизнью сводилось къ извѣстному отчужденію отъ дѣйствительности, къ спокойному настроенію сердца, согрѣтаго идеаломъ религіознымъ, нравственнымъ и преимущественно эстетическимъ. Старшее поколѣніе было счастливо, имѣя твердую вѣру въ существованіе такихъ идеаловъ, гдѣ разрѣшались всѣ мелкіе диссонансы жизни. И такая вѣра далась легко, и Жуковскому, и Пушкину, почти безъ борьбы ихъ личныхъ темпераментовъ съ требованіями ихъ разсудка. Эпоха, когда сложились ихъ взгляды на міръ, была эпохой сентиментальныхъ и оптимистическихъ вѣрованій, и склонности ихъ сердца и ихъ цѣльныя убѣжденія ограждали ихъ отъ всякихъ тревожныхъ сомнѣній.

Жуковскій какъ-то совсѣмъ не измѣнился за долгіе годы своей жизни. Шестидесятилѣтній старецъ онъ не отступилъ

отъ идеаловъ своей молодости и остался тѣмъ же религіознымъ и сентиментальнымъ идеалистомъ, какимъ былъ въ началѣ царствованія Александра I. Молодость его души уберегла его въ новой обстановкѣ отъ тѣхъ душевныхъ тревогъ, которыя въ его положеніи могли бы угрожать ему.

Въ тридцатыхъ годахъ патріархъ русской поэзіи, устранившись отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь общественную, замкнулся въ тѣсномъ кругѣ личной жизни. Впрочемъ, Жуковскій и прежде, въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ, рѣдко задавался вопросами современности.

Въ силу нравственныхъ правилъ, которыя онъ усвоилъ чуть ли не съ дѣтства, онъ ревниво сторонился отъ всякаго зла, гдѣ только могъ заподозрить его присутствіе. Сентиментально-піэтистическое ученіе моралистовъ XVIII вѣка подъ „зломъ“ вообще разумѣло всякое душевное волненіе, всякую тревогу, мѣшавшую людямъ отдаваться спокойно нравственному совершенствованію, смиренію и подавленію въ себѣ эгоистическихъ чувствъ. Естественно, что всѣ тревоги обыденной жизни, всѣ вопросы дня, поднятые законнымъ эгоизмомъ человѣка, теряли для такого философа всякую цѣну. Онъ стремился стать выше этихъ мелочей и жилъ надеждами на міръ болѣе совершенный. Въ Жуковскомъ, кромѣ того, отъ природы всегда было больше чувства, чѣмъ наблюдательности и связанной съ нею способности къ строгому мышленію. Явленія обыденной жизни ускользали отъ него и замѣнялись видѣніями.

Жуковскій жилъ въ мірѣ призраковъ. Изъ міра дѣйствительнаго онъ взялъ всѣ нѣжныя чувства, всѣ чувства высшаго порядка, и изъ этого матеріала построилъ свой воздушный замокъ. Любовь, дружба, культъ добродѣтели, преклоненіе передъ искусствомъ и вѣра, теплая христіанская вѣра, нашли въ немъ ревностнаго жреца и искренняго вдохновеннаго поэта. Онъ всю жизнь служилъ одному божеству и даже не пытался присматриваться къ идоламъ своихъ современниковъ, но не изъ боязни соблазна, а скорѣе изъ

чувства особой душевной чистоты. Вдохновеніе поэта, въ его глазахъ, было откровеніемъ, поэзія — высочайшимъ призваніемъ человѣка, поэтъ — символомъ и сосудомъ непорочности, красота — прямой эманаціей Бога, художникъ—своего рода апостоломъ, авторство—чистой и непорочной службой обществу. Поэзія, понятая въ такомъ смыслѣ, естественно должна была сторониться отъ всего несовершеннаго, нечистаго, плотскаго, соблазнительнаго и тревожнаго, т.-е. отъ всей обыденной жизни и витать въ области идеальнаго и желаемаго. Поэзія Жуковскаго, дѣйствительно, витала въ этихъ двухъ сферахъ, если не считать стихотвореній, написанныхъ имъ на торжественные случаи. Поэтъ жилъ или въ идеализированномъ мірѣ, гдѣ лица, взятыя изъ дѣйствительности, превращались въ сказочные образы, или жилъ въ мірѣ желаемомъ — въ мірѣ загробномъ, который онъ населялъ образами, взятыми изъ собственныхъ воспоминаній.

Жуковскій, конечно, не могъ вполнѣ остаться чуждымъ всякой современности и совсѣмъ не думать о ней, хотя бы въ силу своего общественнаго положенія и въ силу своего патріотизма. Онъ вращался въ высшихъ кругахъ общества и судьбы его народа вершались у него передъ глазами. Онъ былъ живымъ свидѣтелемъ многихъ крупныхъ событій въ исторіи родины и не могъ пройти мимо, не осмысливъ ихъ и не приведя ихъ въ связь со своимъ основнымъ міросозерцаніемъ.

Но свои общественные взгляды Жуковскій вывелъ изъ того же оптимизма, который лежалъ въ основаніи всей его житейской философіи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ славянофиловъ, былъ твердо убѣжденъ въ возможности самобытной русской цивилизаціи, мечталъ о великой миссіи Россіи, проповѣдывалъ даже крестовый походъ противъ турокъ и всю свою вѣру въ лучшее будущее возложилъ на православіе и самодержавіе, которымъ служилъ искренно, отъ всего своего сердца.

Изъ этого оптимизма вытекло и его основное, историко-

философское правило, которое избавляло его отъ всѣхъ тревожныхъ раздумій надъ своимъ призваніемъ. Это правило — идти вровень со своимъ вѣкомъ, но отнюдь не обгонять его — плѣнило Жуковскаго своей ясностью и краткостью; оно совпадало и съ его глубокой вѣрой въ Провидѣніе.

Такимъ образомъ, въ тридцатыхъ годахъ, уже въ преклонномъ возрастѣ, Жуковскій стоялъ одиноко среди новыхъ поколѣній. Изъ его товарищей и сверстниковъ почти никого въ живыхъ не осталось; его ученики, съ Пушкинымъ во главѣ, отошли также отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, въ которыхъ утвердился учитель. Положеніе Жуковскаго въ литературѣ было почетное, но онъ пересталъ быть въ ней живой силой и живымъ двигателемъ. Оптимизмъ и тихое мечтательное настроеніе, примирявшее поэта съ дѣйствительностью, не могли наполнить всей жизни молодого поколѣнія, какъ они наполняли жизнь самого Жуковскаго. Многіе вопросы, отъ которыхъ Жуковскій сторонился какъ отъ зла, стали настойчиво требовать рѣшенія и не могли быть устранены такъ просто, какъ устранялись въ періодъ сентиментальнаго оптимизма и не могли быть обойдены въ искусствѣ. Поэзію Байрона и Лермонтова Жуковскій имѣлъ право недолюбливать и называть „оргіей самолюбія“ и „духовнымъ пьянствомъ“, но права была и молодежь, которая, охваченная инымъ настроеніемъ, не такъ часто брала въ руки сочиненія Жуковскаго.

Для Пушкина поэтическое творчество было также своеобразнымъ міромъ, куда онъ уходилъ отъ разныхъ тревожившихъ его вопросовъ жизни. Житейскій диссонансъ, становясь пѣснью, терялъ для него свой острый характеръ. Пушкинъ былъ преимущественно эстетикъ, тоже дитя Александровской эпохи, веселой по своему образу жизни и оптимистической по своему настроенію.

Но къ концу своей жизни Пушкинъ сталъ ощущать какое-то безпокойство. Подросло новое поколѣніе, новые

вкусы стали сказываться въ литературѣ и преимущественно въ критикѣ. Парнасскій богъ сталъ чувствовать свое одиночество; по мѣрѣ того, какъ онъ въ своемъ художественномъ творчествѣ становился все совершеннѣе — его переставали понимать молодые современники. Въ своихъ нападкахъ, иногда очень задорныхъ, они были, конечно, неправы, такъ какъ не умѣли отрѣшиться отъ своего собственнаго „я“, отъ своихъ личныхъ вкусовъ, но молодость ихъ извиняла эту нетерпимость, и она являлась необходимымъ слѣдствіемъ развивавшагося общественнаго сознанія. Пушкина эти нападки очень сердили; онъ вспоминалъ свою молодость, время, когда онъ увлекался Байрономъ, и ему казалось теперь, что молодежь начинаетъ повторять зады и кланяется кумирамъ, которые для него давно потеряли свое значеніе. Пушкинъ съ своей стороны былъ не правъ, увидавъ въ тогдашнихъ тревожныхъ порывахъ и увлеченіяхъ молодежи одно лишь паденіе литературныхъ вкусовъ. Онъ не хотѣлъ признать того факта, что съ новымъ временемъ народились и новыя потребности, которыя не нашли еще для себя ясной формулы и вызывали въ людяхъ неопредѣленное, экзальтированное и недовольное настроеніе, которое съ перваго взгляда легко можно было принять лишь за пустую и внѣшнюю позу.

Достаточно пылкій и тревожный публицистъ и критикъ, Пушкинъ, какъ художникъ, сохранялъ полное самообладаніе. Стихи его оставались невозмутимы по своему спокойствію, и объективно-возвышенная художественная нота стала звучать въ нихъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Высокая идея о своемъ призваніи, которая попадается въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ поэта, выступила впередъ съ особой силой подъ конецъ его жизни. Поэтъ искалъ и находилъ въ ней успокоеніе и утѣшеніе во многихъ огорченіяхъ. Старая фраза о презрѣніи къ черни, которую Пушкинъ вычиталъ еще въ молодые годы у Горація, попадается снова въ его послѣднихъ стихотвореніяхъ, и теперь, въ его глазахъ, получаетъ

еще большее значеніе, чѣмъ имѣла прежде, такъ какъ, по его мнѣнію, художественное чутье у публики совершенно исказилось и притупилось, и прежній богъ незаслуженно отвергнутъ. Пушкинъ подъ конецъ жизни начинаетъ усиленно молиться красотѣ, любви, дружбѣ, которымъ онъ былъ такъ преданъ въ свои молодые годы; онъ рѣже говоритъ о событіяхъ дня и его поэзія какъ будто совсѣмъ порываетъ связь съ современностью. Какъ Жуковскій примирился съ жизнью на почвѣ религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ, такъ Пушкинъ, повидимому, готовъ былъ мириться съ ней на почвѣ идеаловъ чисто эстетическихъ.

Однако, если въ своихъ стихотвореніяхъ за послѣдній періодъ жизни Пушкинъ все больше и больше сторонился отъ современности, то онъ стремился слѣдить за ней и даже управлять ею какъ публицистъ и издатель журнала. Въ тридцатыхъ годахъ онъ задумалъ изданіе политической газеты, но это изданіе не состоялось. Со стороны Пушкина такая попытка была очень знаменательнымъ явленіемъ. Живая натура человѣка не могла помириться съ жизнью на почвѣ исключительно эстетическаго творчества, не могла и не хотѣла ограничиться ролью простого художественнаго „отраженія“ или „преображенія“ дѣйствительности и требовала активнаго вмѣшательства въ вопросы дня.

Общественные идеалы Пушкина дошли до насъ въ отрывкахъ, въ мелкихъ его статьяхъ и замѣткахъ. Несмотря на отрывочность такихъ источниковъ, мы можемъ себѣ составить довольно ясное понятіе объ общественной программѣ поэта. Съ одной стороны, она была отраженіемъ раннихъ славянофильскихъ взглядовъ Александровской эпохи, а другими своими мыслями примыкала къ теоріи Монтескьё, къ тѣмъ главамъ его „Духа законовъ“, гдѣ говорилось о либеральной роли дворянства. Пушкинъ и въ своихъ общественныхъ взглядахъ былъ большимъ оптимистомъ, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что онъ, человѣкъ, безспорно очень умный, не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть непригодности

своей программы для современнаго ему строя русской жизни. Однако, фактъ остается фактомъ: Пушкинъ подъ конецъ жизни ударился въ политику и не только пытался привести въ систему свои общественные взгляды, какъ это для домашняго обихода иногда дѣлалъ Жуковскій, но имѣлъ въ виду проводить ихъ въ общество и публично за нихъ бороться. Эстетическій квіэтизмъ переставалъ удовлетворять умнаго человѣка, кругозоръ поэта расширялся, старый „демонъ", отъ котораго онъ, повидимому, давно отдѣлался, сталъ вновь его тревожить, но теперь для Пушкина этотъ демонъ не былъ простою тѣнью Байрона, которая смущала его воображеніе въ юношескіе годы, а былъ неотвязнымъ призракомъ, который заставлялъ его отъ публицистической статьи бросаться къ стихамъ и среди стихотворной дѣятельности сочинять передовыя статьи и политическіе памфлеты. Но стихи поэта были невозмутимо спокойны по своему настроенію и по своей художественной пластикѣ, и лишь душевное настроеніе публициста было очень тревожно.

Сопоставляя поэзію старшаго поколѣнія съ поэзіей Лермонтова, мы можемъ съ достаточной ясностью опредѣлить прогрессивное значеніе этой новой литературной силы въ отношеніи къ современнымъ ей силамъ старымъ. Пусть многое въ поэзіи Лермонтова повторяло или развивало то, что̀ уже давно было сказано Пушкинымъ, въ періодъ его увлеченія Байрономъ; пусть эта поэзія была менѣе пластична и менѣе объективно-спокойна, чѣмъ поэзія Пушкина, менѣе нравственно чиста и воздушна, чѣмъ поэзія Жуковскаго; пусть она была туманна по настроенію, неустойчива въ окончательныхъ своихъ выводахъ, иногда безъ причины задорна — всетаки поэзія Лермонтова для молодого поколѣнія того времени носила въ себѣ гораздо больше элементовъ жизни, больше побужденій къ дѣятельности, къ движенію впередъ, чѣмъ поэзія поколѣнія старшаго.

Въ ней прежде всего былъ юношескій пылъ, живая, впередъ стремящаяся сила, которой у стариковъ не было. Ро-

мантическое недовольство современностью, поиски идеаловъ, увѣренность въ высокомъ призваніи, жажда великаго дѣла, тяжелая внутренняя борьба въ виду надвинувшихся грозныхъ вопросовъ, нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ, всѣ эти тревоги и надежды молодого сердца были въ творчествѣ Лермонтова живой дѣйствительностью, а въ стихахъ старшаго поколѣнія лишь воспоминаніемъ. Нетерпѣливая, а потому противорѣчивая и тревожная разносторонность поэзіи Лермонтова служила хорошимъ противовѣсомъ поэтическому квіэтизму старой школы и носила въ себѣ зерно будущаго развитія русской мысли. Поэзія Пушкина и его товарищей давно помирилась съ жизнью на почвѣ чистой эстетики; отъ современнаго она уходила въ прошедшее или призрачное. Чтобы привести поэзію въ болѣе тѣсную связь съ новой дѣйствительностью, необходимо было нарушить ея спокойствіе, воскресить въ ней прежнюю лихорадочную нервность и даже на время избавить ее отъ строгаго надзора слишкомъ требовательной художественности.

Когда поэтическое воспроизведеніе жизни обогащается новымъ жизненнымъ матеріаломъ, то нельзя отъ него требовать, чтобы оно во всемъ соблюдало мѣру и нашло себѣ сразу подходящую внѣшнюю форму. Поиски этой формы и поспѣшность, съ какой новый матеріалъ усвоялся, отразились ясно на внѣшнемъ и внутреннемъ строѣ стиховъ Лермонтова.

VI.

Итакъ, со старшимъ поколѣніемъ Лермонтовъ расходился довольно рѣзко въ своемъ настроеніи. Сверстники были ему, конечно, ближе и среди нихъ въ особенности тѣ, которые такъ или иначе были неравнодушны къ „романтическимъ“ вѣяніямъ. Такихъ русскихъ „романтиковъ“ у насъ съ двадцатыхъ годовъ было много, и ихъ неопредѣленно-тревожное настроеніе было въ литературѣ представлено достаточно полно, въ особенности въ повѣстяхъ и на сценѣ.

Наиболѣе видными и признанными выразителями этого настроенія въ литературѣ были въ тридцатыхъ годахъ — Марлинскій и Полевой.

Настроеніе и міропониманіе, которые развернулись въ повѣстяхъ и въ драмахъ этихъ двухъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ „романтиковъ“, не поддаются точному опредѣленію. Любовь ко всему эксцентричному, необыкновенному, величественному и фантастическому руководила авторами въ выборѣ сюжетовъ. Неспокойное настроеніе, героическій подъемъ духа, безграничная свобода чувства и протестъ противъ всѣхъ внѣшнихъ стѣснительныхъ условій прозаической и въ предразсудкахъ погрязшей дѣйствительной жизни—были отличительными чертами ихъ излюбленныхъ героевъ; печаль и меланхолія—любимымъ фономъ ихъ картинъ.

Между этими „романтиками“ и между Лермонтовымъ была несомнѣнная связь по настроенію. Они сходились въ общей имъ симпатіи къ необузданному стремленію куда-то впередъ, къ туманно понятой свободѣ и въ симпатіи къ напряженному, нервному состоянію духа, которое, по ихъ мнѣнію, было источникомъ всѣхъ великихъ мыслей и дѣлъ.

Но умственный кругозоръ Лермонтова, конечно, былъ значительно шире кругозора всѣхъ другихъ нашихъ романтиковъ и къ тому же Лермонтовъ былъ бо̀льшій художникъ. Все, что̀ въ стремленіяхъ нашихъ романтиковъ типа Марлинскаго было лучшаго, мы находимъ у Лермонтова въ болѣе чистомъ и продуманномъ видѣ, въ болѣе сжатой и яркой формѣ. Лермонтовъ свободенъ отъ вычурности, за которую Бѣлинскій такъ негодовалъ на Марлинскаго и Полевого, и потому его „романтизмъ“, воспитывая умы и дѣйствуя на сердце, въ то же время не портилъ у публики вкуса, не пріучалъ ее любить внѣшніе эффекты и признавать ихъ за истинную художественность.

А любовь къ внѣшнимъ эффектамъ и къ цвѣтистой рѣчи была всегда однимъ изъ грѣховъ нашего доморощеннаго „романтизма“.

VII.

Вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ тридцатыхъ годахъ выступилъ и Гоголь.

Съ идеалами пушкинскаго кружка, въ которомъ Гоголь возмужалъ и съ которымъ всю жизнь былъ друженъ, онъ сжился очень быстро, но онъ все-таки не могъ успокоиться на эстетическомъ созерцаніи и сталъ искать примиренія съ жизнью на почвѣ нравственнаго воздѣйствія на ближняго. Гоголь всегда хотѣлъ быть художникомъ-проповѣдникомъ, и борьба за этотъ проповѣднический идеалъ, какъ извѣстно, свела его въ могилу. Съ кружкомъ „романтиковъ", въ началѣ также ему родственныхъ по духу, Гоголь враждовалъ во имя своихъ эстетическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Съ философами-теоретиками, которые его такъ любили, онъ не сходился, въ виду своего малаго интереса къ чисто отвлеченнымъ вопросамъ и также въ виду своей художественной натуры, для которой будничная конкретная жизнь со всѣми ея мелочами была главнымъ источникомъ вдохновенія. Гоголь былъ живописецъ съ натуры, геніальный художникъ, въ которомъ дѣйствительность, реальная повседневная жизнь и критическое къ ней отношеніе нашли у насъ свое, въ тѣ годы наиболѣе яркое, отраженіе. Онъ былъ первый писатель, который заставилъ публику оцѣнить поэзію этой будничной жизни и понять, сколько истинной художественности кроется въ мелочахъ обыденной обстановки, въ какой живутъ обыденные люди. И онъ вмѣстѣ съ тѣмъ училъ насъ трезвому отношенію къ этой обыденности, съ виду столь невзрачной, а въ сущности своей столь важной.

Это новое реальное или натуральное направленіе въ литературѣ было настоящимъ откровеніемъ для русскаго читателя, который до Гоголя не встрѣчалъ ни у одного писателя столь широкаго, правдиваго и художественнаго отраженія жизни въ искусствѣ. Въ этомъ отношеніи роль Гоголя

въ исторіи нашей культурности несомнѣнно важнѣе и плодотворнѣе роли Лермонтова. На жанровыхъ картинахъ Гоголя русское общество училось трезвой самооцѣнкѣ.

Несмотря, однако, на всю видимую объективность и спокойствіе, какія Гоголь обнаруживалъ въ своемъ творчествѣ, онъ самъ былъ совершенно неустановившейся и по существу „романтической“ натурой. У него, — какъ и у Лермонтова къ концу тридцатыхъ годовъ — еще не было установившихся взглядовъ на жизнь, не было цѣльнаго міровоззрѣнія. Какъ художникъ, онъ творилъ почти безсознательно; между тѣмъ желаніе отдать себѣ отчетъ въ собственной дѣятельности, осмыслить свое собственное существованіе и найти ясный нравственный идеалъ въ жизни было въ немъ не менѣе сильно, чѣмъ въ Лермонтовѣ. Гоголь въ тиши, тайкомъ отъ друзей, принялся за свое духовное перевоспитаніе и многіе годы прошли для него въ этой скрытой отъ всѣхъ, изнурительной и трудной работѣ. Къ такому умственному труду скоро присоединилась физическая немощь и угрызенія слишкомъ чуткой и болѣзненной совѣсти. Результатомъ всѣхъ этихъ душевныхъ и физическихъ немощей писателя была знаменитая „Переписка съ друзьями“ [1847], въ которой Гоголь подѣлился, наконецъ, съ публикой своимъ законченнымъ міросозерцаніемъ. Отъ него онъ ожидалъ спасенія не только самому себѣ, но и всему русскому обществу. Это міровоззрѣніе заключало въ себѣ мало новаго и было лишь своеобразнымъ видоизмѣненіемъ общественныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ взглядовъ Жуковскаго и Пушкина.

Понимая жизнь какъ разладъ мечты и дѣйствительности, Гоголь видѣлъ въ искусствѣ убѣжище для человѣческаго духа отъ мучительнаго разъединенія съ самимъ собой. Служеніе искусству онъ понималъ, однако нѣсколько иначе чѣмъ Пушкинъ, который тоже искалъ въ искусствѣ спасенія отъ житейскихъ волненій. Если у Пушкина взглядъ на искусство былъ чисто-эстетическій, то у Гоголя онъ былъ нравственно-религіозный. Человѣкъ, думалъ Гоголь,

отъ пошлой современности долженъ „уходить внутрь себя“, долженъ „познать весь міръ внутри себя“, „сказнить міровой грѣхъ въ собственномъ сердцѣ“ — и тогда войти въ міръ какъ художникъ. Христіанское смиреніе являлось, такимъ образомъ, подготовительной стадіей къ художественному творчеству, и Гоголь вполнѣ соглашался съ Жуковскимъ, что поэзія должна воспитываться на христіанствѣ; но если у Жуковскаго это убѣжденіе было простымъ требованіемъ нравственной чистоты отъ поэта, то у Гоголя къ нему присоединился новый мистическій оттѣнокъ. Гоголь былъ убѣжденъ, что путемъ такого смиренія можно дойти до ясновидѣнія, до пророческой прозорливости. Такимъ образомъ, думая быть смиреннымъ христіаниномъ, онъ на дѣлѣ сталъ гордымъ мечтателемъ и искусство вмѣсто того, чтобы примирять его съ жизнью — его на каждомъ шагу съ ней ссорило.

Изъ мистически понятаго религіознаго смиренія вытекали, какъ слѣдствія, всѣ взгляды Гоголя на міръ, самого себя и родину. Въ этомъ мистическомъ чувствѣ коренились его ненависть ко всякому быстрому активному вмѣшательству въ вопросы жизни; его патріотизмъ, въ которомъ смиреніе передъ Богомъ и Провидѣніемъ вылилось въ гордыя и не мотивированныя пророчества о будущемъ величіи Россіи, внѣшнемъ и внутреннемъ; его оцѣнка крѣпостничества, вытекшая изъ неправильнаго понятія о власти, данной людямъ отъ Бога; наконецъ, отрицаніе всей своей прежней литературной дѣятельности какъ сатирика.

Сравнивая Лермонтова съ Гоголемъ, какъ два характера, какъ двѣ сильныхъ натуры, стремящихся къ одной цѣли — къ выработкѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія, надо признать, что неустановившаяся и противорѣчивая житейская философія Лермонтова заключала въ себѣ все-таки болѣе задатковъ жизни и дальнѣйшаго движенія впередъ, чѣмъ связное мистически-нравственное міропониманіе, въ которомъ религіозно-патріотическая утопія какимъ-то страннымъ образомъ

сочеталась съ отжившими предразсудками и устарѣвшимъ общественнымъ зломъ. Тревога духа Лермонтова былъ движеніемъ; философія Гоголя — застоемъ.

VIII.

Тридцатые годы были тревожнымъ періодомъ долгихъ душевныхъ волненій и для той части молодого поколѣнія, которое отдавало всѣ свои силы на выработку высшихъ философскихъ, эстетическихъ и этическихъ положеній. На нихъ эти молодые люди надѣялись построить цѣльное и связное міровоззрѣніе. Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ искренно и безкорыстно трудилась университетская молодежь надъ этой задачей.

На первый взглядъ такой успѣхъ отвлеченныхъ и трудноусвояемыхъ философскихъ системъ у насъ, въ Россіи, представляется мало понятнымъ явленіемъ. Русскій умъ до того времени не проявлялъ особой склонности къ чисто философскому мышленію, хотя на каѳедрахъ, академическихъ и университетскихъ, философская наука имѣла своихъ представителей. Но въ двадцатыхъ годахъ философія стала проникать въ литературу, а въ слѣдующее десятилѣтіе критика находилась уже всецѣло подъ ея вліяніемъ.

Такое быстрое и упорное увлеченіе чисто отвлеченными системами становится понятно, если принять во вниманіе, что, какъ на западѣ, такъ и у насъ эти системы однѣ могли успокоить романтически-настроенное сердце человѣка и дать полное самоудовлетвореніе человѣческому уму, который пытливо старался проникнуть во всѣ вопросы жизни и не удовлетворялся какимъ-нибудь частичнымъ ихъ рѣшеніемъ. Широкія, всеобъемлющія философскія системы отвѣчали, кромѣ того, и другой — еще болѣе настоятельной — потребности вѣка, а именно—его гуманному чувству.

Человѣкъ въ этихъ идеалистическихъ ученіяхъ разсматривался во всѣхъ проявленіяхъ его духа какъ существо мысля-

щее, чувствующее, вѣрующее, нравственно-свободное, гражданское, какъ соціальная единица и какъ единица въ природѣ. При такомъ широкомъ кругозорѣ прежнія рѣшенія мірового вопроса съ какой-нибудь исключительной одной точки зрѣнія стали немыслимы. Гуманный идеалъ, который легъ въ основаніе этихъ системъ, требовалъ, чтобы человѣкъ былъ свободенъ въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ духовныхъ потребностей, чтобы онъ не казнилъ въ себѣ одной стороны своего духа ради мнимаго совершенствованія другой, а жилъ и дѣйствовалъ всѣми своими способностями и склонностями, направляя ихъ къ двумъ высшимъ цѣлямъ — къ познанію истины и къ общему счастію и благу.

Этотъ гуманный выводъ, который могъ сдѣлать каждый человѣкъ изъ общей сущности философскихъ системъ, преимущественно нѣмецкихъ, объясняетъ тотъ повсемѣстный успѣхъ, какой онѣ имѣли, и въ Европѣ, и у насъ. Когда люди стали лицомъ къ лицу съ великой задачей — сдѣлать все человѣчество участникомъ и двигателемъ гуманнаго прогресса, когда отъ чисто раціоналистическихъ построеній общественнаго идеала и отъ поспѣшнаго осуществленія всѣхъ своихъ утопій они въ XIX вѣкѣ пожелали перейти къ частичному ихъ осуществленію на практикѣ — они необходимо должны были объединить отдѣльныя свои программы въ одномъ общемъ міровоззрѣніи, найти въ природѣ цѣль своего собственнаго существованія, а въ прошломъ своей жизни — подтвержденіе и оправданіе своимъ убѣжденіямъ, на которыя они, конечно, смотрѣли не какъ на минутный капризъ своего сердца, а какъ на постулатъ своего разума. Философскія системы Германіи были образцами такого связнаго единаго міросозерцанія. Философія Канта поставила ясныя границы познавательной способности человѣка и тѣмъ самымъ освободила людей отъ прежнихъ догматико-метафизическихъ точекъ зрѣнія, которыя искажали въ людяхъ правильность взглядовъ на міръ и человѣка и заставляли ихъ забывать „человѣка“ за массой отвлеченностей мнимаго

„высшаго“ порядка. Философія Фихте была самымъ рѣзкимъ провозглашеніемъ человѣческаго индивидуализма, апоѳеозомъ человѣческой личности, ея творческой силы, ея всемогущества, ея неподчиненности кому или чему бы то ни было. Натурфилософія Шеллинга пыталась связать человѣка самымъ тѣснымъ образомъ съ природой, а философія Гегеля — наиболѣе тогда популярная — давала человѣку отвѣты на всѣ вопросы и прошедшаго, и настоящаго и даже будущаго. Она въ одной общей системѣ объединяла всѣ явленія жизни, всѣ отрасли наукъ и искусствъ, и тотъ, кто съ ней освоился, кто овладѣлъ ею могъ отдать себѣ отчетъ въ любомъ изъ моментовъ жизни, какъ всего человѣчества, такъ и своей собственной.

Обладать этой истиной, открывающей человѣку глаза на его прошлое и настоящее, пріобрѣсти эту увѣренность въ силѣ своей личности и въ непогрѣшимости своего разума, значило доработаться до той степени душевнаго покоя, какой былъ необходимъ людямъ того тревожнаго времени, чтобы, не боясь разочарованій и сомнѣній, приняться за великое дѣло обновленія жизни во имя твердыхъ гуманныхъ идеаловъ.

Въ этомъ философскомъ обоснованіи жизни не обошлось, конечно, безъ крайностей. На людей духовно-слабыхъ, въ которыхъ мечта или сердечное настроеніе преобладали надъ разсудкомъ, которые не располагали достаточной силой характера, чтобы подвергнуть строгому анализу свои собственныя личныя симпатіи и антипатіи, на такихъ лицъ широкія философскія системы имѣли вліяніе совсѣмъ особое. Онѣ не только не сдѣлали этихъ людей участниками новаго зарождавшагося общественнаго движенія, а напротивъ того, заставили ихъ отвернуться отъ событій кипѣвшей вокругъ нихъ жизни.

Намъ нѣтъ необходимости излагать міросозерцаніе каждаго отдѣльнаго члена многочисленной русской философской семьи тридцатыхъ годовъ. Большинство нашихъ философовъ, и младшаго, и старшаго поколѣнія, не высказывалось въ пе-

чати опредѣленно и ясно; люди работали въ тиши кабинета надъ своимъ міровоззрѣніемъ, и русскому читателю съ этой домашней работой считаться почти-что не приходилось. Герценъ въ тридцатыхъ годахъ писалъ отрывочно и мало, также какъ и его „философскій другъ“, какъ и Аксаковъ, и Станкевичъ, и Бакунинъ. Кирѣевскій послѣ своей статьи „о девятнадцатомъ вѣкѣ“ замолчалъ совсѣмъ и надолго. Изъ всѣхъ „философовъ“ одинъ Бѣлинскій въ полномъ смыслѣ слова „боролся“ за свои философскія схемы.

Онъ одинъ былъ въ то время настоящимъ представителемъ философскихъ кружковъ, писателемъ, который имѣлъ на общество прямое вліяніе и входилъ въ русскую жизнь, дѣйствительно, „активной“ силой.

IX.

Литературная критика Бѣлинскаго была новой эрой въ исторіи русской мысли. Можно сказать, что Бѣлинскій первый помирилъ поэзію съ жизнью, т.-е. указалъ литературѣ на ея мѣсто среди другихъ факторовъ прогресса. Къ этому широкому взгляду на художественное творчество, взгляду, въ которомъ чисто эстетическіе принципы согласовались съ принципами нравственными и чувство художественности съ чувствомъ общественности, Бѣлинскій пришелъ не сразу. И ему пришлось пережить періодъ „романтизма“, мучительный періодъ неустановившихся взглядовъ на міръ, человѣка и искусство. По темпераменту своему Бѣлинскій былъ наиболѣе страстной натурой изъ всей тогдашней философствующей молодежи. Стоитъ прочитать его письма, чтобы увидать, какъ этотъ человѣкъ былъ чутокъ ко всему окружающему, какъ каждая новая мысль его интересовала, какъ малѣйшее сомнѣніе въ правотѣ своихъ взглядовъ и поступковъ тревожило и разъѣдало его душу.

Въ чуткости и воспріимчивости Бѣлинскій могъ поспорить съ Лермонтовымъ. А между тѣмъ, какая разная судьба была предназначена этимъ двумъ людямъ! И въ Бѣлинскомъ, и въ Лермонтовѣ жажда дѣятельности, желаніе вставить свое слово въ споры о людяхъ и о вселенной было главнымъ стимуломъ жизни; и тотъ и другой хотѣли „наставлять“ людей въ благородномъ смыслѣ слова, свершить что-то „великое“, вовсе не изъ тщеславія, а изъ глубокой потребности примѣнить къ жизни тотъ обильный запасъ энергіи и силъ, который они въ себѣ чувствовали. Бѣлинскому, дѣйствительно, удалось наложить свою печать на цѣлое поколѣніе, воспитать цѣлый рядъ писателей и помочь массѣ читателей привести въ ясность свои смутные и безотчетные взляды на художественное творчество и на многіе другіе вопросы жизни. Лермонтовъ никого никуда не направилъ, никому не облегчилъ трудной задачи примиренія съ жизнью, такъ какъ самъ ни въ одномъ вопросѣ не успѣлъ разобраться. Между тѣмъ его образованіе и средства къ пріобрѣтенію знаній ставили его въ положеніе болѣе выгодное, чѣмъ то, въ какомъ стоялъ Бѣлинскій.

Бѣлинскій былъ той идеалистической закваской, которая была безусловно необходима тревожному, энергичному, но неустановившемуся въ своихъ взглядахъ поколѣнію тридцатыхъ годовъ. Это поколѣніе чувствовало, что новыя времена наступали, понимало, что новая задача поставлена обществу, и что эта общественная задача обязываетъ людей посвятить ей всѣ свои мысли, если только они хотятъ сохранить за собой названіе людей культурныхъ. Сохранить и оправдать это имя гуманнаго человѣка можно было только при одномъ условіи — при высокомъ понятіи о человѣкѣ, какъ личности нравственной, разумной, призванной въ міръ для достиженія опредѣленной цѣли; личности, живущей общественною жизнью и въ силу своей природы обязанной жить такою же жизнью и впредь; личности, вѣчно стремящейся впередъ и потому необходимо борющейся, и среди обмановъ и разочарованій

не теряющей надежды на конечное торжество своихъ идеаловъ; наконецъ, личности свободной, т.-е. не приносящей ни одной изъ своихъ духовныхъ сторонъ въ жертву устарѣвшимъ авторитетамъ и укоренившимся предразсудкамъ. Такое высокое понятіе о личности человѣка имѣлъ Бѣлинскій, и онъ никогда не упускалъ случая напоминать читателю объ этомъ идеалѣ. Самъ Бѣлинскій дошелъ до этого понятія, конечно, не самостоятельно; оно въ немъ сложилось и окрѣпло главнымъ образомъ подъ давленіемъ его философской мысли, подъ вліяніемъ его знакомства, какъ съ умозрительными системами Германіи, такъ и съ общественными ученіями Франціи.

Такимъ образомъ, цѣлый періодъ европейской умственной жизни былъ охваченъ, усвоенъ и истолкованъ въ популярной формѣ русскому читателю. Бѣлинскій былъ этимъ истолкователемъ, и въ своихъ бесѣдахъ, и въ печати. Онъ — человѣкъ, располагавшій небольшими средствами къ образованію, поставленный въ самыя тяжелыя житейскія условія, подвелъ итогъ философско-критической мысли своихъ учителей, взялъ изъ ихъ ученія самое главное, самое гуманное и привилъ этотъ идеализмъ молодому подроставшему поколѣнію.

Бѣлинскій имѣлъ, какъ видимъ, громадное преимущество надъ всѣми неустановившимися натурами, и въ томъ числѣ и надъ Лермонтовымъ, именно въ силу своей убѣжденности, цѣльности своего міросозерцанія и способности быть его глашатаемъ и проводникомъ. Бѣлинскій отъ примиренія съ жизнью на почвѣ чисто отвлеченнаго идеала очень скоро перешелъ къ счетамъ съ ней на почвѣ активной борьбы за извѣстную сумму своихъ убѣжденій, и въ немъ мышленіе и дѣятельность гармонически сочетались. Лермонтовъ, самой природой предназначенный быть борцомъ, натура кипучая, не признававшая никакого покоя, ни пассивнаго, ни отвлеченнаго, никакъ не могъ достигнуть той степени устойчивости во взглядахъ, какая необходима, чтобы дѣятельность

человѣка не была ежеминутно парализована сомнѣніемъ и нерѣшительностью.

Итакъ, сравнивая одиноко стоящаго Лермонтова съ молодой фалангой философской молодежи его времени, нельзя не пожалѣть, что нашъ поэтъ такъ невнимательно отнесся къ цѣлому литературному кружку, съ которымъ изрѣдка сталкивался, но уроками котораго не воспользовался. Кто знаетъ, какую духовную помощь могли бы ему оказать такіе люди, какъ Бѣлинскій, которые выводили на ясную дорогу много молодыхъ силъ, запутавшихся въ противорѣчіяхъ жизни.

Поставленный рядомъ съ Бѣлинскимъ, Лермонтовъ, конечно, отступаетъ на задній планъ, и какъ общественная сила, и какъ личность. Его роль была ужe. Но не забудемъ, что самъ Бѣлинскій былъ кое чѣмъ обязанъ Лермонтову.

Въ жизни Бѣлинскаго былъ моментъ, когда его умственная дѣятельность, повышенная, интенсивная, грозила стать безплодной и даже вредной для того высокаго гуманнаго идеала, который онъ преслѣдовалъ какъ конечную цѣль всей своей жизни. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда Бѣлинскій, переходившій отъ Шеллинга и Фихте къ подробному ознакомленію съ Гегелемъ, въ разгарѣ своего увлеченія новымъ умственнымъ кругозоромъ, забылъ всѣ тревоги жизни за отвлеченностями и умственнымъ созерцательнымъ покоемъ. Онъ, въ ущербъ многимъ гуманнымъ сторонамъ своей природы, сталъ недовѣрчиво смотрѣть на всякую попытку людей нарушить установленную имъ произвольную гармонію между его разумомъ и окружавшей его дѣйствительностью. Этотъ періодъ философскаго квіэтизма, грозившій обратить гуманный идеализмъ Бѣлинскаго въ неподвижное, безучастное отношеніе къ жизни, прошелъ очень скоро, такъ какъ Бѣлинскій по природѣ своей былъ натурой активной и могъ мириться съ жизнью въ концѣ концовъ только на почвѣ борьбы, а никакъ не на почвѣ спокойнаго созерцанія.

Бѣлинскій самъ созналъ свою ошибку, и близкіе друзья помогли ему въ ея исправленіи. Но помимо споровъ съ друзьями ему оказала въ данномъ случаѣ не малую помощь и поэзія Лермонтова.

Бѣлинскій никогда не упускалъ изъ виду литературной дѣятельности Лермонтова. Она сначала тревожила его больше, чѣмъ восхищала. Онъ сталъ наслаждаться ею позднѣе, когда отказался отъ слишкомъ строгаго и произвольнаго преклоненія передъ чисто-отвлеченными схемами, когда, сдѣлавъ необходимую уступку современности, сталъ считать вмѣшательство въ событія жизни за нравственную обязанность каждаго мыслящаго человѣка. Въ періодъ своего крайняго увлеченія гегеліанствомъ Бѣлинскій не могъ оцѣнить поэзіи Лермонтова по достоинству и долженъ былъ отвергнуть ее, какъ отвергалъ поэзію Шиллера и французскихъ романтиковъ. Но Бѣлинскій, не соглашаясь съ людьми, всегда относился внимательно къ ихъ взглядамъ. Такъ внимательно отнесся онъ и къ Лермонтову въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда осуждалъ его тревожное, бурное настроеніе. Поэзія Лермонтова оказала въ свою очередь благотворное вліяніе на невозмутимо спокойный и оптимистическій образъ мыслей Бѣлинскаго. Въ ряду другихъ явленій русской жизни она напоминала ему своимъ тревожнымъ настроеніемъ о „законности“ такого настроенія въ жизни, о „разумности“ его и тѣмъ косвенно подорвала въ Бѣлинскомъ вѣру въ непогрѣшимость его философскаго квіэтизма.

Такимъ образомъ, уступая во многомъ Бѣлинскому, какъ общественному дѣятелю, Лермонтовъ оказалъ и ему извѣстную помощь, которую Бѣлинскій, конечно, окупилъ бы тройной цѣною, если бы Лермонтовъ пожелалъ или могъ съ нимъ сблизиться.

X.

Теперь, ознакомившись съ разными формами міропониманія и настроеній, которыя нашли себѣ выраженіе въ глав-

нѣйшихъ теченіяхъ русской литературы тридцатыхъ годовъ, намъ будетъ легко опредѣлить въ цѣломъ прогрессивное значеніе поэзіи Лермонтова для современнаго ему общества.

Первое, что̀ мы должны отмѣтить, говоря о тридцатыхъ годахъ русской жизни, это — разнообразіе и противорѣчивость во вкусахъ и взглядахъ нашего интеллигентнаго общества. Сравнивая тридцатые годы съ двадцатыми и затѣмъ съ сороковыми, мы замѣчаемъ, что они въ полномъ смыслѣ слова — эпоха переходная, не имѣющая какого-либо господствующаго „направленія“ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ. Сентиментально-оптимистическое міровоззрѣніе двадцатыхъ годовъ и философски-увѣренное гуманное сороковыхъ были „устойчивыми“ теченіями мысли, охватившими въ названные годы широкіе круги общества. Въ тридцатыхъ годахъ мы такой устойчивости не встрѣчаемъ.

Передъ нами отдѣльные, очень замкнутые кружки, иногда отдѣльныя личности, каждая со своими собственными взглядами и вкусами, въ большинствѣ случаевъ неустановившимися. Все показываетъ намъ, что какъ мысли, такъ и чувства находятся пока еще въ броженіи, что старые идеалы, какими жило общество, перестали соотвѣтствовать его новымъ потребностямъ, а эти новыя потребности еще недостаточно ясны, чтобы воспитать въ обществѣ новые опредѣленные идеалы. Въ настроеніи много „романтизма“, т.-е. недовольства настоящимъ своимъ состояніемъ и много туманныхъ мечтаній и предвкушеній. Стремленіе выбраться изъ этого тревожнаго и малоотраднаго настроенія сказывается очень ясно во всѣхъ передовыхъ людяхъ. Старики-сентименталисты, чувствуя неприложимость своего прежняго міровоззрѣнія къ новому времени, либо со старческимъ упорствомъ отстаиваютъ свои старые взгляды и вкусы, либо совсѣмъ перестаютъ думать о настоящемъ, готовясь къ достойной жизни „тамъ“; люди помо̀ложе пытаются найти новую формулу житейской мудрости, которая осмыслила бы ихъ существованіе и указала бы имъ новую дорогу, но они либо

отдѣляютъ поэтическое творчество отъ работы житейской, какъ Пушкинъ, либо въ корнѣ подрываютъ свою собственную творческую силу, какъ Гоголь, либо, наконецъ, отдаются пассивной грусти. Есть и такіе, которые, какъ, напримѣръ, Чаадаевъ, со злобнымъ скептицизмомъ смотря на настоящее и прошедшее, мечтаютъ все-таки о великомъ будущемъ, но молчатъ. Сильнѣе всѣхъ суетится молодежь, не имѣющая никакихъ предразсудковъ, никакихъ старыхъ убѣжденій, но зато и не имѣющая установившихся новыхъ.

Эта молодежь жадно набрасывается на всѣ мысли, въ которыхъ подмѣчаетъ для себя что-либо новое, присматривается къ событіямъ европейскимъ и прислушивается къ иноземнымъ рѣчамъ; она пытается усвоить смыслъ этихъ рѣчей, но въ большинствѣ случаевъ ловитъ ихъ на-лету и не имѣетъ ни подготовки, ни времени овладѣть полностью всѣмъ ихъ смысломъ.

Въ жизни каждаго народа были такія эпохи броженія. Онѣ необходимы въ исторіи человѣческаго прогресса, такъ какъ онѣ отражаютъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ общественнаго движенія—моментъ самокритики, моментъ недовольства обветшавшими принципами жизни и моментъ энергическаго исканія принциповъ новыхъ. При каждомъ неминуемомъ столкновеніи старшихъ поколѣній съ младшими такія тревожныя, полныя сомнѣній эпохи будутъ всегда повторяться съ легкими измѣненіями. Онѣ — показатели успѣховъ, какіе въ человѣчествѣ дѣлаетъ чувство общественности въ широкомъ смыслѣ слова, чувство справедливости, которое жертвуетъ своимъ личнымъ покоемъ и счастіемъ ради достиженія все болѣе и болѣе широкаго идеала общаго блага и общей свободы.

Наше интеллигентное общество всегда слѣдило очень внимательно за тѣмъ, что̀ дѣлалось и говорилось на западѣ. Въ этой постоянной погонѣ за чужой наукой и чужой цивилизаціей мы естественно не могли идти вровень съ учителями.

Но сознаніе назрѣвшихъ новыхъ общественныхъ потребностей заставило многихъ поспѣшно приняться за ознакомленіе съ послѣдними выводами западной науки и искусства— и чуткіе умы погнались за всякой зарождавшейся на западѣ новой мыслью; изъ боязни отстать, они иногда слишкомъ торопились.

Молодое поколѣніе опрометью пустилось на розыски новой истины и послѣднихъ выводовъ западной науки и жизни, и такъ какъ эти выводы были полны пестроты и противорѣчій, то повтореніе ихъ у насъ естественно вышло еще болѣе пестро и еще болѣе противорѣчиво. Желаніе стать какъ можно ближе къ общечеловѣческой работѣ надъ міровыми вопросами побуждало насъ спѣшить безъ оглядки.

Одно обстоятельство усилило и поддержало въ нашемъ обществѣ этотъ разбродъ, это броженіе въ мысляхъ и чувствахъ.

Власть, какъ извѣстно, очень ревниво слѣдила тогда за малѣйшимъ проявленіемъ самостоятельной мысли. Въ тревогѣ молодого ума и сердца она хотѣла видѣть совсѣмъ не то, что было на самомъ дѣлѣ, и преувеличенныя опасенія и вызванныя ими мѣропріятія, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, только усилили въ людяхъ тревожное состояніе духа. Общество не имѣло возможности подвергнуть новые вопросы открытому обсужденію, и тѣмъ самымъ была устранена для него возможность согласить противорѣчія и ускорить обмѣнъ мыслей. Люди не договаривали своихъ словъ, маскировали ихъ и тѣмъ затрудняли ихъ обращеніе. Помимо того, что выработка міровоззрѣнія на новыхъ началахъ была сама по себѣ дѣломъ очень труднымъ, изнурительной работой для ума и сердца, она, эта выработка, страдала очень отъ отсутствія возможности свободнаго обсужденія.

Поэзія Лермонтова была самымъ яркимъ отраженіемъ этого тревожнаго времени въ нашей жизни и она съ особенной силой выразила этотъ переходный моментъ въ развитіи нашего общественнаго самосознанія. Недовольство старымъ,

сознаніе грѣховъ современныхъ, искреннее, но туманное стремленіе къ лучшему будущему, растерянность передъ массой противорѣчивыхъ взглядовъ, непоколебимая увѣренность въ необходимости найти исходъ изъ этихъ противорѣчій, сознаніе своей слабости передъ этой высокой задачей, часто повторяющійся упадокъ духа и, наконецъ, гнѣвъ на внѣшнія условія, стѣснявшія и безъ того „плѣнную“ мысль— вотъ циклъ идей и чувствъ, какими жило молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ и которыя наглядно отразились въ поэзіи Лермонтова. Эта солидарность Лермонтова съ современнымъ ему поколѣніемъ придала его творчеству особую прогрессивную силу.

XI.

Лермонтовъ, стоя одиноко какъ личность, стоялъ вовсе не одиноко какъ выразитель извѣстнаго общественнаго настроенія.

Молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, идя по различнымъ дорогамъ къ одной цѣли — къ выработкѣ приложимыхъ къ жизни идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь, проходило на этомъ пути черезъ одну общую всѣмъ полосу настроенія, которая всего рельефнѣе и художественнѣе отразилось въ поэзіи Лермонтова. Конечно, эта молодежь не подражала Лермонтову и не находилась подъ его вліяніемъ, а только соглашалась съ нимъ и совпадала съ нимъ въ настроеніи, которое и у Лермонтова, и у его сверстниковъ вытекало изъ однихъ и тѣхъ же условій личной и общественной жизни, изъ наблюденія надъ одними и тѣми же событіями дня, а также изъ одного книжнаго источника.

Однако, никто изъ писателей тѣхъ годовъ не останавливался такъ долго на этой переходной ступени развитія, какъ Лермонтовъ. Большинство, худо ли, хорошо ли, но отдѣлалось отъ этого мучительнаго состоянія духа; одинъ Лермонтовъ продолжалъ пребывать въ немъ, и смерть невзначай оборвала его думы.

По волѣ случая поэзія Лермонтова осталась, такимъ образомъ, вѣрна себѣ за весь недолгій срокъ своего развитія. Поэтъ умеръ на порогѣ новой жизни, гдѣ, быть можетъ, его ожидалъ и сердечный покой, и примиренное настроеніе духа, и свѣтлое міросозерцаніе, но гдѣ онъ пересталъ бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ навсегда для насъ остался— писателемъ, исключительно, вѣрно и глубоко отразившимъ въ своей поэзіи бурный и вопрошающій моментъ въ исторіи нашего самосознанія.

Часть той міровой мятежной, вѣчно голодной души, стремящейся въ мечтахъ къ великому идеалу, вѣчно готовой бороться за него въ жизни, души очень „совѣстливой", хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень гордой, которая жила въ Шиллерѣ, молодомъ Гёте, Байронѣ и французскихъ романтикахъ тѣхъ годовъ, нашла для себя свое русское воплощеніе въ сердцѣ Лермонтова. Лермонтовъ былъ достоенъ вмѣстить въ себѣ эту безпокойную, безсмертную душу, которая въ человѣкѣ — главный рычагъ его дѣятельности, первое побужденіе къ движенію впередъ, грозный голосъ совѣсти, неусыпно ему твердящій, что минута душевнаго покоя дана человѣку лишь для того, чтобы ободрить его на дальнѣйшую тревогу ради личнаго блага и блага его ближнихъ.

Поэзія Лермонтова, въ которой всѣ основные моменты этого боренія духа нашли яркое и правдивое выраженіе, была такимъ образомъ, безспорно настоящей „прогрессивной" силой въ русскомъ обществѣ. Она *отвергала всякій самодовольный покой духа, не позволяла людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ, толкала ихъ впередъ, учила строгому суду надъ самимъ собою, и была въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ неустаннаго „стремленія"*, т.-е. призывнымъ, хоть и грозно-печальнымъ голосомъ, раздававшимся тогда среди, въ большинствѣ случаевъ, инертной и слабовольной массы.

Это отрицаніе душевнаго покоя во имя творческой тревоги и постояннаго самонаблюденія и есть тотъ общечеловѣ-

ческій элементъ, который, помимо художественнаго, навсегда спасаетъ поэзію Лермонтова отъ забвенія.

Но отрицать покой не значитъ еще указать путь, по которому человѣкъ долженъ двигаться.

Настоящая роль вождя не можетъ ограничиться однимъ призывомъ къ работѣ; она должна намѣтить направленіе и по нему вести людей за собою. Вождемъ Лермонтовъ никогда не былъ; онъ не былъ проповѣдникомъ установленныхъ истинъ, а лишь — отрицателемъ безвѣрія, идеалистомъ разочарованнымъ и ищущимъ убѣжденій; онъ былъ не — сѣятелемъ новаго ученія, а жесткимъ орудіемъ, подготовлявшимъ ниву для посѣва.

Современная Лермонтову лирика.

I.

При всемъ томъ своеобразномъ положеніи, какое занимаетъ творчество Лермонтова въ ряду современныхъ ему литературныхъ направленій—оно, какъ мы видѣли, по своему основному тревожному настроенію не стоитъ одиноко. Общій смыслъ эпохи тридцатыхъ годовъ, эпохи умственныхъ и нравственныхъ бореній и исканій — находится въ полномъ согласіи съ основнымъ фономъ поэзіи Лермонтова — поэзіи, разссорившейся съ жизнью и ищущей соглашенія съ ней на новыхъ идейныхъ и этическихъ началахъ.

Многіе крупные умы и сильные характеры того времени переживали, какъ мы только что видѣли, ту же тревогу духа, которая такъ мучила Лермонтова. Люди старшаго поколѣнія чувствовали себя неловко въ новыхъ условіяхъ, романтически настроенныя души были взволнованы и мятежны и не могли разогнать тумана, который облегалъ ихъ; люди, способные въ оцѣнкѣ жизни держаться трезваго, критическаго взгляда, реалисты по натурѣ, съ большимъ трудомъ и при большихъ душевныхъ мукахъ вырабатывали въ себѣ эту способность смотрѣть жизни прямо въ глаза и рисовать ее безъ прикрасъ; наконецъ, люди съ тяготѣніемъ къ философской отвлеченной мысли—и тѣ прошли черезъ испытаніе

растерянной мысли и неудовлетворенныхъ порывовъ сердца, прежде чѣмъ философскій ключъ ко всѣмъ тайнамъ бытія очутился въ ихъ рукахъ—какъ имъ это показалось.

Вся такая тревога настроенія и мысли нашла себѣ выраженіе во всѣхъ формахъ словеснаго творчества,—въ романѣ, въ повѣсти, на сценѣ, въ статьяхъ историковъ, критиковъ и публицистовъ.

И только въ лирической пѣснѣ эта характерная черта времени была представлена очень слабо.

Лирика Лермонтова составляла въ данномъ случаѣ полное исключеніе и одна говорила о томъ, какъ глубоко волненіе и тревога могутъ захватить душу человѣка и съ какой силой такая встревоженная душа можетъ высказаться въ пѣснѣ.

Нужно замѣтить, прежде всего, что вообще изъ всѣхъ формъ художественнаго творчества наша интимная, лирическая пѣсня всегда упорнѣе другихъ противилась вторженію тревожныхъ чувствъ въ свою область. Даже въ тѣ годы, когда муза „мести, гнѣва и печали“ стала громко заявлять о своихъ правахъ и, одержавъ съ Некрасовымъ свою первую побѣду, могла надѣяться на долгое торжество—даже въ эти времена, не только личной, но всеобщей тревоги, наша лирика въ лицѣ наиболѣе сильныхъ поэтовъ оставалась спокойной въ своемъ настроеніи.

Съ первыхъ годовъ своего зарожденія въ началѣ XIX вѣка, за сто лѣтъ своей жизни, эта лирическая пѣсня всегда предпочитала задумчивость, грусть, размышленіе, созерцаніе, восторгъ или спокойное наблюденіе всѣмъ бурнымъ порывамъ сердца. Эти бурные порывы чувствъ бывали для нея большой неожиданностью. Только въ самое послѣднее время, на нашихъ глазахъ, лирика обнаружила особую душевную тревогу и нервность. Въ былые годы она была тѣмъ художественнѣе, чѣмъ спокойнѣе.

Съ творчествомъ самаго „безпокойнаго“ изъ нашихъ лириковъ мы теперь достаточно знакомы. Для Лермонтова тревожное состояніе духа не было какимъ-нибудь преходящимъ

фазисомъ его поэтическаго развитія, оно было всю его жизнь родникомъ его вдохновенія. Правда, эта жизнь оборвалась очень рано и въ дальнѣйшемъ обѣщала перемѣну въ настроеніи, но приходится считаться съ тѣмъ, что есть, а не съ тѣмъ, что возможно.

Взятая въ томъ видѣ, въ какомъ намъ судьба ее сохранила, поэзія Лермонтова совсѣмъ особое исключительное явленіе. Въ лирическомъ настроеніи старшаго поколѣнія нѣтъ почти ничего, что предвѣщало бы столь быстрый и пышный расцвѣтъ такой тревожной поэзіи. Въ пѣсняхъ сверстниковъ также очень мало на нее откликовъ.

II.

Мы знаемъ какъ спокойна и полна самообладанія была лирическая пѣсня старшаго поколѣнія въ устахъ Жуковскаго и Пушкина.

Ихъ сверстники, эти сердечные и откровенные пѣвцы своего веселья, своей любви и своей печали тревожными душами также никогда не были. Чье міропониманіе было попроще, какъ, напр. житейская философія Дельвига и Языкова — тѣ нѣжились въ тихой грусти или упивались нехитрой радостью молодости. Другіе съ болѣе глубокимъ умомъ и сложной душой, какъ, напр., Баратынскій, Веневитиновъ и Хомяковъ — тѣ подъ ударами жизни стремились сохранить самообладаніе, углубляя свой философскій взглядъ на жизнь или преломляя всѣ явленія жизни сквозь призму чисто эстетическаго созерцанія. Они могли быть печальны и разочарованы, могли въ своей грусти подыматься до высокихъ степеней пессимизма, но растеряны они никогда не были и всякая душевная мука легко разрѣшалась для нихъ либо въ паѳосъ, либо въ спокойную скорбную мысль. Среди сверстниковъ Пушкина были и такіе, которые въ силу своего тяготѣнія къ политикѣ дня были осуждены, казалось, на ежедневное волненіе. Но если присмотрѣться къ стихамъ, въ которыхъ изливалась ихъ

бурная душа, то въ этой лирикѣ Рылѣева, А. И. Одоевскаго и Кюхельбекера мы найдемъ большой подъемъ патріотическаго и общественнаго чувства, гнѣвъ и скорбь, со всѣми ихъ оттѣнками, но совсѣмъ не найдемъ раздвоенности, разочарованія и той ничѣмъ не усмиряемой тревоги, которая такъ характерна для человѣка безъ яснаго идейнаго или практическаго компаса. Кромѣ того, всѣ эти сангвиническіе темпераменты во всѣ минуты сомнѣній замыкались въ сферу интимнаго религіознаго чувства, которое было очень сильно въ ихъ сердцѣ и только усилялось подъ ударами житейскихъ невзгодъ.

Не всѣ изъ этихъ лириковъ старшаго поколѣнія дожили до тѣхъ годовъ, когда расцвѣла поэзія Лермонтова и когда въ интеллигентномъ обществѣ стала ощущаться та затаенная идейная и сердечная тревога, о которой мы говорили. Конечно, эта тревога должна была такъ или иначе отозваться на ихъ творчествѣ.

Въ Баратынскомъ меланхолія была врожденной склонностью сердца и не нашла отпора въ жизни. Жизнь, напротивъ того, развивала ее, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ его лира не имѣла уже другихъ пѣсенъ, кромѣ унылыхъ и скорбныхъ. Къ концу его жизни къ этой врожденной меланхоліи присоединилось еще одно новое чувство, которое можно подмѣтить во всѣхъ его послѣднихъ стихотвореніяхъ. Это чувство было—тягостное сознаніе своего одиночества среди кипѣвшей вокругъ него новой жизни. Въ молодости, когда стихи Баратынскаго охотно читались и находили себѣ поддержку и похвалу въ литературныхъ кружкахъ, его меланхолическая лира была для него святымъ символомъ красоты, успокаивала его, утѣшала и ободряла. Теперь онъ сознавалъ ясно, что его поэзія какъ будто потеряла свой смыслъ и цѣну. Онъ нерѣдко жаловался, что его поэтическое творчество слабѣетъ, что его поэтическій жаръ остываетъ, что его не понимаютъ, и что не понимаетъ его не „безумная толпа“, а молодое подростающее поко-

лѣніе. Ему было не ясно, чего это молодое поколѣніе отъ него требовало. Но еслибы онъ даже и понялъ это требованіе, онъ все-таки былъ бы не въ силахъ отвѣтить на него. Баратынскій боялся всякаго „отрезвленія“, которое могло разрушить его поэтическія иллюзіи, его поэтическое міровоззрѣніе, покоющееся на житейскомъ опытѣ прошлаго и уже неспособное воспринять новые элементы. Онъ началъ непріязненно смотрѣть на развитіе науки, которая будто бы упраздняла поэтическіе обманы. Молодое поколѣніе, жившее въ то время въ круговоротѣ новыхъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, естественно не могло любить этого поэта, въ стихахъ котораго, однако, было столько граціи, гуманнаго чувства и ума.

Тѣ же жалобы на одиночество, та же грусть и печаль, тотъ же душевный разладъ сказались и въ пѣсняхъ Языкова, этого Вакха русской поэзіи. Въ молодости Языковъ славился своей разгульной жизнью и своими удалыми стихами; и вотъ, къ концу тридцатыхъ годовъ, этотъ весельчакъ, остроумецъ и жрецъ Киприды и Діониса, началъ превращаться въ святошу и ноющаго славянофила.

Языковъ, какъ и вся пушкинская плеяда, былъ очень высокаго мнѣнія о поэзіи. Она была для него божествомъ и другихъ боговъ въ своемъ храмѣ не терпѣла. Служеніе этому богу было высшимъ призваніемъ на землѣ, и его жрецъ стоялъ выше всѣхъ житейскихъ мелочей, почему и могъ вести себя такъ вольно и разнузданно, какъ ни одинъ изъ простыхъ смертныхъ. Языковъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ въ осуществленіи этой „поэтической“ свободы; онъ разгульничалъ и въ жизни, и въ стихахъ. Если часто не было никакой выдержки въ его жизни, то и въ стихахъ его иногда было трудно добраться до какой-либо мысли. Языковъ былъ воплощеніемъ лирическаго безпорядка.

Къ концу своей жизни поэтъ, однако, почувствовалъ пустоту и безцѣльность такой поэзіи. Его душа начинала тяготиться бездѣльемъ и онъ въ перепискѣ съ друзьями, въ

особенности съ Гоголемъ, сталъ часто жаловаться на то, что никакъ не можетъ найти себѣ подходящаго дѣла. Въ его стихахъ начинала громко звучать та же жалоба. Обѣщаніе остепениться, взяться за работу, намѣреніе совершить какое-то великое дѣло — вотъ темы, съ которыми мы всего чаще встрѣчаемся въ его послѣднихъ стихотвореніяхъ. Всѣ эти добрыя намѣренія кончились, однако, тѣмъ, что поэтъ, связанный узами родства съ славянофильскимъ кружкомъ, примкнулъ къ его взглядамъ и вмѣсто веселыхъ пѣсенъ сталъ пѣть покаянные псалмы и славословить величіе и великое призваніе своей родины. Въ покаяніи и славянофильствѣ для Языкова открылся новый міръ, въ которомъ онъ могъ найти для своей поэзіи и мѣсто, и дѣло. Покаяніе было для него дѣломъ личнымъ, а патріотическое славословіе — дѣломъ общественнымъ. Удовлетворяло ли Языкова вполнѣ это новое направленіе его творчества — неизвѣстно: поэтъ ясно не высказывался; но можно съ увѣренностью сказать, что вкусамъ молодого поколѣнія тридцатыхъ годовъ стихи Языкова совершенно не удовлетворяли. Языкова-Вакха иногда еще вспоминали, но Языкова-кающагося грѣшника не слушали. У новаго поколѣнія, дѣйствительно, грѣховъ было еще слишкомъ мало, чтобы начать каяться, а вопросъ о патріотизмѣ интересовалъ его не съ лирической, а съ исторической и философской стороны.

Во всѣхъ этихъ откликахъ старшаго поколѣнія на запросъ новой исторической минуты — никакой тревоги не ощущалось. Передъ нами старики, которые грустятъ о томъ, что жизнь ихъ оставила за флагомъ и что на долю ихъ выпали похороны старыхъ идеаловъ. Волненіе, которое ведетъ къ чему-нибудь новому — въ ихъ скорбной пѣснѣ незамѣтно. Но Баратынскій и Языковъ всетаки чувствовали себя какъ-то неловко въ новой обстановкѣ.

А были среди поэтовъ старшаго поколѣнія и такіе, которые совсѣмъ не замѣтили перемѣны въ общественномъ настроеніи. Не мѣнялъ своего тона, напр., И. И. Козловъ —

поэтъ, въ старину очень цѣнимый. Онъ принадлежалъ къ школѣ Пушкина и одно время можно было думать, что въ немъ наша литература пріобрѣтетъ хорошаго байрониста: по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ переводовъ и переложеній Байрона на русскій языкъ переводы Козлова были въ тѣ годы наилучшими, какъ и его „Чернецъ“ [1823] былъ наиболѣе удачной русской перелицовкой байроническаго мотива. Но Козловъ этой роли „пѣвца душевныхъ бурь“ не выдержалъ, потому что она не соотвѣтствовала, ни складу его мысли, ни его темпераменту. Человѣкъ чрезвычайно нѣжный по своему характеру, глубокій христіанинъ, ищущій въ поэзіи исцѣленія отъ душевныхъ и физическихъ недуговъ [поэтъ ослѣпъ — какъ извѣстно], добрый семьянинъ, онъ въ своей миролюбивой душѣ хранилъ благодать покоя, смиренія и вѣры, до самой своей смерти [1840]. Его пѣсни, идилліи, элегіи и посланія оставались неизмѣнно художественными образцами стараго сентиментально-религіознаго стиля. Старикъ любилъ иногда романтическую грезу, но давно забылъ о романтическихъ тревогахъ своей юности, и тогда, когда Лермонтовъ сталъ намъ напоминать о Байронѣ, Козловъ, нѣкогда нашъ самый убѣжденный байронистъ—давалъ намъ примѣръ спокойнаго примиренія съ жизнью на почвѣ созерцанія Бога и культа красоты.

Въ тѣ годы, когда Лермонтовъ допѣвалъ свои послѣднія пѣсни, Ѳ. И. Тютчевъ былъ хоть и мало извѣстнымъ, но уже вполнѣ сложившимся и большимъ художникомъ. Пушкинъ первый призналъ его таковымъ, напечатавъ въ своемъ журналѣ сразу цѣлый сборникъ его стихотвореній. Молодой годами Тютчевъ былъ очень зрѣлъ духомъ и уравновѣшенно спокоенъ какъ художникъ и мыслитель. Онъ былъ лирикъ, но совсѣмъ особаго типа: пѣвецъ философской мысли, уходящей своими корнями въ большую отвлеченную глубину, но мысли оживленной пантеистическимъ чувствомъ исключительной живости и яркости.

Пѣвецъ скорѣе жизни космической въ ея цѣломъ, чѣмъ

судебъ человѣческихъ, Тютчевъ, какъ художникъ, былъ заранѣе огражденъ отъ всѣхъ тѣхъ бурь и волненій, которыя берутъ свое начало въ страстяхъ человѣка. Очень религіозный въ христіанскомъ смыслѣ человѣкъ, патріотъ съ непоколебимой вѣрой въ особую провиденціальную роль Россіи, человѣкъ методично свершающій свой земной путь при условіяхъ очень благопріятныхъ, онъ зналъ только одну бурю—бурю мыслей, которыхъ у него было такъ много; но онъ чрезвычайно умѣло приводилъ ихъ къ конечному согласію и это согласіе выражалъ въ формѣ вѣчно красиваго образа. Въ его поэзіи были всѣ цѣнныя качества мудрости, вытекающей изъ самыхъ широкихъ обобщеній. Тютчевъ, какъ художникъ, больше всѣхъ напоминалъ Пушкина зрѣлыхъ лѣтъ и этому „пушкинскому“ элементу въ нашей поэзіи онъ остался навсегда вѣренъ.

Если причислить и его къ старикамъ,—а онъ примыкаетъ несомнѣнно къ нимъ по общему складу своего поэтическаго міросозерцанія,—то можно съ увѣренностью сказать, что лирическая пѣсня старшаго поколѣнія была въ цѣломъ совсѣмъ чужда душевной тревогѣ.

III.

Среди молодыхъ лириковъ тѣхъ годовъ были, конечно, такіе, которые никакъ не могли установить въ своей душѣ этотъ желанный—грустный, скорбный, благодушный или жизнерадостный—покой. Ихъ пѣсня была достаточно безпокойна и указывала на несомнѣнную тревогу духа. Они близко подходили къ той сферѣ чувствъ и настроеній, въ которой неизмѣнно вращался Лермонтовъ. Но, какъ сейчасъ увидимъ, тревога сердца этихъ лириковъ была неопредѣленна и туманна; и вытекала она, кромѣ того, изъ условій интимной личной жизни писателей, почему и охватывала очень узкій кругъ вопросовъ. Въ пѣсняхъ этихъ лириковъ нѣтъ того волненія высшаго порядка, какое испы-

тываетъ человѣкъ при встрѣчѣ съ трудными этическими вопросами своего земного существованія.

Тревожной по существу можетъ быть названа пѣсня А. И. Подолинскаго, поэта, который въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ уже не молодъ и пользовался нѣкоторой извѣстностью, какъ авторъ поэмъ [„Дивъ и Пери“, „Борскій“, „Нищій“] въ хорошемъ байроническомъ стилѣ. Онъ вмѣстѣ съ Козловымъ былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ рьяныхъ поклонниковъ Байрона, и сохранилъ это увлеченіе надолго. Какъ всѣ наши байронисты, онъ конечно улавливалъ болѣе или менѣе удачно внѣшній колоритъ оригинала, но въ глубины міросозерцанія Байрона не проникалъ, да и не могъ проникнуть. Версификаторъ онъ былъ недурной, и романтическія народныя легенды и разные драматическіе эпизоды изъ всемірной исторіи получали въ его передѣлкѣ извѣстную внѣшнюю красоту и граціозность. Какъ лирикъ и преимущественно какъ пѣвецъ своей душевной тревоги и печали онъ былъ однако крайне туманенъ. Когда послѣ стихотвореній восторженныхъ и даже радостныхъ [ихъ очень мало, но по художественному выполненію они—лучшіе] читатель встрѣчался съ длинной вереницей ноющихъ и печальныхъ стиховъ, въ которыхъ поэтъ давалъ волю своему душевному волненію, то источникъ такой тревоги никакъ не могъ быть уловленъ. Поэтъ хотѣлъ себѣ выяснить соотношеніе между жизнью и поэзіей [„Поэзія и жизнь“], но онъ не смогъ объяснить, почему „коршунъ Прометея разрываетъ ему сердце“. Неясно было, почему „владыкѣ-поэту было тяжело носить алмазный обручъ діадимы“, почему на немъ „горѣлъ незримый оку вѣнецъ въ лучахъ и терніяхъ“, почему его душа была всегда „полна вѣчнаго волненія“ [„Стансы“]. Трудно было также повѣрить поэту, когда онъ говорилъ, что онъ „осужденъ жить душой между небомъ и землей, что земля его отторгла, а рай его чуждается“ [„Отчужденный“]—трудно повѣрить потому, что рѣшительно ничего неизвѣстно объ его попыткахъ сблизиться съ землей или при-

близиться къ небу. Кто онъ, этотъ „не демонъ-соблазнитель, но человѣкъ, исчадіе собственной души“? почему „въ природѣ всей онъ уединенъ душою и бросаетъ холодный взглядъ на небеса, волны и цвѣты?“ [„Дума“]. На эти вопросы самъ поэтъ не могъ отвѣтить.

Онъ часто повторялъ, что онъ „пришелъ въ тѣсный міръ, придуманный людьми“, что онъ „каждый день ослабѣвалъ въ неволѣ“, что онъ „хотѣлъ кипящей чашей подѣлиться съ людьми и опьянѣлъ холоднымъ тяжкимъ хмелемъ суетъ, страстей, расчетовъ, предразсудковъ“, что онъ „боится увлечься восторгомъ, чтобы послѣ не посмѣяться надъ собой холоднымъ, горькимъ, одинокимъ смѣхомъ“ [„Переѣздъ чрезъ Яйлу“]. Всѣ эти слова и позы намъ хорошо знакомы и они, на западѣ и у насъ, имѣли свой смыслъ, и даже глубокій, если за ними стояли титаническіе порывы чувства или такія же усилія мысли. Но Подолинскій не грѣшилъ никакимъ титанизмомъ духа, и его поэзія передавала лишь то безотчетное ощущеніе внутренней тревоги, которую испытывали сентиментальныя сердца и не сильные умы, подпавшіе подъ ударъ волны романтическаго настроенія, шедшей съ запада. Людей, съ такимъ складомъ души было не мало, и Подолинскій былъ среди нихъ искуснымъ стихотворцемъ. Но такая, скорѣе легкая зыбь, чѣмъ волненіе сердца имѣла очень мало общаго съ той глубокой тревогой всего нравственнаго состава человѣка, какой была охвачена душа Лермонтова.

Если была среди лириковъ того времени родственная Лермонтову душа—такъ это былъ А. И. Полежаевъ. Условія жизни не позволили Полежаеву проявить своего таланта во всей его силѣ, но онъ безспорно пѣвецъ новаго поколѣнія и новаго направленія. Лермонтова роднило съ Полежаевымъ всего болѣе тревожное раздумье надъ святымъ призваніемъ ихъ творческой дѣятельности. Оба они одинаково сознавали, что ихъ „даръ“ былъ не напрасный и не случайный; они сознавали также, что все, что̀ они успѣвали создавать, не отвѣчало и не соотвѣтствовало ихъ высо-

кимъ понятіямъ о поэтѣ; неусыпная совѣсть упрекала ихъ въ напрасной тратѣ времени и таланта. Тревожное состояніе духа, непримиреннаго съ жизнью и отрицаніе всякаго произвольнаго и односторонняго соглашенія,—вотъ что̀ дѣлаетъ Полежаева похожимъ на Лермонтова, но на этомъ сходство ихъ и кончается.

Отличительная черта лирики Полежаева — ея тѣснѣйшая зависимость отъ личныхъ условій его жизни. Въ ранніе годы, спокойные и безоблачные, поэтъ былъ чрезвычайно мирно настроенъ и съ голоса Ламартина пѣлъ свои сентиментально-религіозныя пѣсни. Онъ потомъ увлекся Байрономъ, какъ и все его поколѣніе, но это увлеченіе было скорѣе артистическое, чѣмъ идейное. Тревоги и разлада души Полежаевъ всегда боялся. Глубоко скорбѣлъ онъ, когда ему вдругъ показалось, что онъ утратилъ вѣру и сталъ атеистомъ [„Ожесточенный“], и въ минуту страшной печали, въ своемъ лучшемъ, наиболѣе красивомъ и сильномъ стихотвореніи [„Провидѣніе“], восторженно привѣтствовалъ онъ возвращеніе вѣры и вмѣстѣ съ ней огня любви:

Я погибалъ...
Мой злобный геній
Торжествовалъ!..
. . . . . .
Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ;
Рукою сильной
Остовъ могильный
Вдругъ оживилъ;
И Каинъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ
Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви;
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной.
Гори-жъ, сіяй
Заря святая,
И догорай
Не померкая!

Потребность огня любви Полежаевъ всегда чувствовалъ; и въ крайнемъ раздраженіи одинъ только разъ дошелъ онъ

до открытой, жесткой, полной озлобленія брани на человѣчество [„Негодованіе“]*). Благодушенъ Полежаевъ впрочемъ не былъ и въ его стихахъ было не мало сатирической злости, по тому времени даже очень смѣлой, но именно эта сатира лучше, чѣмъ что либо говоритъ о бодрости этой души, истерзанной самыми невѣроятными несчастіями. И вотъ эти-то житейскія несчастія и были источникомъ той печали и той душевной растерянности, которой такъ много въ стихахъ Полежаева. Онъ жилъ, какъ онъ самъ мѣтко выразился, „во цвѣтѣ лѣтъ — безъ жизни, и безъ смерти умеръ въ бѣломъ свѣтѣ“. „Онъ расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней“ [„Вечерняя заря“] и какъ „отвратительная тѣнь влачилъ безъ чувства жизни, безъ желаній цѣпь своихъ страданій“ [„Цѣпи“]. Кто виноватъ во всемъ этомъ? спрашивалъ поэтъ, и съ рѣдкимъ добродушіемъ винилъ самого себя за свое легкомысліе и за разгульный образъ жизни своихъ юныхъ лѣтъ. Ему казалось, что онъ самъ погубилъ свое дарованіе и иной разъ всѣ такіе упреки и сознаніе безвыходности своего положенія наводили его на мысль о самоубійствѣ. Онъ „былъ весь — разстройство“ [„Къ друзьямъ“ 1830—1] Немудрено, что въ минуты такого разстройства

---

*) Гдѣ-жъ вы, громы истребители,
Что-жъ вы кроетесь во мглѣ,
Между тѣмъ какъ притѣснители
Властелины на землѣ!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи —
Бросьте, злобой изощренные
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность голодную
Не насытитъ цѣлый міръ!
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы —
Такъ грызитесь, плотоядные,
До послѣдняго, какъ псы!..

онъ переносилъ свою печаль и раздраженіе съ себя самого на весь міръ и тогда онъ писалъ:

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій—
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой
Повсюду встрѣчаемъ несчастное „я“,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье. [«Тоска» 1837].

Эти стихи выражаютъ достаточно полно ту высшую степень міровой и личной скорби, которая угнетала этого по природѣ своей очень веселаго и добродушнаго человѣка. Скорбь его вытекала не изъ какого-нибудь принципіальнаго разлада съ жизнью, не изъ трудности рѣшенія тѣхъ этическихъ проблемъ, которыя она ставитъ, а исключительно изъ приниженности духа, оскорбленнаго случайнымъ незаслуженнымъ несчастіемъ. Когда поэтъ воображалъ, что онъ самъ накликалъ это несчастіе, тогда, конечно, скорбь его становилась еще болѣе острой.

Въ минуту такой скорби лирика Полежаева напоминала лирику Лермонтова, но родники ихъ пѣсенъ были разные.

IV.

Нѣкоторое сходство съ мотивами лирики Лермонтова можно уловить и въ пѣсняхъ Огарева. Талантъ Огарева достигъ своего полнаго расцвѣта значительно позже, въ пятидесятыхъ годахъ, когда къ интимнымъ мотивамъ его личной пѣсни присоединился боевой общественный мотивъ. Этотъ мотивъ никогда особенно силенъ въ поэзіи Огарева не былъ, но онъ далъ грустной и тягучей пѣснѣ поэта

извѣстное оправданіе, въ которомъ она несомнѣнно нуждалась.

Припоминая тѣ условія, въ которыхъ протекла первая половина жизни Огарева, до его эмиграціи, удивляешься тому общему минорному тону, въ какомъ всѣ его стихи написаны. Условія жизни были въ сущности очень мягкими и счастливыми. Если въ раннемъ дѣтствѣ ребенокъ былъ лишенъ ласки матери и если отецъ не съумѣлъ замѣнить ему этой ласки, то въ юношескіе годы, на свободѣ, въ университетѣ, среди близкихъ товарищей, при полномъ достаткѣ, при умѣ и талантѣ, Огаревъ не имѣлъ права говорить, что жизнь его обидѣла. Положимъ, арестъ причинилъ ему много тревоги, но эта, по тѣмъ временамъ грозная непріятность, прошла для него довольно благополучно; наконецъ и семейное счастіе въ первую половину его жизни было безоблачно. Самъ онъ въ тѣ годы былъ молодымъ энтузіастомъ, поклонникомъ Шиллера, поклонникомъ свободы во всемъ ея эстетическомъ и этическомъ смыслѣ и кромѣ того слегка мистикомъ. Его неизмѣнно грустная и заунывная пѣсня стояла, такимъ образомъ, въ противорѣчіи съ фактами его жизни и общимъ складомъ его міросозерцанія. Позднѣе, когда мечты разбились о дѣйствительность, когда всѣ благія общественныя его начинанія потерпѣли крушеніе, когда личное счастіе погибло и началась для него безотрадная жизнь эмигранта, который самъ въ себя не вѣрилъ — тогда, на склонѣ дней, меланхолія поэта объясненія не требовала.

Если же подыскивать объясненіе той необычайно искренней и глубокой грусти, которая звучитъ въ раннихъ стихахъ Огарева, то придется признать, что она была для него фатальнымъ даромъ самой природы; всегда настоящее было въ его глазахъ обезцѣнено, либо воспоминаніемъ, либо мечтой, опережавшей жизнь. Даже въ тотъ ранній періодъ жизни, когда воспоминаній нѣтъ, и тогда уже Огареву казалось, что въ прошломъ лежитъ нѣчто

цѣнное, навѣки утраченное. Ничего такого цѣннаго, конечно, не было, и воспоминанія поэта были такой же мечтой, какъ и его туманныя грезы о будущемъ,—именно туманныя, такъ какъ нигдѣ поэтъ не высказывался ясно о томъ, чего бы онъ желалъ для себя. Цѣнители его поэзіи очень мѣтко говорили, что весь смыслъ ея заключенъ въ постоянной жаждѣ полноты счастія, жажды „полнаго аккорда“ жизни, гармоничнаго равновѣсія духа, безъ рѣзкой жалобы на отсутствіе всего этого въ жизни и безъ увѣренности, что такое счастіе на землѣ мыслимо и достижимо. Огаревъ не принадлежалъ ни къ тѣмъ скорбнымъ и гнѣвнымъ поэтамъ, которые раздражены разладомъ мечты и жизни, ни къ тѣмъ энергичнымъ и восторженнымъ пѣвцамъ, которые вѣрятъ въ соглашеніе идеала и дѣйствительности въ тѣхъ или иныхъ сферахъ жизни и духа. Среди другихъ лириковъ Огаревъ, дѣйствительно, стоитъ совсѣмъ одиноко со своей тоской, хандрой и скукой, которая коренится исключительно въ этой странности его психической организаціи, въ этомъ пребываніи въ постоянномъ томленіи безъ склоненія въ сторону рѣзкаго недовольства или примиренія. Конечно, и Огареву случалось иногда брать полный, мужественный аккордъ Прометеева гнѣва [„Прометей“ 1841], но онъ его бралъ просто какъ хорошій техникъ стиха, а не какъ соумышленникъ титана. И ближайшихъ родственниковъ этого титана—Фауста, Манфреда и Гамлета Огаревъ не хотѣлъ признать близкими себѣ людьми и говорилъ, что онъ въ жизни никогда съ ними не сблизится—конечно потому, что тревога ихъ духа была чужда его „женски-тихому, нѣжному нраву“ [Le „Cauchemar“].

Мученія Тантала — тѣ Огаревъ близко принималъ къ сердцу, такъ какъ они напоминали ему вѣчную жажду его собственной души:

А я томлюся день и ночь
И мукъ не въ силахъ превозмочь,
И въ вашъ Олимпъ недостижимый

Проклятье, боги, вамъ я шлю
За голодъ мой неутолимый,
За жажду вѣчную мою,
За то, что вы всегда въ покоѣ
И что мученье — жизнь моя,
И, наконецъ, проклятье вдвое
За то, что все-жъ безсмертенъ я. [«Танталъ»]

Положимъ, Огаревъ не былъ безсмертенъ, и — онъ ничего такъ не боялся, какъ именно смерти. Его хандра никогда не доводила его до призыва смерти какъ избавителя, и всегда, когда поэтъ въ своихъ стихахъ касался тайны смерти, онъ откровенно признавался въ томъ страхѣ, какой она на него нагоняла. Онъ любилъ жизнь, и въ своихъ многочисленныхъ задушевныхъ описаніяхъ природы онъ, послѣ прочувствованныхъ осеннихъ и зимнихъ пейзажей, съ особенно любовнымъ чувствомъ вырисовывалъ картины возврата и торжества весны.

Въ самые ранніе годы въ поэзіи Огарева было много религіознаго чувства:

О нѣтъ! я вѣрю! вѣрю! Нѣтъ!
Я знаю! Для меня есть свѣтъ,—
Я знаю — вѣчная душа,
Одною мыслію дыша,
Мѣняя формы, все живетъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ она идетъ
Все лучше, лучше, и съ Тобой
Въ одно сольется, Боже мой!
[„Среди могилъ я въ часъ ночной“]

. . . . . .

И свѣтъ души мнѣ указалъ,
Что жизнь дана не въ наслажденье,
Чтобъ радость твердо я изгналъ
И съ вѣрой избралъ путь спасенья.
Вотъ я зажегъ въ груди моей
Огонь любви неугасимый,
И съ нимъ пройду среди морей
Житейскихъ бѣдствій и скорбей,
Страдалецъ ввѣкъ непобѣдимый
Какъ Іисусъ, я за людей

Хочу переносить гоненья,
Чтобы замолкнулъ звукъ цѣпей
И часъ ударилъ примиренья.
И пусть мой утлый челнъ возьметъ
Тогда на зло пучина злая,—
Есть лучшій міръ! Душа живетъ
Въ немъ, никогда не умирая.
Изъ горнихъ странъ, гдѣ все свѣтлѣй,
Быть можетъ, полонъ состраданья,
Еще не разъ слезой моей
Я освѣжу среди страстей
Скорбящій духъ въ земномъ изгнаньи [«Христіанинъ»]

Такъ, и довольно часто, молился Огаревъ въ юности, но съ годами это молитвенное настроеніе въ немъ исчезало или по крайней мѣрѣ было безсильно остановить въ его душѣ быстрый ростъ хандры и грусти... „И стыдно становилось ему жаловаться, а въ томъ, что какъ-то чудно жило въ его душевной глубинѣ—высказаться было трудно“ [„Исповѣдь“]. Но поэтъ все-таки жаловался. Въ длинномъ рядѣ стихотвореній тянулась эта жалоба довольно однообразная и монотонная, скрашенная лишь красотой стиха, въ которомъ она выливалась.

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много! [«Много грусти»].
. . . . . .
Еще во мнѣ есть жажда жить,
Къ блаженству жгучее стремленіе:
Я не отвыкъ порокъ любить,
Меня томитъ страстей волненіе,—
И очень, очень—можетъ быть—
Далеко время примиренья,
Когда сознаніе съ душой
Сдружитъ незыблемый покой.
Оно прійдетъ-ли?.. Но пока...
Еще гнететъ неумолимо
Меня тяжелая тоска
Отрадный звукъ несется мимо,
А плачъ нисходитъ съ языка... [„Посланіе къ друзьямъ изъ Швальбаха“].

Это „еще“ длилось всю жизнь и никогда никакой покой не мирилъ души поэта съ его сознаніемъ. Да и немыслимо было такое примиреніе при полной неясности того, чего Огаревъ требовалъ отъ жизни.

Душа груститъ, стремяся и желая,
Трещитъ свѣча, печально догорая... [«Фантазія» 1841].

Свѣча его жизни, дѣйствительно, печально догорала и продолжала свѣтить ровнымъ грустнымъ свѣтомъ, не потухая и не вспыхивая.

Въ извѣстномъ стихотвореніи „Монологи“, которое было написано Огаревымъ въ минуту относительнаго душевнаго покоя, сохранено одно необычайно скорбное признаніе поэта; оно не говоритъ намъ объ источникахъ его грусти, но ясно вскрываетъ передъ нами всю ея глубину:

Чего хочу?.. Чего?.. О! Такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны
И жизнь скупа и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затерянным созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы не жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить,—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,

И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!.. чего? О! Такъ желаній много
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь. [«Монологи». 1844].

Вопросъ, поставленный этимъ монологомъ — столь схожимъ съ первымъ монологомъ Фауста — не разрѣшимъ или разрѣшимъ частями: сама жизнь должна ввести въ берега всѣ эти безбрежныя желанія и указать человѣку рядъ доступныхъ его силѣ подвиговъ, трудясь надъ которыми онъ нашелъ бы въ работѣ успокоеніе. И были такіе подвиги, на свершеніе которыхъ жизнь толкала Огарева. Онъ отдавалъ имъ свои силы, но безбрежныя желанія его не покидали:

Я идеаловъ всѣхъ моихъ—
Хоть не могу отстать отъ нихъ—
А сталъ ужасно какъ бояться.
Дано въ числѣ мнѣ Божьихъ каръ
То, что я вмѣстѣ старъ и молодъ,
Что сохранилъ я юный жаръ,
А жизнь навѣяла мнѣ холодъ...
Еще довольно скорби дастъ
Мнѣ сей безвыходный контрастъ! [«Грановскому» 1843]

Контрастъ былъ, дѣйствительно, безвыходнымъ потому, что въ этомъ постоянномъ томленіи о „полномъ аккордѣ жизни“ Огаревъ исключительно подчинялся набѣгавшей волнѣ настроенія, не давая своему уму никакой власти надъ нею. Огаревъ обладалъ безспорно умомъ достаточно сильнымъ, но въ стихахъ онъ оставался лирикомъ преимущественно ощущеній и настроеній безъ попытки какъ-либо философски ихъ осмыслить. Идей, въ полномъ смыслѣ этого слова, надъ которыми бы его умъ работалъ, въ его стихахъ мы не встрѣчаемъ. Нѣтъ въ нихъ и ясной постановки этическихъ и общественныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ могло бы понудить поэта признать извѣстную опредѣленную программу жизни за цѣль своихъ идейныхъ и общественныхъ стремленій. Во вторую

половину своей жизни, какъ политикъ и публицистъ, Огаревъ имѣлъ такую цѣль, но въ своемъ художественномъ творчествѣ онъ какъ-то отдѣлялъ человѣка отъ общественнаго дѣятеля и, оставаясь наединѣ со своей музой, былъ занятъ почти исключительно своей личностью грустнаго и въ грусти нѣжащагося мечтателя.

Въ ранніе годы Огаревъ изъ сферы этой тягучей грусти никогда не выходилъ. Когда въ 1841 году онъ въ поэмѣ „Юморъ“ пожелалъ наконецъ привести нѣсколько въ порядокъ свое неуловимое міропониманіе, то эта попытка—сквозь призму юмора взглянуть со стороны на самого себя и на жизнь — совсѣмъ не удалась. За исключеніемъ нѣсколькихъ юмористическихъ и обличительныхъ страницъ, въ которыхъ есть и сарказмъ и даже политическая сатира,—все остальное въ этой поэмѣ та же лирическая пѣсня съ неизмѣннымъ припѣвомъ тоски, не находящей себѣ опредѣленія, этого „недуга, порожденнаго духомъ тьмы и странной пустотой вѣка“, недуга, который можетъ назваться:

Охотой къ лѣту средь зимы,
Разладомъ съ міромъ и собою.
Стремленьемъ наконецъ къ тому,
Что не дается никому.

И—странно! Поэтъ очень хорошо понималъ, что именно теперь, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда „Фурье, С.-Симонъ и другіе пророки начертили намъ планъ иныхъ временъ“ — безпричинная тоска менѣе всего разумна. „Надъ нами нависла буря; и послѣ бури насъ ждетъ новый свѣтлый день“, и все же грусть... и грусть...

Въ насъ, въ вѣкѣ можетъ быть иномъ
Была бы тишина святая;
Но въ тѣлѣ дрябломъ и больномъ
Теперь живетъ душа больная;
Мы суждены желать, желать
И все томиться и страдать.
Давайте же страдать...

Есть, право, въ грусти наслажденье,
И за безсмысленный покой
Не отдадимъ души мученье.
Возьмемъ страданье и стремленье
Себѣ въ удѣлъ...

Страннымъ можетъ показаться эта рѣшимость избирать себѣ въ удѣлъ страданье, когда можно избрать бодрое дѣло. Огаревъ, какъ извѣстно, приписался къ такому бодрому дѣлу, но онъ никогда не могъ заглушить въ себѣ опасенія, что меланхолія навсегда разъѣла его сердце:

Какъ бы намъ дойти,
Чтобъ духомъ выше стать страданья
И ровно жизнь свою вести;
Какъ свѣтлое души созданье
Встрѣчаться съ каждымъ на пути
Съ любовью, полной упованья,
Привлечь его, не дать коснѣть
И сердце сердцемъ отогрѣть!
Но мы вліянье на другихъ
Въ тоскѣ растратили невольно;
Мы слишкомъ любимъ насъ самихъ,
Людей же любимъ не довольно:
Мы нашей скорбью мучимъ ихъ,
Что̀ многимъ скучно, близкимъ больно,
А жизни лучшій идеалъ
Для насъ невыполнимымъ сталъ.
Но впрочемъ, что же? На кого
Прикажете имѣть вліянье?
Собрать людей вокругъ чего?
Къ чему имъ указать призванье?
Какая мысль скорѣй всего
Ихъ расшатать бы въ состояньи?
Какъ, эгоизмъ изгнавъ изъ нихъ,
Направить къ высшей цѣли ихъ?
Не знаю, право. Цѣлый вѣкъ
Изъ этого я крѣпко бился
На поискъ направлялъ свой бѣгъ,
Вездѣ знакомился, дружился;
Но современный человѣкъ
Былъ глухъ на крикъ мой..

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Едва ли про Огарева можно сказать, что онъ въ первую половину своей жизни

успѣлъ сдѣлать много попытокъ къ сближенію съ современнымъ человѣкомъ. Но поэту могло это показаться и ему нужно было оправданіе своей тоски, которая неотлучно плелась за нимъ повсюду:

Куда-бъ ни ѣхать—все равно:
Вездѣ съ собою сами въ спорѣ,
Мученье мы найдемъ одно,
Будь то на сушѣ, иль на морѣ;
Какъ прежде, какъ давнымъ-давно,
За нами вслѣдъ помчится горе.
Аккордъ намъ полный, господа,
Звучать не станетъ никогда.

Отъ отсутствія полноты аккорда жизни страдалъ и Лермонтовъ, но онъ никакъ не могъ успокоиться на одномъ лишь ощущеніи его отсутствія. Мы знаемъ какъ Лермонтовъ раздражался и какъ онъ неустанно искалъ выхода изъ тѣхъ сомнѣній, въ какія его повергали всѣ данныя имъ рѣшенія этической проблемы жизни, рѣшенія, которыми онъ всегда оставался недоволенъ. Сердце Огарева такой глубокой тревогой не было охвачено, такъ сильно не скорбѣло, не гнѣвалось, а, главное, Огаревъ какъ-то мирился со своимъ положеніемъ вѣчно томящагося и грустящаго человѣка.

V.

Полежаевъ и Огаревъ были единственными лириками тридцатыхъ годовъ, про которыхъ Лермонтовъ могъ съ нѣкоторой натяжкой сказать, что они ему сродни по духу. Но мы убѣдились, что это родство было всетаки отдаленное.

Для остальныхъ лириковъ тѣхъ годовъ Лермонтовъ былъ совсѣмъ чужой. Ихъ было немало тогда—этихъ пѣвцовъ интимныхъ чувствъ и настроеній, и среди нихъ были несомнѣнно даровитые люди.

Довольно большія надежды возбудили въ читателѣ ли-

рическія стихотворенія трехъ молодыхъ авторовъ, за которыми въ серединѣ тридцатыхъ годовъ стала устанавливаться слава, какъ за поэтами съ тяготѣніемъ къ „философіи“. Это были—И. П. Клюшниковъ, писавшій подъ псевдонимомъ —ѳ—, В. И. Красовъ и Э. И. Губеръ.

Въ „философскихъ“ молодыхъ кружкахъ тридцатыхъ годовъ стихи Клюшникова и Красова пользовались несомнѣннымъ успѣхомъ, что̀ однако не доказываетъ еще присутствія въ этихъ стихахъ настоящей, ясной философской мысли. Репутація философовъ установилась за Красовымъ и Клюшниковымъ вѣроятно потому, что въ ихъ стихахъ царило необычайное спокойствіе духа. Всѣ трудные вопросы жизни были обойдены въ ихъ стихотвореніяхъ грустнымъ молчаніемъ и могло казаться, что извѣстный покой мудреца-философа лежитъ въ основѣ міросозерцанія поэтовъ. Но было ли у нихъ цѣльное и связное міровоззрѣніе—это вопросъ, который ихъ лирическими пѣснями не рѣшается.

Клюшниковъ писалъ очень мало и въ началѣ сороковыхъ годовъ совсѣмъ замолчалъ. Писалъ онъ все больше любовные стихи, гладкіе и нѣжные, но весьма ординарные по своимъ темамъ; часто плавалъ онъ въ меланхоліи и очень любилъ грусть воспоминанія и просилъ иногда для себя кончины; случалось, что съ чужого голоса онъ хотѣлъ быть дерзкимъ и тогда онъ робко бралъ романтически-тревожную ноту—но въ концѣ концовъ вся грусть и тревога разрѣшались въ смиреніи передъ волей Божіей, смиреніи, которое можно было понять, и какъ ощущенье благодати Господней, и какъ признанье закономѣрной необходимости, и какъ погруженіе въ пантеистическое созерцаніе всего мірозданія.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворившій міръ въ нёмъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить.

Такая жизнь въ Богѣ не исключала, конечно, минутной печали и грусти, но очевидно было, что самому поэту этотъ порядокъ грустныхъ и тревожныхъ чувствъ не доставлялъ никакой радости:

Душа искала просвѣтлѣнья—
И онъ насталъ, священный мигъ!
Я сердцемъ Благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.
Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?
Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занёсъ я старую печаль?

Поклонники стиховъ Клюшникова думали, что этотъ„ новый и прекрасный міръ“ былъ завоеванъ поэтомъ съ помощью глубокаго раздумья надъ тайной бытія,—которая ему наконецъ открылась; но они ошибались. Поэтъ просто прошелъ мимо всѣхъ тайнъ, чтобы оградить спокойствіе своего ума и сердца отъ всякой тревожной думы.

Сохраненіе такого спокойствія духа было первой заботой и другого поэта-философа, В. И. Красова, стихи котораго также въ свое время стояли очень въ цѣнѣ.

Философской мысли въ стихахъ Красова было мало, но настроенія и чувства много. Красовъ былъ особенно нѣженъ въ своихъ любовныхъ элегіяхъ, грустныхъ, теплыхъ и очень музыкальныхъ. Никакой аккордъ страсти, а тѣмъ болѣе тревоги не нарушалъ мирной гармоніи этого любовнаго шопота. По мнѣнію Красова, въ любви жила вся красота жизни, какъ весь ея смыслъ былъ въ молитвѣ и въ нравственномъ подвигѣ.

Въ своихъ молитвахъ Красовъ былъ очень искрененъ и

видно было, что всѣ труднѣйшіе вопросы жизни разрѣшались для него въ этой сферѣ религіознаго чувства.

Спаситель! мнѣ тяжко, мнѣ грустно, Спаситель!
Душа утомилась въ оковахъ земныхъ:
О, дай мнѣ, Отецъ мой, покоя обитель,
Въ свободномъ пространствѣ небесъ голубыхъ!
Житейскаго моря мятежныя волны
Давно сокрушили мнѣ юную грудь,
На путь мой, страстей возмутительныхъ полный,
Мнѣ страшно, мнѣ страшно, Спаситель, взглянуть!
Лишь тихая лампа да крестъ Твой священный,
Полночныя зрѣли страданья мои!
Когда же, отецъ мой, душой обновленной
Когда-жъ полечу я въ объятья Твои?..
. . . . . .
Я плачу: слезы эти святы;
То дань Творцу отъ сердца моего
За радости мои, за горе и утраты,
По гласу вѣчному закона твоего.
Какъ я любилъ въ твоемъ прекрасномъ мірѣ...
Какія чувства испыталъ!
Я ликовалъ на свѣтломъ жизни пирѣ,
Тебя, незримаго, въ твореньи созерцалъ;
И падалъ я, зналъ слезы и сомнѣнья...
Плоть бренна, но душою я парю!
Къ Тебѣ любовь моя, къ Тебѣ мои волненья
Благодарю, Творецъ, за все благодарю.

Какъ непохожа эта благодарность на ту, о которой говорилъ Лермонтовъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Благодарность“! *)

Молитва несомнѣнно облегчала Красову его разсчеты съ жизнью, но она не ограждала его отъ грусти воспоминаній и никакихъ надеждъ на будущее въ немъ не

*) За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ.
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ. [1840]

будила. Красовъ былъ очень трогателенъ въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя всѣ относились къ тому счастливому времени, когда онъ сидѣлъ на студенческой скамьѣ вмѣстѣ съ Станкевичемъ:

Возьмите все, святыя неба силы,
Но дайте мнѣ прошедшее назадъ!
О! день одинъ, за цѣну всѣхъ наградъ,
Хоть часъ одинъ изъ жизни давней, милой!
Не болѣ—часъ! я только часъ прошу.
Потомъ тяжелую веригу наложу,
И самъ свою я вырою могилу
И лягу въ гробъ—за часъ, за часъ одинъ...
О, внемлите ли вы, святыя неба силы?.

Поэту казалось, что все, что можетъ дать жизнь, она ему уже дала однажды въ кружкѣ тѣхъ товарищей, съ которыми онъ вступилъ въ жизнь, и онъ говорилъ, обращаясь къ тѣни Станкевича:

Мы сожгли безъ сожалѣнья
Юность гордую до тла;
А надежды и волненья
Буря жизни унесла.
Прихоть, бѣшеныя страсти,
Злость людей, мечты, обманъ —
Не имѣютъ больше власти
Нанести намъ новыхъ ранъ.
И звучитъ еще отрадой
Только прошлое одно...
Счастья новаго не надо!
Жизнь извѣдана давно.

И чего ждать отъ грядущаго, когда все мое счастіе въ прошломъ? „Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!“

Теперь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Тамъ зрѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
Кипятъ желанія, волнуются мечты,
И миръ души моей то свѣтлый, то угрюмый,
Не возмущается дыханьемъ клеветы.
Когда же по душѣ пройдетъ страстей гроза,
Настанетъ тягостная битва,

Есть на устахъ Тебѣ горящая молитва,
А на глазахъ дрожащая слеза.
Тогда бѣгу людей, боясь ихъ приближенья,
И силюсь затаить, и слезы, и волненья...
И грустно разстаюсь я съ думами моими;
Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!..

Но эта скука не индифферентная и не озлобленно враждебная, какой она становилась въ сердцѣ демоническихъ натуръ, разссорившихся съ дѣйствительностью и ничего не ожидающихъ отъ грядущаго. Какъ „философъ“ Красовъ пытался общаться съ людьми и жизнью въ сферахъ эстетическаго созерцанія и въ великомъ актѣ преклоненія передъ идеей добра.

Мечтой и сердцемъ охладѣлый,
Разставшись съ бурями страстей,
Для мукъ любви окаменѣлый,
Живу я тихо межъ людей.
Мои завѣтныя желанья
Ужъ въ непробудномъ снѣ молчатъ,
Мои сердечныя преданья
Мнѣ чудной сказкой ужъ звучатъ.
Но я живу еще: порою
Могу я чувствовать, страдать;
Надъ одинокой головою,
Хоть рѣдко, вѣетъ благодать
Созданья генія—понынѣ
И добродѣтели простой
Высокій подвигъ, какъ святыня,
Моею властвуетъ душой...

Такъ религіозно-смиренна, безмятежно-спокойна и не требовательна была лирика этого—столь цѣнимаго въ философскихъ кружкахъ—поэта.

И еще одинъ молодой поэтъ тѣхъ годовъ думалъ въ философіи найдти свое призваніе. Это былъ Э. И. Губеръ, нынѣ почти совсѣмъ забытый. Губеръ любилъ, когда его называли „философомъ“; дѣйствительно, книжки нѣмецкихъ мудрецовъ въ его рукахъ побывали; по крайней мѣрѣ онъ самъ говорилъ, что цѣлыхъ три года убилъ на изученіе философіи

во всѣхъ ея направленіяхъ—„хотя—добавлялъ онъ—въ результатѣ этого изученія и получилось горькое сознаніе человѣческой немощи“. Такой печальный выводъ не помѣшалъ однако Губеру приняться за составленіе критической исторіи философіи, и помѣщать—правда весьма нехитрыя—статейки философскаго содержанія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ конца тридцатыхъ годовъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ я себя знаю, писалъ Губеръ въ одномъ частномъ письмѣ, я чувствую въ себѣ непреодолимую привязанность къ философскимъ занятіямъ, къ философіи въ полномъ смыслѣ этого слова, во всѣхъ ея направленіяхъ и примѣненіяхъ къ жизни, къ философіи какъ наукѣ и по отношенію ея къ искусствамъ“.

Если бы мы пожелали однако въ стихотвореніяхъ Губера найдти подтвержденіе этимъ „философскимъ“ вкусамъ, то поиски наши едва-ли бы увѣнчались успѣхомъ. Въ стихахъ Губера замѣтна легкая примѣсь мистики, къ которой онъ былъ предрасположенъ отъ природы и вкусъ къ которой былъ въ немъ, кажется, поддержанъ и воспитанъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ и массоновъ — Фесслеромъ, съ которымъ Губеръ на самой зарѣ своей юности свелъ знакомство. Но эта мистика, равно какъ и тяготѣніе къ философіи вообще не принимали никакой осязательной формы въ его поэзіи. Единственно на чемъ они сказались, это—на любви поэта къ идейнымъ сюжетамъ. Мы обязаны Губеру первымъ полнымъ и хорошимъ переводомъ „Фауста“ Гете,—переводомъ, который очень одобрялъ Пушкинъ, знавшій Губера лично. О попыткахъ самого поэта создать нѣчто цѣльное, строгое и философски продуманное, нельзя высказать окончательнаго сужденія, такъ какъ первый опытъ въ этомъ родѣ [поэма „Антоній“] вышелъ туманнымъ и выдержаннымъ въ композиціи и развитіи, а послѣдній опытъ, зрѣлый и много обѣщавшій [поэма „Вѣчный Жидъ“]—былъ прерванъ смертью въ самомъ началѣ [Губеръ умеръ въ 1847 году] *).

*) Кромѣ этихъ двухъ философскихъ поэмъ Губеромъ была написана

Лирическія стихотворенія Губера, которыя въ свое время завоевали поэту симпатіи читателя, сохраняютъ въ настоящее время за собой лишь историческій интересъ, и любопытны они какъ новый примѣръ того спокойствія, какой умѣла хранить наша лирическая пѣсня даже въ устахъ человѣка способнаго на большое душевное волненіе. Губеръ умѣлъ волноваться. „Пламенныя мысли Шиллера волновали его грудь и стремили ее къ высокому и неприступному“ и, очевидно, что жаръ его рѣчей былъ достаточно силенъ, потому что нашлись люди, которые его увѣряли, что его мыслями могъ бы гордиться самъ Шиллеръ. Лирическія стихотворенія Губера этого жара однако не сохранили; самое цѣнное въ нихъ—былъ самый стихъ, напоминавшій хорошую пушкинскую чеканку. Въ общемъ стихотворенія были унылыя и томныя, во вкусѣ тогдашняго сентиментализма, и почти совсѣмъ безъ романтической тревоги. Губеръ былъ правъ, когда называлъ Жуковскаго учителемъ своей юности. Правда, онъ говорилъ, что и Гете одновременно былъ его учитель—и это вѣрно въ томъ смыслѣ, что Губеръ учился у Гете эстетическому самообладанію.

Въ стихахъ Губера было не мало нѣжныхъ и даже достаточно страстныхъ любовныхъ признаній; иногда горячее заступничество за свободу вдохновенія, за право пѣть какъ птица; были и прогулки по кладбищу, и мысли о воскресеніи за гробомъ, и полетъ въ небеса, и утѣшеніе въ слезахъ, и частая жалоба на усталость, и разукрашенныя мечты о счастливомъ прошломъ... Всѣ эти мотивы ни новизной, ни отдѣлкой не блистали, но одинъ изъ нихъ будилъ въ поэтѣ большую силу искренности. Это былъ мотивъ религіозный:

Высокомѣрія лукавая мечта
Въ груди задерживаетъ битвы,
И страсть безмолвствуетъ и грѣшныя уста
Лепечутъ дѣтскія молитвы. [„Благовѣстъ“ 1839].

еще поэма «Прометей» — очень характерная какъ попытка примѣшать къ концепціи Прометея Гете байронический мотивъ.

И не одну только дѣтскую молитву лепетали уста поэта, но и молитву бойца, про которую Губеръ говорилъ такъ просто и ясно:

Какъ устанешь въ битвѣ
Полонъ вѣчной муки,
Подними къ молитвѣ
Связанныя руки.
Не порвутся цѣпи
Отъ мольбы любимой
За родныя степи
Да за край родимый.
Но отрадно въ битвѣ
Помолиться Богу:
Легче гнуть къ молитвѣ
Скованную ногу. [Молитва 184?].

Иногда впрочемъ поэтъ не выдерживалъ такого спокойнаго тона и впадалъ въ настоящій „романтизмъ“ въ Шиллеровомъ духѣ:

Душа въ огнѣ, уста дрожатъ,
Мечты слились въ живые звуки,
То грозные, какъ громовой раскатъ,
То нѣжные, какъ лепетъ страстной муки:
„Возстань отъ сна, сорвись съ цѣпей!
Онъ твой, весь этотъ міръ! Переступи за грани,
Зови врага на грудь и ненависть людей
Испепели огнемъ лобзаній
Пожаромъ бѣшеныхъ страстей!
Весь міръ на грудь мою! Отъ пламенныхъ объятій
Судьба безсильная меня не оторветъ,
И на любовь мою, какъ на любовь дитяти,
Вражда коварная отравой не дохнетъ.
За мной, подъ небеса родныя!
На горы темныя, на родину громовъ!
Туда, гдѣ бури вѣковыя
Свиваютъ тучи громовыя
Изъ влажной ткани облаковъ!
Впередъ, впередъ!.. [„Три сновидѣнья“ 1835].

Но такія строфы въ стихотвореніяхъ Губера — лишь дальнія зарницы душевной бури, которыя никакой грозы не предвѣщали. Да Губеръ и не желалъ грозы и очень ея боялся.

Этотъ страхъ поэта передъ сомнѣніемъ, тревогой и всякимъ разладомъ души и ума очень ясно сказался въ его философской поэмѣ „Антоній“. Поэма неокончена, растянута и туманна, въ ней нѣтъ яснаго плана, но цѣнна она какъ признаніе молодого сердца, которое ничего такъ не боится, какъ волненія и ничего такъ не жаждетъ, какъ покоя въ обладаніи истиной и философски обоснованнымъ міропониманіемъ.

Есть въ жизни странныя мгновенья,
Мы ждемъ чего-то: смутныхъ думъ
Тоски, надеждъ и вдохновенья,
И слезъ, и страха полонъ умъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда сердце „жаждетъ бурныхъ перемѣнъ“, когда его „тѣснитъ старый плѣнъ“ и оно „въ вѣчномъ спорѣ съ самимъ собою“, старикъ Сильвіо сталъ искушать Антонія своей холодной мудростью.

Любви и ненависти чуждый,
Безъ чувствъ, безъ вѣры, безъ страстей,
Онъ слышалъ плачъ, онъ видѣлъ нужды
Безъ жалости къ судьбѣ людей.
На ихъ страданія земныя
Онъ [Сильвіо] съ равнодушіемъ смотрѣлъ,
Но всѣ ихъ страсти роковыя
Безстрастный умъ уразумѣлъ.
Быть можетъ страшныхъ преступленій
Была сосудомъ грудь его;
Быть можетъ слезы поколѣній
Доносятъ Богу на него!..

И этотъ Сильвіо, какъ Мефистофель при Фаустѣ, сталъ спутникомъ Антонія, — одновременно пробуждая въ немъ тревожныя думы и чувства, и доказывая ему, сколь безпомощенъ бываетъ человѣкъ подъ тяжестью такой тревоги. Сильвіо все отнялъ у Антонія: онъ разбилъ всѣ его сентиментальные идеалы, сорвалъ поэтическій покровъ съ любви, съ семейныхъ узъ и, отнявъ все, ничѣмъ не замѣнилъ тотъ міръ, который онъ уничтожилъ. Къ чему всѣ эти трезвые, безсердечные удары по беззащитному сердцу, которое мо-

литъ лишь о томъ, чтобы страсти его миновали? И Антоній говорилъ своему искусителю:

Вся жизнь моя
Благодаря твоимъ стараньямъ,
Осуждена на вѣчный бой,
Обречена однимъ страданьямъ;
Не вижу цѣли предъ собой;
Моимъ страстямъ до пресыщенья,
Порою, угождаешь ты;
Порою, страстныя мечты
Среди безплоднаго томленья
Житейской прозою мертвишь
Или насмѣшкою холодной
Святой порывъ души свободной
Въ свирѣпой радости чернишь.
Но въ сердцѣ глубоко, незримо
Желанье тайное живетъ;
На днѣ души неодолимо
Оно невидимо ростетъ
Все только страсти, всюду страсти—
Но эти страсти мнѣ враги,
Я жить хочу!.....

Но что значитъ жить? Въ какой мѣрѣ страсти должны двигать жизнью и не правъ-ли Сильвіо, когда говоритъ:

Пойми же наконецъ,
Что въ жизни нѣтъ, и не было покоя,
Что вся она, какъ тлѣющій мертвецъ
Сама сгніетъ отъ празднаго застоя.
Движенье нужно ей и вамъ.
Борьба и страсти—ваша пища,
И только жителямъ кладбища
Покойно спится по гробамъ.

Насколько можно проникнуть въ смыслъ этой туманной поэмы Губера, она — безхитростное и искреннее отраженіе той несомнѣнной растерянности духа, которая мучила этого „философа“ и путала его размышленія о жизни. Онъ инстинктивно боялся волненія и тревоги, и вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что въ нихъ вся соль бытія. Философъ былъ онъ слабый и „осмыслить“ страсть т.-е. лишить ее остраго жала онъ не могъ. Но не чувствовать этихъ страстей онъ также

не могъ, такъ какъ душа у него была чуткая и онъ по мѣрѣ силъ старался идти вровень со своимъ вѣкомъ. Уже одинъ неотразимый страхъ передъ волненіемъ и тревогой, который такъ ясно проступаетъ въ поэтической исповѣди Губера, показываетъ намъ, что художникъ не нашелъ въ излюбленной философіи той панацеи, которую искалъ. Но этотъ страхъ указываетъ также на то, какъ туго и неохотно откликалась душа поэта на всякіе титаническіе порывы, какъ она избѣгала бури страстей — столь заманчивой для всѣхъ романтическихъ сердецъ.

Поставленная рядомъ съ пѣснью Лермонтова лирика Губера могла казаться ей родственной, но при болѣе тщательномъ анализѣ основныхъ ея мотивовъ, она обнаруживала свое рѣзкое несогласіе съ Лермонтовскимъ настроеніемъ. Какъ бы Лермонтовъ ни тяготился душевной тревогой—она бодрила его и окрыляла какъ поэта; Губера эта тревога страшила и истомляла, и лучшіе его стихи тѣ, въ которыхъ этой тревоги совсѣмъ не замѣтно.

VI.

Гораздо большей извѣстностью, чѣмъ всѣ только что поименованные лирики пользовался въ тридцатыхъ годахъ Бенедиктовъ. Онъ имѣлъ широкій кругъ почитателей, которые ставили его выше Лермонтова и удивлялись въ его стихахъ обилію „мыслей“. Но мыслью лирика Бенедиктова блистала менѣе, чѣмъ какими-либо другими своими качествами. Бенедиктовъ былъ искусный стихотворецъ пиротехникъ, который цѣнилъ въ стихѣ болѣе всего внѣшній блескъ риѳмъ и размѣра. Въ погонѣ за этимъ блескомъ Бенедиктовъ на свой страхъ создавалъ новыя слова и новые обороты рѣчи, и часто та искра поэзіи, которая въ его душѣ горѣла, гасла подъ реторикой вычурныхъ сравненій и словъ.

Не должно, впрочемъ, къ этому недостатку въ стихотвореніяхъ Бенедиктова относиться такъ строго, какъ къ нему

отнесся въ свое время Бѣлинскій, который въ увлеченіи читателя Бенедиктовымъ видѣлъ прямое доказательство мало развитаго эстетическаго вкуса. Какъ-ни-какъ Бенедиктовъ изъ всѣхъ нашихъ лириковъ тѣхъ годовъ былъ самымъ красивымъ и сильнымъ выразителемъ патетическаго подъема души. Онъ хотѣлъ настроить читателя возвышенно и пробудить въ его душѣ величавое чувство почтенія къ святому таинству вдохновенія. Приблизить читателя къ этой тайнѣ поэтъ пытался однако не размышленіемъ, глубокимъ и строгимъ, не пробужденіемъ истиннаго чувства, а способомъ болѣе внѣшнимъ: онъ словами и образами хотѣлъ наглядно изобразить красоту разлитую въ природѣ и въ жизни человѣка. По его мнѣнію достойное описаніе этой красоты должно было замѣнить ея истолкованіе, и человѣкъ въ простомъ созерцаніи красоты могъ уловить ея сущность. Идя этой дорогой, Бенедиктовъ избѣгалъ несложныхъ интимныхъ темъ и подстерегалъ и наблюдалъ человѣка всегда въ тѣ минуты, когда онъ чѣмъ нибудь восхищался.

Предметомъ его собственнаго восхищенія въ большинствѣ случаевъ была природа съ ея неисчислимыми величественными красотами и тайнами. Бенедиктовъ любилъ описывать небеса, горы и моря, причемъ всѣми этими разнообразными картинами онъ иллюстрировалъ въ сущности очень однообразное личное настроеніе восторга. Чтобы передать это настроеніе читателю, поэтъ нагромождалъ сравненія на сравненія, придумывалъ эпитеты громкіе и цвѣтистые и стремился придать своему стиху особенную плавность и звонкость. Что въ погонѣ за такими эффектами онъ впадалъ часто въ вычурность и реторику, это — вѣрно, но нерѣдко картина получалась очень колоритная и эпитетъ былъ новъ и образенъ. Читателю передавалась та восторженность, которая ни на мгновеніе не измѣняла поэту. Такая восторженность исключала даже попытку пытливой мысли проникнуть въ тайну величественнаго явленія:

Повсюду прелести, повсюду блещутъ краски!
Для всѣхъ природы длань исполнена даровъ.
Зачѣмъ же къ красотѣ безчувственно-суровъ
Ты жаждешь тайнъ ея неистовой огласки?
Смотри на дивную, пей дѣвственныя ласки;
Но цѣломудренно храни ея покровъ!
Насильственно не рви божественныхъ узловъ
Не мысли отпахнуть застѣнчивой повязки!
Доступенъ-ли тебѣ ея гіероглифъ?
Небесные лучи волшебно преломивъ,
Раскрыла-ли его обманчивая призма?
Есть сердце у тебя: пади, благоговѣй!
И бойся исказить догадкою твоей
Запретныя красы святаго мистицизма! [„Природа“].

Наряду съ природой, предметомъ благоговѣнія нашего поэта была и женщина, воспѣтая имъ въ стихахъ, которые современникамъ казались слишкомъ страстными. Но именно страсти въ этихъ любовныхъ стихахъ Бенедиктова не было, а было лишь любованіе эффектами красивой женской внѣшности. Интимнаго, глубокаго чувства поэтъ не умѣлъ выразить, но плѣнить насъ картиной красивой женской позы, красиваго женскаго тѣла онъ умѣлъ. И онъ опять восторгался и придумывалъ эпитеты и сравненія. И такой восторгъ былъ, кажется, ему дороже самой любви, такъ какъ любовь, какъ онъ выражался, была лишь „капля яду на остромъ жалѣ красоты“ [„Къ М—ру“].

Глубокихъ, запутанныхъ и тревожныхъ, этическихъ или философскихъ темъ Бенедиктовъ касался рѣдко и никакого своеобразнаго освѣщенія ихъ не далъ. Патріотическія, религіозныя и историческія темы мелькаютъ на страницахъ его лирическихъ стихотвореній, но опять лишь въ формѣ красивыхъ сравненій и картинокъ — патетичныхъ, но безъ всякой тревоги.

Между пѣвцомъ и міромъ нѣтъ тѣсной связи: пѣвецъ такъ высоко поставленъ надъ всѣмъ твореньемъ, что только съ самимъ собою во всемъ мірѣ онъ можетъ и долженъ считаться:

Бездомный скиталецъ—пустынный пѣвецъ—
Одинъ, съ непогодою въ спорѣ,
Онъ рѣетъ надъ бездной, пѣвучій пловецъ
Безъякорный въ жизненномъ морѣ;
Все въ даль его манитъ невѣдомый свѣтъ;
Онъ къ берегу рвется, а берега нѣтъ,
Онъ страненъ; исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ веселъ—ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ—угрюмъ.
Къ гробамъ ихъ подходитъ—съ улыбкой;
Всеобщій кумиръ ихъ ему не кумиръ;—
Недаромъ безумцемъ зоветъ его міръ!
Онъ ищетъ печалей—и всюду найдетъ;
Онъ вызоветъ, вымыслитъ муки,
Взлелѣетъ ихъ въ сердцѣ, а тамъ перельетъ
Въ волшебные, стройные звуки,
И самъ же, обманутый ложью своей
Безумно ей вѣритъ и плачетъ надъ ней.
Міръ черный бранитъ онъ и громы со струнъ
Срываетъ карающей дланью:
Міръ ловитъ безвредно сей пышный перунъ
Доволенъ прекрасною бранью;
Ему для забавы кидаетъ пѣвецъ
Потѣшные планы на мраморъ сердецъ!...
Враговъ онъ находитъ,—но это рабы
Завистниковъ рой безпокойныхъ;
Для жаркихъ объятій кровавой борьбы
Враговъ ему нѣту достойныхъ:
Одинъ, разрушитель всѣхъ собственныхъ благъ,
Онъ самъ себѣ въ мірѣ достойнѣйшій врагъ! [„Пѣвецъ“].

Такая высота исключаетъ, конечно, всякую глубокую сердечную тревогу. Тревога вызывается близостью къ жизни, а гдѣ близость замѣняется созерцаніемъ на разстояніи, тамъ дана уже полная возможность успокоенія:

Такъ смертный надменный, земнымъ недовольный
Изъ темнаго міра, изъ сѣни юдольной
Стремится всей бурей ума своего
Допрашивать небо о тайнахъ его;
Но въ полетѣ измучивъ мятежныя крылья
Упадаетъ воитель во прахъ отъ безсилья.
Стихло думъ его волненье,
Впало сердце въ умиленье,—

И его смиренный путь
Свѣтомъ райскимъ золотится;
Небо сходитъ и ложится
Въ успокоенную грудь. [„Буря и тишь“].

Бенедиктовъ былъ, несомнѣнно, такой „умиленный“ предъ красотой и „успокоенный“ поэтъ, который только во внѣшнюю отдѣлку своего стиха, въ его ритмъ и метафоры вносилъ большую смѣлость и новизну.

Отдѣлкой стиха блистала и довольно популярная тогда графиня Растопчина — другъ юности Лермонтова. Ея стихи были благосклонно встрѣчены даже строгой критикой и они заслуживали этого признанія своей простотой и искренностью. Позднѣе, къ концу сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ, поэтесса увлеклась политикой, въ которой конечно не могла разобраться, и пѣсня ея утратила тотъ наивный характеръ, который составлялъ главную ея цѣнность.

Наивна была лирика Растопчиной въ томъ смыслѣ, что она безъ претензій откровенно отражала мечты и грезы идеалистически настроенной женской души.

Это былъ конечно не первый примѣръ, когда русская женщина выступала въ литературѣ, но среди рѣдкихъ образцовъ женскаго поэтическаго творчества это былъ образецъ самый удачный. Поэтесса была очень образованной женщиной, прошла хорошую литературную школу и несомнѣнно владѣла стихомъ. Недостаткомъ могла показаться лишь извѣстная узость ея поэтическаго кругозора, но именно эта узость и сохраняла за пѣснью Растопчиной ея оригинальность и ея несложную искренность.

Въ ранней молодости, какъ видно изъ признаній въ „Дневникѣ Дѣвушки“—въ этомъ очень удачномъ образцѣ русскаго психологическаго романа стараго типа — Растопчина, конечно, не избѣгла романтическихъ искушеній: она увлекалась Байрономъ, пѣвцами міровой скорби, но ихъ искушенію не поддалась настолько, чтобы начать подражать имъ: скорбь и тревога этихъ мрачныхъ душъ была ей чужда

и она очень опредѣленно высказала свое осужденіе поколѣнью Вертеровъ и Чайльдъ-Гарольдовъ. Она писала:

Мнѣ жалко васъ, скучающихъ и блѣдныхъ,
Земли непрошенныхъ, взыскательныхъ гостей,
Богатыхъ опытомъ, а радостями бѣдныхъ,
Живущихъ наобумъ, безъ жизни, безъ страстей...
Вы смотрите надменно, безъ участья,
На братьевъ, свыкшихся съ ихъ долею земной;
Вы наслажденьями пресытились,—а счастья
Слѣпцы! не поняли холодною душой!
Вамъ въ тягость жизнь,... вы небомъ недовольны...
На васъ самъ Богъ не угодилъ!
Безсильные! въ другихъ вамъ видѣть больно
Богатство воли, чувствъ и силъ! [„Болѣзни вѣка“ 1848].

Быть можетъ это стихотвореніе и было продиктовано раздраженіемъ на событія знаменательнаго 1848 года, но и раньше въ сердцѣ Растопчиной для всякаго недовольства жизнью было мало мѣста—уже въ виду общаго религіознаго склада ея души. Эта религіозность подсказала ей много искреннихъ пѣсенъ, и въ числѣ нихъ нѣсколько красивыхъ гимновъ въ честь Св. Дѣвы Маріи. Конечно про Растопчину нельзя было сказать, какъ она говорила про одну свою знакомую:

Ты Серафимъ святого рая,
Подъ ликомъ дольняго жильца!

Графиня была во многихъ смыслахъ истинно дольнимъ жильцомъ со всѣми великосвѣтскими привычками, симпатіями, взглядами и страстями, но надо признать, что особаго ущерба эти классовыя тенденціи ея вдохновенію не принесли. Часто и красиво она описывала балы, за излишнее пристрастіе къ которымъ ее упрекалъ еще Бѣлинскій; любила она комфортъ и въ поэзіи. Но помыслы ея летѣли все-таки за предѣлы свѣтскаго круга и витали надъ этой дольней сферой. Она нерѣдко жаловалась на свое одиночество среди свѣтской толпы и, кажется, судя по нѣкоторымъ ея стихамъ, что одной изъ причинъ такого одиночества было ея выступленіе въ роли „сочинителя“, какъ тогда говорили.

Надо отдать графинѣ Растопчиной справедливость, она не была влюблена въ свое сочинительство и, нанизывая съ большой охотой рифмованныя строки, она, радуясь похвалѣ, боялась отвѣтственности своего званія поэтессы. „Я нахожу“, писала она —

Вы превозносите во мнѣ то дарованье,
Котораго печать случайно я ношу
Нѣтъ! Не горитъ во мнѣ святое вдохновенье,
Ни геній, ни талантъ въ удѣлъ мнѣ не даны,
Не избрало меня въ поэты Провидѣнье
И лавры вѣчные не мнѣ обречены:
Нѣтъ, сильно чувствуя, я просто выражаю
То думы, то мечты, то горести свои;
Я въ искреннихъ словахъ пылъ сердца изливаю,
Бумагѣ предаю всю исповѣдь души.
Нѣтъ! Пѣсней выспренныхъ вы отъ меня не ждите
Луча поэзіи во мнѣ вы не ищите,
Я женщина... и женскою душой
Могу возвыситься любовію одной...
Я славы не ищу—и даже не желаю
Пишу не для нея... [„Дневникъ Дѣвушки“ XII, IV. 1842—1850].

Хоть съ большимъ преувеличеніемъ, но Растопчина въ этихъ стихахъ сказала правду: она была больше женщиной, чѣмъ поэтессой, въ томъ смыслѣ, что поэтическое возсозданіе чисто женской психики было ей дороже, чѣмъ всякіе иные поэтическіе горизонты. Ея лучшія пѣсни были все-таки пѣсни любовныя со всѣми оттѣнками дѣвической и женской грусти вообще, съ большой примѣсью мечтательности, томности, скорби о пережитыхъ сердечныхъ буряхъ и грозахъ, о „безчарной“ молодости, и съ нескрываемымъ интересомъ и любовью къ единоборству съ искусителемъ и соблазнителемъ, поджидающимъ свою жертву на балу или въ гостинной.

Раба ты женщина, когда сама полюбишь
И царствуешь, когда любима ты!

говорила графиня, и въ большинствѣ ея любовныхъ стиховъ очень граціозно развивался этотъ красивый афоризмъ [какъ напр. въ знаменитомъ романсѣ „Когда-бъ онъ зналъ, что

пламенной душою"]. Иногда поэтессѣ казалось, что она простилась со своими мечтаніями, что она примирилась съ неизбѣжнымъ разладомъ мечты и дѣйствительности, что для нея прошла пора побѣдъ и тщеславія и одна только *мысль*, спокойная и грустная, осталась ей въ утѣшеніе. Но ни на какой мысли эта мечтательница не могла успокоиться; ее всегда привлекало то томительно сладкое, то неопредѣленное и грустное, что составляетъ прелесть воспоминанія и надежды.

Графинѣ Растопчиной пришлось однажды заговорить о томъ, „какъ должны писать женщины" и въ той характеристикѣ женскаго творчества, которую она дала, кроется несомнѣнно личное признаніе и оцѣнка собственнаго вдохновенія. „Я люблю, писала Растопчина,

чтобъ лучшихъ сновъ своихъ
Пѣвица робкая вполнѣ не выдавала,
Чтобъ имя призрака ея невольныхъ грезъ,
Чтобъ повѣсть милую любви и сладкихъ слезъ
Она, стыдливая, таила и скрывала;
Чтобъ только изрѣдка и въ проблескахъ она
Умѣла намекать о чувствахъ слишкомъ нѣжныхъ...
Чтобы туманная догадокъ пелена
Всегда надъ ропотомъ сомнѣній безнадежныхъ,
Всегда надъ пѣснью надежды золотой
Вилась таинственно; чтобъ эхо страсти томной
Звучало трепетно подъ ризой мысли скромной
Чтобъ сердца жаръ и блескъ подернутъ былъ золой,
Какъ лавою вулканъ; чтобъ глубью необъятной
Ея завѣтная казалась намъ мечта;
И какъ для ней самой, для насъ была свята:
Чтобъ рѣчь не полная улыбкою понятной
Слезою теплою дополнена была;
Чтобъ внутренній порывъ былъ скованъ выраженьемъ,
Чтобы приличіе боролось съ увлеченьемъ,
И слово каждое чтобъ мудрость стерегла.
Да! женская душа должна въ тѣни свѣтиться
Какъ въ урнѣ мраморной лампадки скрытой лучъ,
Какъ въ сумерки луна сквозь оболочку тучъ,
И, согрѣвая жизнь, незримая, теплиться.

[„Какъ должны писать женщины" 1840].

Если таковъ былъ взглядъ поэтессы на свое творчество [а стихи Растопчиной написаны почти всѣ по этому рецепту, за исключеніемъ тѣхъ, къ которымъ примѣшана политика], то ожидать, что въ этомъ творчествѣ, подернутомъ дымкой, прорвется сильная страсть или буря чувствъ и мысли — напрасно.

Стихи Растопчиной были вполнѣ беззлобной и безмятежной лирикой, и даже въ другѣ своей юности, въ Лермонтовѣ, она любила, кажется, больше интимнаго, спокойнаго и веселаго собесѣдника, чѣмъ откровеннаго и мрачнаго поэта.

„Но лишь межъ насъ“, говорила она,

лишь въ тѣсномъ кругѣ нашемъ
Самимъ собой, веселымъ, остроумнымъ,
Мечтательнымъ и искреннимъ онъ былъ.
Лишь намъ однимъ онъ рѣчью, чувства полной,
Передавалъ всю бѣшеную повѣсть
Младыхъ годовъ, рядъ пестрыхъ приключеній
Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы...
Лишь межъ насъ,—
На ужинахъ завѣтныхъ, при зарѣ,
Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ не притворной,
Онъ находилъ свободу и просторъ
И кровъ какъ будто свой, и бытъ семейный... *).

*) Но оплакивая мирнаго и веселаго друга, Растопчина понимала ясно, что̀ значила для родины смерть Лермонтова. Она писала:

Да! онъ погибъ,—поэтъ—надежа нашъ
Единый лучъ на небосклонѣ русскомъ,
Единая отрадная заря
Межъ рѣдкими, закатными звѣздами,—
Межъ тѣхъ свѣтилъ, что на концѣ пути
Сіяютъ намъ въ просоньѣ утомленномъ,
Едва горя, и скупо грѣя насъ
Поэзіи огнемъ животворящимъ...
Да! Онъ погибъ... И кто намъ замѣнитъ,
Кто намъ отдастъ его изъ современныхъ,
Изъ сверстниковъ?.. Въ чьихъ пѣсняхъ мы найдемъ
Отваги жаръ, и мысли сильной блескъ,
И вопль болѣзненный, звучащій глухо
Подъ праздничнымъ, восторженнымъ напѣвомъ,
Какъ тайный стонъ измученнаго сердца,
Какъ вѣчная, невольная молитва?.. [„Пустой Альбомъ“, 1841].

VII.

Послѣднія стихотворенія Лермонтова совпали по времени съ первыми стихотвореніями трехъ молодыхъ поэтовъ, которымъ суждено было занять очень видное мѣсто въ исторіи русской лирики. Имена Полонскаго, Фета и Майкова могли бы впрочемъ совсѣмъ отсутствовать въ обзорѣ лирики, современной Лермонтову, такъ какъ талантъ этихъ художниковъ развернулся во всей своей силѣ гораздо позже, въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ, когда нераздѣльный ихъ тріумвиратъ сталъ подъ знамя „чистаго“ искусства и, самъ того не замѣчая, обратился въ поборника очень опредѣленной „тенденціи“ въ литературѣ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ дни своего зарожденія, лирика Майкова, Полонскаго и Фета имѣла, конечно, лишь извѣстную эстетическую стоимость, мимо которой мы однако пройти не можемъ, въ виду особенностей того настроенія, которое въ этой лирикѣ выражалось. Оно еще разъ подчеркиваетъ одиночество Лермонтовскихъ мотивовъ въ современной ему пѣснѣ. Дѣйствительно, трудно найти болѣе безобидное, спокойное и миролюбивое настроеніе, чѣмъ то, которое развертывается въ пѣсняхъ этихъ трехъ юныхъ восторженныхъ созерцателей красоты—будущихъ „бойцовъ“ за идеалъ незлобиваго искусства. Ноты рѣзкія, полемическія ворвутся въ ихъ пѣсню позже, и тогда только настоящая тревога оскорбленнаго жреца искусства овладѣетъ ихъ сердцемъ. А пока они только радуются, глядя на міръ Божій и на красоту, которая въ немъ разлита. И странно! только что умолкшая рѣчь Лермонтова не будитъ въ нихъ никакой тревожной мысли, и не манитъ ихъ сердца. Они остаются равнодушны къ этой поэзіи диссонансовъ и одна лишь мелодія бытія долетаетъ до ихъ слуха.

Когда теперь вся лирика Полонскаго, Майкова и Фета передъ нашими глазами, мы легко у каждаго изъ этихъ ху-

дожниковъ отмѣтимъ и особую чеканку стиха и особое пристрастіе къ тѣмъ или другимъ поэтическимъ обобщеніямъ житейскихъ явленій. Одного больше интересуетъ философскій смыслъ житейскихъ мелочей, другого больше прельщаютъ пластическія очертанія жизни, третій—импрессіонистъ, который ничего самъ не ищетъ и ждетъ, пока набѣжитъ впечатлѣніе, настроеніе или образъ. Эти характерныя черты въ лирикѣ Фета, Майкова и Полонскаго можно подмѣтить конечно, и въ ихъ самыхъ раннихъ стихахъ, но первыя стихотворенія нашихъ эстетовъ въ общемъ очень другъ на друга похожи: во всѣхъ пѣсняхъ видна юная радость и юный восторгъ, сознаніе художника, что онъ поэтъ Божіею, милостью и въ виду этой благодати имѣетъ право весело и увѣренно смотрѣть въ лицо жизни. Грустныя ноты есть, такъ какъ въ жизни онѣ неизбѣжны, есть даже довольно повышенная скорбь о разныхъ нравственныхъ неустройствахъ бытія, но такая отзывчивость поэта не двоитъ ни его мысли, ни его чувства: онъ увѣренъ въ себѣ и въ людяхъ.

Полонскій въ своихъ раннихъ стихахъ [1840—45 гг.], какъ и въ позднѣйшихъ, обнаружилъ большое любопытство художника, и все серьезное въ жизни, и всякая мелочь въ ней пріобрѣтала въ его поэтической отдѣлкѣ особую прелесть интимной сердечности, съ какой поэтъ привыкъ относиться ко всему, въ чемъ онъ чувствовалъ правду сердца и ума. Любящая и беззлобная муза диктовала ему этотъ поэтическій дневникъ, куда онъ, какъ юный странникъ, въ первые дни перваго своего странствованія, заносилъ все безъ разбора: пѣсню русскаго ямщика, встрѣчу съ погибшимъ, но милымъ созданіемъ, портретъ обольстительной Діамеи, бесѣду съ ангеломъ хранителемъ, рисунки цвѣтовъ, ночной дозоръ золотого мѣсяца, проповѣдь Бэды, монологи Магомета, стихи изъ Корана, русскіе сказки, лепестки сказокъ, обломки Эллады, разсказы волнъ, ночные голоса въ горахъ Шотландіи...

Жизни лучшія мгновенья
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты;
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно...

Во всемъ этомъ калейдоскопѣ явленій, видѣній, ощущеній и настроеній художникъ угадывалъ поэтическій смыслъ и о немъ думалъ онъ, когда говорилъ такъ красиво:

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей.

Конечно, и „демонъ сомнѣнья“ былъ однимъ изъ первыхъ, кого поэтъ встрѣтилъ на зарѣ своей юности. Съ обычной ему искренностью, Полонскій разсказалъ намъ, какъ безъ боренья и тревоги, какъ просто онъ избѣжалъ его искушеній:

И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья;
И я, страдая, проклиналъ,
И, отрицая Провидѣнье,
Какъ благодати ожидалъ
Послѣдняго ожесточенья...
Когда молитвенный мой храмъ
Лукавый демонъ опрокинулъ,
На жертву пагубнымъ мечтамъ
Онъ одного меня покинулъ...
И вотъ среди мятежныхъ думъ,
Среди мучительныхъ сомнѣній
Установился шаткій умъ
И жаждетъ новыхъ откровеній...
Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ —
Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой?..
И какъ великъ мой новый храмъ,
Не рукотворенъ куполъ вѣчный...
Всѣ геніи земного міра,
И всѣ, кому послушна лира

Мой храмъ наполнили толпой,
Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голосъ вѣковой.
Теперь попробуй, демонъ мой,
Нарушить этотъ гимнъ святой,
Наполнить смрадомъ это зданье!..

А. А. Фетъ, который къ 1840 году успѣлъ издать цѣлый сборникъ стихотвореній [„Лирическій Пантеонъ“ *А. Ф.* Москва 1840]—тотъ могъ про себя сказать, что онъ, и въ эти опасные юные годы, ни съ какимъ демономъ не встрѣчался. Во всю свою долгую жизнь этотъ большой художникъ оставался неизмѣнно пѣвцомъ своихъ личныхъ эстетическихъ эмоцій, безъ всякой попытки ввести въ сферу своего поэтическаго созерцанія какой-либо, даже самый несложный, этическій вопросъ. Понятно, что никакая тревога не могла прорваться въ стихахъ поэта, потому что ея не было въ его душѣ въ минуту творчества. И не только тревоги избѣгалъ этотъ утонченный эстетикъ,—онъ сторонился и отъ всего эффектнаго, грандіознаго, сильнаго, словно опасаясь, что эти стороны жизни заставятъ его сердце биться не такъ ровно и спокойно, какъ оно привыкло. Правда, въ самые ранніе годы его творчества, въ его стихахъ попадались изрѣдка отзвуки ходкихъ тогда „романтическихъ“ мотивовъ и пересказы романтическихъ балладъ, но это увлеченіе прошло очень скоро и наивное, какое то младенческое настроеніе возобладало въ его поэзіи и не покинуло его до самой смерти. Даже въ описаніяхъ природы, которую Фетъ такъ любилъ воспѣвать на всѣ лады, онъ не далъ ни единаго колоритнаго, мрачнаго или грознаго пейзажа — точно также, какъ и въ любовныхъ пѣсняхъ, которыя онъ не уставалъ писать во всѣхъ ключахъ, онъ не далъ ни одного образца истинно страстной и кипучей пѣсни. Все подернуто какой-то дымкой, и всѣ мотивы пьесы съиграны какъ будто съ неизмѣнно нажатой лѣвой педалью. Отовсюду на поэта вѣетъ весельемъ, и самъ онъ не знаетъ, что будетъ пѣть, но только чувствуетъ, „что пѣсня зрѣетъ“. „Ухо его, какъ будто не слушая, слышитъ“ и умѣетъ онъ

„пробѣгать въ умѣ все невозможно-возможное, странно-бывалое“. Необычны ассоціаціи его идей и совсѣмъ неожиданны его образы:

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь буднишнихъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ выстрѣлъ вечерній.
Но память былаго
Все крадется въ сердце тревожно.
О! если-бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

Большинство стихотвореній Фета надо цѣнить именно какъ смѣлую попытку сказать словами то, что хотѣлось бы сказать безъ словъ, одной душою. И всѣ многочисленные противники Фета были несправедливы къ нему, когда искали въ его стихахъ чего-нибудь, ясно опредѣленнаго и ясно выраженнаго. Взятая въ цѣломъ, его поэзія, несомнѣнно, проникнута опредѣленной пантеистической мыслью, и въ его стихахъ можно, при желаніи, вычитать даже цѣлый философскій трактатъ — какъ это неоднократно и пытались сдѣлать его восторженные поклонники; но взятые порознь, эти стихи должны были производить впечатлѣніе чего-то совсѣмъ отъ общей жизни оторваннаго, чего то исключительно личнаго и эпикурейски эгоистическаго. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ поэзія Фета, какъ извѣстно, стала мишенью нападокъ и насмѣшекъ, въ особенности, когда самъ поэтъ спустился со своихъ поэтическихъ высотъ и ввязался въ споръ на самую ѣдкую общественную тему. Въ годы, о которыхъ мы говоримъ, стихи Фета опальными, конечно, не были и критикой они были встрѣчены благосклонно, какъ хорошее обѣщаніе. За этими стихами признали, и музыкальность, и искренность, и наивность,—и многихъ, конечно, должна была поразить и еще одна

особенность этой молодой лирики:—а именно, полное отсутствіе въ ней юмора, сарказма, какого-либо смѣха и какой-либо тревоги. Для современника Лермонтова и его эпохи отсутствіе этихъ чертъ въ психикѣ поэта было очень знаменательно.

Всѣхъ этихъ цѣнныхъ граней человѣческаго духа могъ читатель не досчитаться и въ томъ довольно объемистомъ сборникѣ стиховъ, съ котораго въ 1842 году Аполлонъ Майковъ началъ свою литературную дѣятельность. На первыхъ же страницахъ поэтъ признавалъ себя сыномъ своего времени и говорилъ, что онъ не желалъ бы жизни безъ волненія:

Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой,
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Это юношеское желаніе поэта, однако, не исполнилось. Мятежное бореніе осталось Майкову чуждо, если не считать тѣхъ стиховъ, въ которыхъ поэтъ сердился. Но и сердиться Майковъ сталъ значительно позже, въ годы иконоборческой ереси шестидесятниковъ.

Художникъ съ большимъ дарованіемъ и мастеръ стиха, Майковъ былъ одаренъ удивительнымъ чутьемъ ко всему пластичному и умѣлъ придавать своимъ стихамъ такую форму, которая, въ свою очередь, производила на читателя впечатлѣніе почти что зрительное. Въ глубины человѣческой души поэтъ спускаться не умѣлъ или не хотѣлъ, тайники своей собственной души также берегъ отъ чужого глаза и особенно глубокими философскими мыслями не задавался. Изъ всѣхъ идей общаго порядка Майковъ съ юныхъ лѣтъ облюбовалъ всего больше идею патріотическую, русскую и общехристіанскую. Уже въ первомъ сборникѣ стихотвореній онъ началъ вырисовывать эту красивую картину

кончины языческаго міра и его борьбы съ христіанствомъ [„Олиѳъ и Эсоирь“] — ту самую, которая потомъ въ „Трехъ смертяхъ“ и въ „Двухъ мірахъ“ стала истинной жемчужиной русской поэзіи. И уже по первому наброску этой величественной картины было ясно, что художникъ пластикъ и въ извѣстномъ смыслѣ язычникъ возьметъ верхъ надъ художникомъ христіаниномъ, моралистомъ и сентименталистомъ. Какъ въ былое время Шатобріанъ, такъ и Майковъ, воспѣвая христіанство, оставался въ душѣ жрецомъ античной красоты, чутье къ которой онъ одинъ получилъ въ наслѣдство отъ Пушкина. Дѣйствительно, въ первомъ сборникѣ своихъ стиховъ молодой поэтъ являлся преимущественно въ античномъ одѣяніи, со всѣми атрибутами жреца античныхъ боговъ, въ которыхъ онъ, конечно, не вѣрилъ, но передъ безстрастной красотой которыхъ онъ стоялъ на колѣняхъ. Красота была безстрастна и безстрастно было и ея отраженіе въ стихахъ Майкова. Глубоко скорбныхъ мотивовъ античной мысли, равно какъ и Прометеева огня въ стихахъ Майкова не было — была лишь попытка, и притомъ очень удачная, взглянуть на современный міръ ветхими очами — т.-е. попытка не смотрѣть на то, что бросалось въ глаза всѣмъ современникамъ.

Рядомъ со стихами Лермонтова эта подновленная старая пѣсня звучала молитвой — только не христіанской, а языческой.

VIII.

Одновременно съ первымъ изданіемъ стихотвореній Лермонтова, въ 1840 году, вышелъ и маленькій сборникъ стиховъ, озаглавленный „Мечты и Звуки“. Стихотворенія Н. Н. Судьба этого сборника всѣмъ хорошо извѣстна, и всѣ помнятъ, какъ молодой авторъ—никто иной, какъ Некрасовъ—скупалъ въ книжныхъ лавкахъ экземпляры своей книжки и уничтожалъ ихъ.

Если самъ Некрасовъ былъ такъ безпощаденъ къ своему

первенцу, то для историка литературы эти первыя пѣсни „гнѣвнаго и скорбнаго“ поэта — очень важный показатель лирическаго настроенія сороковыхъ годовъ.

Большое значеніе имѣютъ эти мягкіе, религіозные, романтизмомъ пропитанные стихи для характеристики основного склада души самого поэта: они указываютъ на большую душевную трагедію, которую пережилъ Некрасовъ, прежде чѣмъ сталъ такимъ, какимъ мы его знаемъ. Но кромѣ этого „Мечты и Звуки“ еще яснѣе говорятъ о томъ примиренномъ и незлобивомъ настроеніи, какимъ было охвачено сердце современныхъ Лермонтову лириковъ, даже тѣхъ, которые, какъ Некрасовъ, таили въ своей душѣ много скорби и гнѣва.

Дѣйствительно, въ „Мечтахъ и Звукахъ“, даже при очень тщательномъ анализѣ, трудно уловить какой-либо намекъ на гражданскую скорбь или на рѣшительный протестъ человѣка противъ жизни. Молодой поэтъ не ставитъ никакихъ трудныхъ вопросовъ, не останавливается ни передъ какими сомнѣніями. Онъ только предостерегаетъ самого себя и другихъ отъ всякихъ искушеній скептическаго ума и слишкомъ требовательнаго сердца. Если можно говорить объ его міросозерцаніи, то оно патетическое въ своей основѣ. Поэтъ стремится удержать себя на возможной высотѣ лирическаго настроенія, въ бесѣдѣ съ природой, въ бесѣдѣ съ самимъ собой, и преимущественно въ общеніи съ Божествомъ.

Въ ранней лирикѣ Некрасова очень много религіозныхъ мотивовъ. Если вѣрить поэту на слово, то всѣ сомнѣнія ума и сердца разрѣшаются для него въ христіанскомъ богопочитаніи. Язычество, которое всегда такъ прельщало нашихъ лириковъ стараго времени — Некрасова не волнуетъ и не плѣняетъ. Развалины Колизея говорятъ ему не о закатывающемся языческомъ солнцѣ, а о восходящемъ христіанскомъ; ангелъ смерти учитъ его молиться; онъ вѣритъ, что души, которыя разъединены на землѣ, могутъ соединиться на небѣ; онъ мудрецу читаетъ мораль о смиреньи; самое

тяжкое для него—„отступленіе отъ Творца“; всегда духъ его паритъ къ небу и со страхомъ озирается на злого духа, который неизмѣнно подстерегаетъ его; туда, въ страну лазурную, готовъ онъ умчаться и вѣрить, что врата ея для него отверсты, пока онъ не омрачилъ въ душѣ своей свѣта Вѣры. Согласно съ такими моленіями и чаяніями души — настроеніе стиховъ молодого Некрасова очень мягкое и увѣренное. Лишь изрѣдка, въ кладбищенскихъ мотивахъ и въ попыткахъ поддѣлаться подъ романтическій стиль, замѣтно тревожное колебаніе. Хотя поэтъ и увѣряетъ, что ему „суждено играть на сценѣ бытія лишь трагическія роли“ — но это предвкушеніе дѣйствительно ожидавшей его роли пока не страшитъ его. Онъ все порывается „къ звѣздамъ“, „къ эѳиру“; для дольняго міра у него пока нѣтъ любви, хотя и есть сожалѣніе; онъ боится страстей, которыя мѣшаютъ жить людямъ; поэту онъ ставитъ первымъ требованіемъ смотрѣть на міръ „съ восторгомъ“; онъ врагъ всякаго „матерьялизма“ и отъ лица „души“ человѣка выговариваетъ „тѣлу“ за его плоскую философію [„Разговоръ“].

Благоговѣть предъ мистицизмомъ
И былъ и есть удѣлъ людей...

говоритъ молодой мечтатель и сентименталистъ, и ничего онъ такъ не боится, какъ „сомнѣнья“. Въ одномъ стихотвореніи, въ которомъ рѣчь идетъ о пагубныхъ послѣдствіяхъ „сомнѣній“, развертывается очень откровенно оптимистическое міропониманіе Некрасова. Онъ пишетъ:

Ты началъ жить. Роскошенъ жизни пиръ,
На этотъ пиръ ты позванъ для блаженства.
Великъ, хорошъ, изященъ Божій міръ,
Обиленъ всѣмъ и полонъ совершенства.
Лазурь небесъ, безбрежный океанъ,
Дремучій боръ, такъ пышно разодѣтый,
Сѣдой зимы сердитый ураганъ,
И тишина торжественная лѣта,
И говоръ водъ, и пѣнье соловья,
И надъ землей витающая птица,
И по волнамъ скользящая ладья,

И въ небесахъ горящая денница,
И темнота безмѣсячныхъ ночей,
Пріютъ тоски, мечтаній и любови —
Картины чудныя для сердца и очей.
Ты всѣмъ плѣненъ, и пламя юной крови
Въ тебѣ зажгло высокія мечты,
Ты вспыхнулъ весь огнемъ полунебеснымъ
И, вдохновленъ картиной красоты,
Постигъ Творца въ твореніи чудесномъ...
Иди, иди надежду полюбя,
Ты съ ней свершишь безъ горя путь тяжелый,
Но, берегись! Пріюта не давай
Въ душѣ своей тяжелому сомнѣнью,
Бѣги его и сердца не ввѣряй,
Его всегда недоброму внушенью...
Съ нимъ страшно жить, бесѣдовать грѣшно,
И если разъ его къ груди пригрѣешь —
Съ тобой на вѣкъ останется оно,
Ты въ немъ навѣкъ врага себѣ имѣешь
Порывъ души въ избыткѣ бурныхъ силъ,
Святой восторгъ при взглядѣ на творенье,
Размахъ мечты въ полетѣ вольныхъ крылъ,
И юныхъ думъ кипучее творенье,
И юныхъ чувствъ неомраченный пылъ —
Все осквернитъ нечистое сомнѣнье.
И окуетъ грудь холодомъ могилъ... [«Сомнѣнье»].

Что поэтъ всетаки не могъ устоять передъ соблазномъ „сомнѣвающейся“ мысли — это, конечно, не требуетъ доказательства; оптимизмъ, да еще выраженный въ стихахъ, ни къ чему не обязывалъ, и зрѣющему Некрасову очень скоро всякіе „эѳиры“ должны были перестать нравиться. И въ „Мечтахъ и Звукахъ“, есть уже намеки на такіе диссонансы. Такъ напр., въ стихотвореніи „Мысль“ говорится о мірѣ, какъ объ обветшаломъ дряхломъ старцѣ, который кутается въ ночное покрывало, едва согрѣтый холодѣющими лучами уже давно погаснувшаго дня ... и для этого міра нѣтъ обновленія и нѣтъ возврата къ юности. Въ стихотвореніи „Землетрясеніе“ дана картина всевозможныхъ человѣческихъ пороковъ, которые способны Бога любящаго превратить въ Бога гнѣва и мести. Правда, въ концѣ-концовъ, милосердный

Богъ милуетъ грѣшниковъ, но ничто не говоритъ о томъ, что люди послѣ этой милости стали лучше. Наконецъ, въ стихотвореніи „Жизнь", Некрасовъ беретъ ноту очень сходную съ той, которая звучитъ въ „Думѣ" Лермонтова.

Чѣмъ отмѣчаемъ, жизнь, мы всѣ твои мгновенья,
Широкіе листы великой книги дѣлъ?
Они черны, какъ демонъ преступленья,
Стыдишься ты сама бездушныхъ нашихъ тѣлъ.
Изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній,
Разгульной оргіей мы сдѣлали тебя,
И гибелью паритъ надъ нами злобы геній
Еще въ зародышѣ все доброе губя...
Поклонники грѣха, мы не рабы Христовы;
Намъ тяжекъ крестъ скорбей, даруемый судьбой,
Мы не умѣемъ жить, мы сами на оковы
Мѣняемъ всѣ дары свободы золотой...
Раскрыла ты для насъ всѣ таинства искусства,
Мы можемъ создавать, творцами можемъ быть;
Довольно налила ты въ груди наши чувства,
Чтобъ дѣлать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо насъ добро, искусства намъ не новы,
Не сдѣлавъ ничего, спѣшимъ мы отдохнуть;
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что-же? что онѣ безумнымъ намъ приносятъ?
Презрительно смѣясь надъ слабостью земной,
Священнаго огня намъ искру въ сердце бросятъ,
И сами-же зальютъ его нечистотой.
За наслажденьями по ихъ дорогѣ страдной,
Слѣпые, мы идемъ и ловимъ только тѣнь.
Терзаютъ нашу грудь, какъ коршунъ кровожадный,
Губительный порокъ, бездѣйственная лѣнь...
И послѣ буйнаго, минутнаго безумья,
И чистый жаръ души и совѣсть погубя,
Мы, съ тайнымъ холодомъ невѣрья и раздумья,
Проклятью предаемъ неистово тебя...

Мрачный смыслъ этого стихотворенія, конечно, такая же натяжка, какъ и ультра-розовый колоритъ другихъ юношескихъ стихотвореній Некрасова. Установившагося взгляда на жизнь нельзя искать въ этихъ опытахъ, но несомнѣнно одно, что Лермонтовскій мотивъ въ этихъ стихахъ — гость

случайный. Если ужъ искать художника, подъ благословеніе котораго Некрасовъ подвелъ свою юную музу, то это былъ несомнѣнно Жуковскій — къ которому, какъ извѣстно, Некрасовъ на самомъ дѣлѣ обратился съ вопросомъ, слѣдуетъ-ли ему отдать въ печать „Мечты и Звуки“, и нужно-ли признать себя открыто ихъ авторомъ?

IX.

Годъ спустя послѣ кончины Лермонтова смерть унесла и Кольцова.

Россія теряла въ Кольцовѣ очень крупный литературный талантъ и во многихъ отношеніяхъ очень оригинальную личность. Сынъ мѣщанина, неполучившій почти никакого образованія, до конца дней своихъ полуграмотный, этотъ человѣкъ не только съумѣлъ завоевать для русскаго художественнаго творчества совсѣмъ новую область — народной индивидуальной пѣсни, но у него хватило духовной силы, чтобы по своему пережить и выразить ту трагедію идеалистически настроеннаго сердца и философствующаго ума, которую переживали, какъ мы видѣли, съ такимъ трудомъ его интеллигентные современники.

Народная пѣсня Кольцова не стоитъ въ прямой связи со своимъ временемъ — она отражаетъ не какой нибудь данный моментъ въ развитіи нашего народнаго ума и характера, а ихъ общечеловѣческія стороны. Личная-же пѣсня нашего поэта, пѣсня, въ которую онъ вложилъ свои думы—посильный отвѣтъ на запросы его поколѣнія, столь много страдавшаго въ погонѣ за примиреніемъ идеала съ дѣйствительностью.

Сердцу Кольцова было тѣсно въ томъ кругѣ чувствъ, въ который замкнули его условія жизни, его мысль рвалась на просторъ и далеко залетала иногда въ своемъ смѣломъ полетѣ, но нигдѣ не находила себѣ пристанища и не могла на высотѣ удержаться.

Въ статьѣ, которую Бѣлинскій предпослалъ посмертному изданію стихотвореній Кольцова, онъ призналъ поэта сыномъ русскаго простонародья, пѣвцомъ, съумѣвшимъ тѣсно слить свою жизнь съ народной жизнью, бытописателемъ, которому удалось, не искажая правды, изобразить художественно крестьянскій бытъ такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Кольцовъ писалъ свои пѣсни и его картина крестьянской жизни была позднѣе дорисована и дополнена другими самоучками. Въ ихъ изображеніи крестьянскій бытъ предсталъ передъ нами въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ, и поэзія Кольцова, въ сравненіи съ пѣснью его послѣдователей, можетъ теперь показаться не вполнѣ объективной. Въ ней жизнерадостная сторона оттѣнена всетаки больше, чѣмъ сторона грустная. Пѣвецъ какъ будто умышленно выискивалъ свѣтлыя картинки и проходилъ мимо мрачныхъ.

Кольцовъ хорошо зналъ народную жизнь—это не подлежитъ сомнѣнію, но сыномъ деревни, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не былъ: онъ не прожилъ съ крестьяниномъ всей его грустной и трудовой жизни, какъ прожили ее тѣ изъ самоучекъ, которые родились и воспитались въ деревнѣ. Наконецъ и литературное образованіе Кольцова исказило нѣсколько его точку зрѣнія на народную жизнь; поэтъ былъ воспитанъ на образцахъ сентиментальной и романтической литературы и на поэзіи Пушкина и его друзей—поэзіи возвышенной и спокойной.

Весьма замѣтное мѣсто среди лирическихъ пѣсенъ Кольцова занимаютъ тѣ пѣсни, въ которыхъ поэтъ говоритъ о себѣ самомъ, о своихъ помыслахъ и надеждахъ, о своихъ духовныхъ силахъ и своей жизни. Зависимость отъ внѣшнихъ условій жизни, неудовлетворенная потребность духа, сила ума и чувства, гибнущая даромъ, тяготѣніе какого-то злобнаго рока надъ человѣкомъ и отсутствіе возможности устроить свою судьбу сообразно со своими понятіями и стремленіями—всѣ эти печальныя стороны несвободной и образованіемъ

невооруженной жизни ярко выступаютъ наружу въ личной лирикѣ Кольцова. Онъ развиваетъ въ сущности одинъ мотивъ о несоотвѣтствіи умственныхъ и душевныхъ силъ человѣка съ его положеніемъ, жалобу на то противорѣчіе, въ какомъ стоятъ законныя желанія и надежды съ суровыми фактами.

„Мнѣ даны отъ Бога море желаній, а съ кузовокъ души", писалъ Кольцовъ; а между тѣмъ этой души хватило на великое дѣло—на поэтическое возсозданіе въ образахъ правды народной души. Но этого Кольцову было мало Роль наивнаго слагателя пѣсенъ удовлетворяла его лишь наполовину. Въ немъ жила, какъ всѣмъ извѣстно, еще иная потребность — потребность глубокаго, философскаго мышленія, жажда самаго всеобъемлющаго знанія.

Трудно, конечно, опредѣлить съ точностью, что именно заставило Кольцова такъ увлечься туманными философскими размышленіями. Въ немъ не было настоящей способности къ отвлеченному мышленію, но онъ тѣмъ не менѣе очень любилъ его. Очевидно, что эта работа мысли, хотя и не самостоятельной, давала ему не малое удовлетвореніе. Стремясь найти разумное объясненіе всѣмъ явленіямъ жизни, философская система могла освободить умъ Кольцова отъ унизительной мысли о господствѣ случая въ жизни; она могла обѣщать ему отвѣтъ на тревожившіе его нравственные вопросы; философія могла также удовлетворить въ извѣстномъ смыслѣ его мистическому чувству, а также чувству религіозному, которыя были сильны въ его сердцѣ.

Интересъ къ философіи былъ для Кольцова интересомъ живымъ—потребностью его духа, вытекавшей также изъ его народнаго склада ума, въ которомъ, какъ извѣстно, слиты и смѣшаны и религіозные, и суевѣрно-мистическіе и философскіе элементы.

И пусть теоретическая постановка вопросовъ доставляла большую трудность Кольцову,—на его поэзіи съ философскимъ содержаніемъ—на его „Думахъ"—это не отразилось.

Если вопросы въ нихъ поставленные не рѣшены, если они иногда очень туманно выражены, то всетаки въ „Думахъ“ есть своеобразная красота настроенія и образовъ. Какъ лирикъ Кольцовъ скорѣе съумѣлъ схватить впечатлѣніе, которое производитъ нерѣшимый вопросъ бытія на душу человѣка, чѣмъ философскую глубину самого вопроса. Можно признать нѣкоторыя изъ его „Думъ“ неудачными, но въ общемъ онѣ составляютъ очень оригинальную попытку, и въ нашей литературѣ имъ нѣтъ параллели.

Содержаніе „Думъ“ самое разнообразное—онѣ касаются вопросовъ космологическихъ, историческихъ и психологическихъ, и очень часто сбиваются на религіозную тему. Когда поэтъ чувствуетъ, что вопросъ превышаетъ его силы [а это случается почти съ каждымъ вопросомъ], онъ прибѣгаетъ къ молитвѣ и ищетъ успокоенія въ религіи—

Смѣлый умъ съ мольбою
Мчится къ Провидѣнью:
«Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!»
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной, и бурей
Мысли изумляя
Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?
О! гори лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва! [«Великая тайна»].

Человѣческому уму, какъ бы сильны и могущественны ни были его порывы, довѣрять нельзя: онъ не въ силахъ проникнуть въ тайны вселенной. Провидѣніе владѣтъ ими и умъ нашъ не перешагнетъ за границу міра—онъ всегда наобумъ мѣшаетъ небылицу съ былью [„Неразгаданная истина].

Но Кольцовъ не всегда такъ остороженъ въ оцѣнкѣ силы человѣческаго ума. Мѣшая самъ небылицу съ былью,

онъ стремится истолковать вѣчныя недоступныя тайны вселенной. Онъ изображаетъ намъ весь процессъ міровой жизни, какъ царство Божьей воли, гдѣ въ переливахъ жизни нѣтъ безсильной и бездушной смерти [„Божій міръ“]. Онъ убѣжденъ, что весь міръ есть проявленіе одной вѣчной мысли—

Повсюду мысль одна—одна идея;
Она живетъ и въ пеплѣ и въ пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и плавучемъ царствѣ водъ глубокихъ;
Въ ихъ зеркалѣ и шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ,
Въ печальномъ завываніи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства... Всюду
Она одна—царица бытія! [«Царство мысли»].

На свое собственное творчество поэтъ смотритъ также какъ на одно изъ проявленій этой великой мысли, и онъ пишетъ—

Не можетъ быть, чтобы мои идеи
Вліянья не имѣли на природу.
Волненіе страстей, волненіе ума,
Волненіе чувствъ народа—
Все той же проявленіе мысли. [«Дума Двѣнадцатая»].

Человѣкъ—вотъ центръ всей природы, ея обнаруженіе, въ которомъ она всего лучше самопознаетъ себя: человѣкъ бываетъ и своеволенъ и не разуменъ, но ему данъ свѣточъ ума и даны добрыя стремленія и неразрывно съ ними связанная красота—

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!
То себя онъ ненавидитъ,

То собой онъ дорожитъ,
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...
Дастъ желаньямъ ли свободу
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю,
Подъ нимъ море закипитъ.
Но измѣнится стремленье,
Озарится свѣтомъ умъ,—
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ... [«Человѣкъ»].

Два начала вржду̀ютъ въ человѣкѣ—начало духовное и тѣлесное—

Въ глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней
Какъ царица!
Съ колыбели
До могилы
Духъ съ землей
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою—
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу-жъ—неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться... [«Вопросъ»].

И двѣ жизни есть въ мірѣ; одна—свѣтла и горитъ какъ солнце; въ ея очахъ небесный, тихій день, святая мысль и чувство. Это—жизнь земнаго духа, она долга, какъ Божья вѣчность. Другая-же жизнь темна; въ ея очахъ земная грусть и ночь, и не звучитъ въ ней свободная рѣчь; это—жизнь земнаго праха и она кратка, какъ блескъ звѣзды падучей [„Двѣ жизни“].

И счастливъ тотъ, кто можетъ жить этой жизнью духа. Ею живетъ и поэтъ—властелинъ-художникъ; его душа вмѣщаетъ въ себѣ цѣлую природу—

Проникнуты чувствомъ
Согрѣты любовью
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...
Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.
Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;
И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя. [«Поэтъ»].

Таковы въ общихъ чертахъ мысли и настроеніе этихъ „Думъ“. Мысли, конечно, принадлежатъ не Кольцову. Въ нихъ не трудно узнать нѣкоторыя изъ натуръ-философскихъ, историческихъ и эстетическихъ положеній Шеллинга и Гегеля, съ которыми Кольцовъ ознакомился въ кружкѣ Бѣлинскаго. Кольцову въ данномъ случаѣ принадлежитъ только оправа, въ которую эти мысли вставлены. Но и она имѣетъ свою художественную цѣнность.

Обозрѣвая поэзію Кольцова въ ея цѣломъ, мы видимъ, что названіе „пѣвецъ народной жизни“, „поэтъ-прасолъ“, какъ обыкновенно называютъ Кольцова, не характеризуетъ всей его поэтической дѣятельности. Народная пѣсня входитъ въ нее какъ составная главная часть, но не менѣе оригинальна и его философская лирика. Она связываетъ Кольцова съ его эпохой и дѣлаетъ его участникомъ того умственнаго движенія, того критическаго отношенія къ жизни, которое такъ явственно сказывалось тогда въ наиболѣе интеллигентныхъ классахъ нашего общества.

Эта широта горизонта у простаго человѣка заставила нашихъ критиковъ уже давно смотрѣть на Кольцова не только какъ на наивнаго пѣвца народной жизни, а какъ на соучастника въ великомъ движеніи русскаго идеализма, который стремился философски осмыслить дѣйствительность и регулировать ея теченіе своими нравственными принципами.

Мы знаемъ, какого труда стоила выработка этого міросозерцанія людямъ съ гораздо большей умственной силой, чѣмъ нашъ скромный мѣщанинъ. Довольно того, что стремленіе къ этому таинственному и неопредѣленному идеалу руководило имъ въ жизни, что, будучи пѣвцомъ возможнаго и будущаго—онъ, какъ выразился одинъ критикъ, оставался въ тоже время и пѣвцомъ дѣйствительности, печальной, полной страданій дѣйствительности, которая сама себѣ довлѣть не могла и требовала поправки и оправданія въ иной лучшей жизни, условія которой быть можетъ не были вполнѣ ясны поэту, но которую онъ предугадывалъ своимъ сердцемъ

Поэзія Кольцова, при всемъ своемъ смиреніи, которое такъ замѣтно, и въ его народной пѣснѣ, и въ личной лирикѣ, и въ его „Думахъ“ — была въ сущности исповѣдью очень тревожной души, неудовлетворенной и искавшей выхода изъ своего умственнаго плѣна и враждебно настроенной противъ той дѣйствительности, которая стѣсняла ея свободное развитіе.

Не даромъ Бѣлинскій подъ конецъ своей жизни, въ 1846 году, въ періодъ своей открытой ссоры съ русской дѣйствительностью, такъ тепло и восторженно говорилъ о своемъ покойномъ другѣ и, вспоминая его, восхвалялъ страшную силу русскаго человѣка въ страданіи.

Но если какъ человѣкъ Кольцовъ и волновался, то это волненіе духа на его лирикѣ почти не отразилось. Поэтъ скрылъ отъ насъ свои мучительные разсчеты съ туманными мыслями высшаго порядка и съ возмущеннымъ нравственнымъ чувствомъ — онъ далъ намъ только конечный выводъ, къ которому пришелъ послѣ раздумья. Выводъ былъ примиренный и даже совсѣмъ мирный, поскольку онъ отражалъ отказъ поэта отъ дальнѣйшаго спора съ жизнью.

Что то родственное съ послѣдними словами купца Калашникова слышится съ этой первой пѣснѣ, съ какой русскій простолюдинъ выступилъ въ интеллигентомъ кругѣ.

X.

Такова была, въ ея наиболѣе сильныхъ представителяхъ, семья поэтовъ молодого поколѣнія, среди которыхъ Лермонтовъ блисталъ своимъ геніемъ. Но не одинъ лишь этотъ геній положилъ грань между пѣснью Лермонтова и лирикой его современниковъ. Мы видѣли, что всѣ эти пѣвцы своей печали и радости обнаружили большую уравновѣшенность ума и сердца и большую нелюбовь ко всяческому волненію — идейному или сердечному. Мотивы протеста, титаническихъ порывовъ, боренія духа были имъ чужды. Если въ пѣснѣ нѣ-

которыхъ изъ нихъ такіе мотивы встрѣчались, то они вытекали изъ условій личной жизни поэтовъ; и такіе случаи бывали очень рѣдки. Если же нѣкоторые изъ этихъ лириковъ отъ природы получали въ даръ способность волноваться, то они изъ всѣхъ силъ старались подавить въ себѣ это волненіе и неохотно ему уступали. Большинство же молодыхъ лириковъ совсѣмъ его не ощущало, и религіозное чувство, отвлеченная мысль и эстетическая эмоція водворяли въ ихъ душѣ желанный покой и гармонію...

Одна только душа Лермонтова кипѣла въ неустанной борьбѣ, въ тревогѣ думъ и быстро смѣняющихся настроеній. Изъ всѣхъ сердецъ лирически настроенныхъ, только его сердце, и ранѣе и сильнѣе другихъ, отозвалось на то броженіе нравственныхъ понятій и чувствъ, какимъ была полна его эпоха. Поэзія Лермонтова порывала съ міросозерцаніемъ старшаго поколѣнія и говорила ясно и ярко о томъ, какъ трудно рѣшаются нравственныя проблемы и сколь мучительной тревогой покупаются попытки всякаго пересмотра, всякой провѣрки установившихся взглядовъ на коренные вопросы жизни.

I.

Съ думами Лермонтова мы теперь знакомы, равно какъ и съ мотивами его поэзіи.

Кто же онъ какъ человѣкъ, какъ личность? Родникомъ его печали и его душевныхъ тревогъ была—мы знаемъ—неустанная работа надъ труднѣйшими этическими проблемами жизни. Какими же природными склонностями и дарами—кромѣ поэтическаго—располагалъ онъ для рѣшенія такой задачи?

Лермонтовъ былъ прежде всего человѣкъ съ природнымъ *меланхолическимъ* складомъ души. Откуда взялась эта меланхолія — вопросъ не разрѣшимый; несомнѣненъ фактъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ и до зрѣлаго возраста поэтъ предпочиталъ грустные мотивы веселымъ и съ любовью останавливался на всѣхъ чувствахъ грустнаго оттѣнка. Эта склонность была подкрѣплена въ Лермонтовѣ чтеніемъ и условіями его замкнутой дѣтской жизни. Такимъ образомъ, когда поэтъ сознательно началъ вглядываться въ жизнь, онъ отнесся къ этой новинкѣ не съ дѣтской легкостью и довѣрчивостью, а съ извѣстнымъ недовѣріемъ и страхомъ, такъ какъ въ силу врожденной ему меланхоліи, предугадывалъ и предвосхищалъ ея печальныя и безотрадныя стороны. Онъ именно предугадывалъ ихъ, такъ какъ его личный житейскій опытъ былъ весьма бѣденъ.

Изъ этой меланхоліи вытекла и ранняя серьезность. Всякій,

даже мелкій вопросъ жизни принималъ въ глазахъ поэта преувеличенные размѣры.

Вторымъ врожденнымъ даромъ была сила фантазіи. Эта живость мечты находилась также въ прямой связи съ меланхолическимъ темпераментомъ поэта и его замкнутой жизнью. Энергія, стѣсненная въ жизни, вознаграждала себя въ мечтѣ. Съ грандіозностью и пылкостью мечты Лермонтова мы достаточны знакомы по его произведеніямъ. Жажда великихъ подвиговъ, жажда свободы и счастья кружила ему голову. Онъ рисовалъ себѣ все, и добро, и зло, и печали, и радости въ размѣрахъ преувеличенныхъ. Мечта опережала жизнь и мечта истолковывала жизнь, и трезвое взвѣшиваніе желаемаго и возможнаго было для поэта задачей непосильной. „Я рожденъ, чтобы цѣлый міръ былъ зритель торжества иль гибели моей“ — говорилъ онъ, забывая, что жизнь никогда не отдѣляетъ такъ рѣзко торжества отъ гибели.

Также характерной чертой, и также даромъ природы былъ острый умъ, безпощадно критиковавшій и анализировавшій всѣ ощущенія и чувства. Поэтъ чувствовалъ и разсуждалъ одновременно; по крайней мѣрѣ въ его стихахъ рѣдко можно встрѣтить то, что мы называемъ свободнымъ порывомъ чувства. За чувствомъ слѣдомъ идетъ рефлексія и не даетъ поэту покоя до тѣхъ поръ, пока обаяніе чувства не уничтожено, пока поэтъ не убѣдился въ томъ, что онъ самовольно разукрасилъ воспринятое впечатлѣніе, что на дѣлѣ не существуетъ ничего столь обманчиваго, какъ тѣ розовыя и пріятныя краски, въ какихъ человѣкъ рисуетъ себѣ, и людей, и свою собственную судьбу.

Самъ Лермонтовъ поэтически пояснилъ намъ эту печаль своей души въ стихотвореніи „Морская царевна“. Идеалъ красоты въ мечтахъ и въ надеждѣ, и чудище при дневномъ яркомъ свѣтѣ—развѣ это не поэтическій символъ борьбы мечты и разсудка, борьбы, въ которой изнемогалъ поэтъ? И этотъ поэтъ былъ къ тому же большой сангвиникъ, и волю

въ жизни цѣнилъ весьма высоко. „Воля—писалъ онъ, заключаетъ въ себѣ всю душу: хотѣть—значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего создаетъ чудеса... О, еслибъ волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ — какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!".

Природа одарила Лермонтова, какъ видимъ, такими дарами, такими склонностями, которые заранѣе исключали всякое мирное соглашеніе съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, меланхолія поэта дѣлала его болѣе воспріимчивымъ къ мрачнымъ сторонамъ жизни, чѣмъ къ веселымъ, и потому заставляла его не цѣнить тѣхъ, хотя мелкихъ и скоропреходящихъ наслажденій, какія на землѣ дано испытать человѣку. Необузданность и сила фантазіи, со своей стороны, разукрашая мечту насчетъ дѣйствительности, уносила поэта въ заоблачный міръ видѣній, которыя должны были разлетаться какъ туманы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и потому оставляли въ его душѣ одинъ лишь горькій осадокъ и ненависть къ мелочной и блѣдно-прозаической жизни. Чего не успѣвала отравить меланхолія и чего не успѣвала исказить своевольная мечта, то добивалъ разсудокъ своимъ безпощаднымъ анализомъ — и это въ человѣкѣ, одаренномъ сильной волей и на пассивную жизнь совсѣмъ неспособномъ. Вся радость жизни, вся готовность увлекаться безотчетно и находить въ этомъ увлеченіи силу для работы пропадали и погибали среди постоянной борьбы, какую вели въ душѣ поэта его меланхолія, мечта и разсудокъ.

Казалось бы, что человѣку съ такой психической организаціей — изыскивать соглашеніе съ жизнью и съ людьми было безполезно. Всякій другой человѣкъ съ менѣе развитымъ нравственнымъ чувствомъ, при такихъ природныхъ задаткахъ, или совсѣмъ отвернулся бы отъ жизни, или сталъ бы

къ ней во враждебное положеніе. Лермонтовъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ не замкнулся въ узкомъ кругѣ мечтаній, не улетѣлъ отъ земли въ область чистыхъ видѣній, куда безспорно могъ улетѣть силою своей очень живой фантазіи, онъ не навязывалъ себѣ насильно какого-нибудь успокаивающаго міросозерцанія, ни узко-эстетическаго, ни узко-религіознаго, но онъ также не отвертывался отъ жизни со злобой, не враждовалъ съ ней какъ таковой, т.-е. не сталъ мизантропомъ и пессимистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Вражда Лермонтова съ жизнью была враждой не принципіальной, а только временнымъ раздраженіемъ вслѣдствіе неудачныхъ и неудовлетворявшихъ его счетовъ съ нею. Онъ изо всѣхъ силъ боролся, выясняя себѣ этическій смыслъ жизни, желая проникнуть въ ея глубину и найдти въ ней оправданіе своему высокому пониманію ея цѣли и назначенія. Несмотря на то, что природныя его склонности, какъ мы убѣдились, постоянно ссорили его съ людьми, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ по своему любить людей, и за все короткое время своей жизни пытался стать къ нимъ въ такое отношеніе, какое могло бы быть оправдано его нравственнымъ чувствомъ.

И въ какія только положенія ни становился къ людямъ этотъ искатель нравственной истины?

II.

Когда въ ранней юности онъ грустилъ и мечталъ, проклиналъ измѣнившую ему любовь и дружбу, думалъ о томъ, что онъ призванъ свершить что-то великое, что онъ не простой человѣкъ, а избранный, что люди его не понимаютъ и печаль его для всѣхъ загадка — онъ *отчужденное одиночество* считалъ самымъ законнымъ своимъ положеніемъ среди ближнихъ. Въ такомъ отчужденномъ отношеніи къ жизни и къ людямъ стоитъ его Демонъ. Этотъ первый итогъ житейской мудрости былъ, конечно, одностороненъ и поспѣшенъ.

Прошли года и житейскій опытъ Лермонтова увеличился; меланхолія его обострилась, фантазія попрежнему напряженно работала; но умъ сталъ глубже вникать въ окружающее, а также и въ его собственную душу. Жизнь текла по прежнему однообразно, и у юноши было много времени и случаевъ упорно думать надъ задачами жизни, которая теперь начинала предъ нимъ развертываться. Онъ сталъ мотивировать свою печаль и подыскивать ей объясненіе. Онъ коснулся семейнаго вопроса въ своихъ юношескихъ драмахъ, вопроса національнаго въ „Измаилъ-Бей“ и соціальнаго въ „Исторической повѣсти“. Онъ думалъ надъ всевозможными этическими вопросами — и, гдѣ только могъ, выискивалъ противъ людей разные обвинительные документы—и въ семьѣ, и въ обществѣ, и на страницахъ исторіи. Приглядѣвшись пристальнѣе къ людямъ, онъ пришелъ къ выводу, что человѣкъ долженъ прежде всего позаботиться о себѣ самомъ и оградить себя отъ всѣхъ волненій и страданій, чтобы имѣть извѣстный запасъ силъ для борьбы и быть счастливымъ. Подводя второй разъ итогъ пережитому и перечувствованному, Лермонтовъ призналъ *эгоистическое* отношеніе къ жизни за самое разумное.

Такой печальный выводъ также не могъ удовлетворить Лермонтова, тѣмъ болѣе, что, покинувъ Москву и переѣхавъ въ Петербургъ, онъ попалъ въ новую обстановку, веселую и жизнерадостную. Мы знаемъ, что поэтъ на первое время отдался всей душой этимъ новымъ впечатлѣніямъ. Но увлеченіе продолжалось не долго. Типъ Арбенина въ „Маскарадѣ“ показываетъ намъ, что въ вопросѣ о соглашеніи съ жизнью поэтъ за это время былъ еще бо̀льшимъ пессимистомъ, чѣмъ раньше. И Лермонтовъ сталъ къ жизни въ положеніе не только эгоистическое, но и *враждебное*. Его герой не удовлетворился невниманіемъ и презрѣніемъ къ людямъ, онъ мстилъ имъ, открыто съ ними враждовалъ и губилъ ихъ. Очевидно, поэтъ, увлекшись на короткій срокъ новизной своего положенія, испытавъ вновь цѣлый рядъ

разочарованій и убѣдясь еще разъ въ полной дисгармоніи своихъ идеаловъ съ дѣйствительностью, хотѣлъ мстить, и жизни, и людямъ, признавъ враждебное къ нимъ отношеніе за желаемое и необходимое.

Но и съ міросозерцаніемъ Арбенина Лермонтовъ не могъ примириться. Онъ счелъ нужнымъ видоизмѣнить поспѣшно сдѣланный выводъ и въ типѣ Печорина существенно видоизмѣнилъ его. Отъ враждебнаго отношенія къ людямъ онъ перешелъ къ отношенію вполнѣ *индифферентному*.

Мы знаемъ, что поэтъ очень скоро сошелъ и съ этой позиціи. Его энергичная натура не могла поладить съ типомъ, въ которомъ воплощалось равнодушіе и насильственное подавленіе въ себѣ всякаго симпатичнаго отношенія къ человѣку.

Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ принялся вновь за пересмотръ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ отстранилъ отъ себя въ лицѣ Печорина. Во многихъ изъ его послѣднихъ стихотвореній начало проглядывать новое отношеніе, въ какое поэтъ попытался стать къ жизни. Этотъ новый взглядъ на міръ можно назвать взглядомъ *грустно-смиреннымъ*, отчасти *религіознымъ*. Очевидно, душевныя бури истомили Лермонтова, и потребность примиренія начинала пересиливать въ немъ всѣ титаническіе порывы его сердца. Смерть поспѣшила развязкой и Лермонтовъ не успѣлъ закрѣпить въ художественномъ образѣ того новаго вывода, который сталъ ему казаться разумнымъ. Можно, однако, съ увѣренностью сказать, что на религіозномъ примиреніи съ жизнью поэтъ бы не остановился: для такого религіознаго мира въ его натурѣ было слишкомъ мало задатковъ и религія во всю его жизнь была для него скорѣе поэтическимъ настроеніемъ, чѣмъ настоящей вѣрой.

Итакъ, вся жизнь Лермонтова, начиная съ дѣтскаго возраста, была постоянной тревожной борьбой ума и сердца, идеаловъ и дѣйствительности, поэзіи души и прозы обстановки. Природныя склонности его характера дѣлали всѣ

попытки примиренія мучительными и напрасными. Разочарованный, озлобленный и грустный, Лермонтовъ торопился со своими приговорами; онъ говорилъ объ отчужденности, эгоизмѣ, враждѣ и индефферентизмѣ какъ о самомъ вѣрномъ щитѣ, которымъ человѣкъ можетъ оградиться въ борьбѣ съ ближними. Но самъ Лермонтовъ призналъ всѣ эти образцы житейской философіи негодными, такъ какъ ни на одномъ изъ нихъ долго не останавливался и отъ каждаго поспѣшно отвернулся. Мы сдѣлаемъ поэтому крупную ошибку если отождествимъ Лермонтова съ кѣмъ-либо изъ созданныхъ имъ героевъ. Они—продуктъ его нервной фантазіи и его поспѣшныхъ обобщеній. Ихъ житейская мудрость относится къ міровоззрѣнію самого автора, какъ наскоро данный парадоксальный отвѣтъ къ долгому, пытливому обдумыванію предмета, которымъ человѣкъ еще не овладѣлъ и съ которымъ не свыкся.

III.

Человѣкъ, всею жизнью котораго управляли меланхолія, экзальтированная фантазія и безпощадный умъ, не могъ не устать и не озлобиться. Нервность поэта должна была временами искажать въ немъ правильный и хладнокровный взглядъ на вещи, должна была побуждать его торопиться со своими выводами, такъ какъ всякій разъ, когда поэту удавалось бросить такой поспѣшный выводъ на бумагу, въ лицѣ того или другого героя, ему самому становилось легче и онъ на нѣкоторое время успокаивался.

Если несимпатичность нѣкоторыхъ героевъ Лермонтова находитъ себѣ объясненіе и оправданіе въ природной организаціи самого поэта, то такое же объясненіе найдутъ себѣ и несимпатичныя стороны его собственнаго характера. Мы должны снисходительно взглянуть на нѣкоторыя некрасивыя внѣшнія проявленія этого сильнаго духа. Природа, надѣляя человѣка особенно чуткой нервной воспріимчивостью и

слишкомъ острымъ умомъ, отнимаетъ у него иногда взамѣнъ этихъ даровъ нѣкоторыя мягкія стороны характера, какъ бы боясь, чтобы эта мягкость не парализовала главной духовной силы этого человѣка—его строгости къ себѣ и къ другимъ, его вѣчной неудовлетворенности, его неустаннаго стремленія.

Лермонтовъ не былъ мягкой натурой — онъ, какъ Байронъ, принадлежалъ къ числу натуръ строгихъ, иногда суровыхъ, и съ виду даже жесткихъ.

Онъ, говорятъ намъ, иногда бывалъ не въ мѣру самолюбивъ, любилъ играть роль, былъ скрытенъ, злостенъ и рѣзокъ въ обращеніи съ людьми, насмѣшливъ, любилъ интриги, а главное, былъ человѣкомъ, неискренно и несимпатично относившимся къ людямъ. Отвѣчая на эти обвиненія, не забудемъ, прежде всего, что свѣдѣнія о характерѣ Лермонтова и объ его личности очень скудны и отрывочны; они не опредѣляютъ намъ, въ какой степени характеръ поэта былъ испорченъ всѣми этими недостатками, и дѣлаютъ поэтому разсужденія на такую тему очень шаткими. Если предположить даже, что за исключеніемъ послѣдняго недостатка, а именно нелюбви поэта къ людямъ, всѣ остальные недостатки, дѣйствительно, ярко проступали въ характерѣ и въ поведеніи Лермонтова, то мы все-таки должны оправдать ихъ. Они частые спутники всякой рѣзко выдающейся личности, личности властной, сознающей свое преимущество надъ другими и — главное — поставленной среди массы, которая этого преимущества ни понять, ни признать не хочетъ.

Что же касается нелюбви поэта къ людямъ, то это взводимое на него обвиненіе противорѣчитъ всей его жизни, какъ поэта и мыслителя.

Лермонтовъ никогда не былъ проповѣдникомъ какой-либо положительной истины, глашатаемъ какихъ-либо ясныхъ и установившихся убѣжденій, такъ какъ самъ не имѣлъ ихъ. Естественно, что у него не было и того восторженнаго и увѣреннаго тона, какимъ всегда отличается рѣчь убѣжден-

наго человѣка. Онъ не распинался передъ людьми за свои мысли, не вербовалъ никого въ пользу какого-нибудь ученія, даже не говорилъ съ людьми довѣрчиво, отъ чистаго сердца, такъ какъ не было еще истины, за которую онъ могъ бы пожертвовать жизнью, не было предмета, о которомъ онъ могъ бы довѣрчиво и открыто бесѣдовать. Единственнымъ предметомъ его бесѣдъ съ другими былъ его собственный душевный разладъ, и надобно было имѣть много откровеннаго довѣрія къ людямъ, чтобы на ихъ глазахъ такъ безпощадно казнить собственное сердце, какъ это дѣлалъ Лермонтовъ. Субъективизмъ Лермонтова въ его поэзіи, постоянный возвратъ къ своему собственному „я“ признается иногда за краснорѣчивое доказательство его гордости и эгоизма. Но не есть ли эта строгая и правдивая исповѣдь поэта прямое доказательство обратнаго—его симпатіи къ людямъ? И не потому ли мы такъ любимъ Лермонтова, что видимъ въ немъ человѣка, который въ себѣ самомъ казнилъ наши грѣхи и недостатки и призвалъ насъ всѣхъ быть свидѣтелями этой казни?

Источникомъ всѣхъ душевныхъ терзаній поэта было чувство, отъ всякаго эгоизма и самолюбованія весьма далекое.

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы строго мы ни отнеслись къ Лермонтову, какъ къ человѣку, но мы всегда должны будемъ признать за его словами одну очень цѣнную добродѣтель. Эти слова были всегда плодомъ *неустаннаго контроля человѣка надъ своимъ чувствомъ къ ближнему.*

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что стихи Лермонтова—правдивый отголосокъ истинныхъ и глубокихъ душевныхъ страданій. Вездѣ, и въ поэмахъ, и въ романахъ, и въ стихахъ слышится нота грусти и отчаянія, покрываемая иногда лишь пѣснью гнѣва. Ни радости, ни восторга не встрѣтимъ мы въ поэзіи Лермонтова—и это исключительное господство

печальныхъ мотивовъ объясняется, помимо врожденной склонности поэта къ нимъ, также и той тяжелой душевной тревогой, какую онъ испытывалъ всю жизнь, такъ какъ совѣсть его не была ни на одно мгновеніе спокойна. Лермонтовъ никогда собой доволенъ не былъ, ему всегда казалось, что вся его жизнь—неосмысленное и безцѣльное явленіе, стоящее въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ высокимъ представленіемъ о ней, которое очень рано сложилось въ его умѣ и сердцѣ; и на свою литературную дѣятельность Лермонтовъ смотрѣлъ также очень грустно и скептически.

Поэтъ страдалъ оттого, что не могъ найти цѣли и назначенія, ни своей жизни, ни своему творчеству. Но въ чемъ же первопричина такого мучительнаго, неудовлетвореннаго состоянія духа, причина, не позволившая Лермонтову остановиться ни на одномъ какомъ-нибудь произвольномъ рѣшеніи тревожившихъ его вопросовъ и заставлявшая его постоянно думать надъ задачей своей жизни, надъ своимъ великимъ призваніемъ, надъ необходимостью найти себѣ въ окружающей средѣ и мѣсто, и дѣло? Этотъ первоисточникъ душевныхъ страданій поэта, — чувство отвѣтственности передъ жизнью и сознаніе своей неразрывной связи съ тѣми, чьи печали и радости эту жизнь наполняютъ. А что такое это чувство отвѣтственности, какъ не чувство любви, въ глубокомъ, тайномъ смыслѣ этого слова?

V.

Люди, говорившіе объ источникахъ загадочнаго настроенія Лермонтова, его злобныхъ выходокъ, его пессимизма и разочарованія, рѣзко расходились въ своихъ сужденіяхъ.

По мнѣнію однихъ, Лермонтовъ ссорился съ людьми потому, что его симпатіи влекли его къ небу, „къ звѣздамъ“. Онъ былъ недоволенъ и печаленъ, потому что желалъ обмѣнить, какъ можно скорѣе, земное существованіе на небесную жизнь. Его прельщала гармонія небесъ, ихъ

миръ и спокойствіе, ихъ совершенство, и онъ отворачивался съ негодованіемъ отъ земли, гдѣ все было такъ противорѣчиво, несовершенно, тревожно и низменно.

По мнѣнію другихъ, Лермонтовъ былъ печаленъ и недоволенъ именно вслѣдствіе своей чрезмѣрной любви ко всему земному и малой симпатіи къ духовному. Онъ былъ самолюбивъ и гордъ, его тщеславіе и самолюбіе требовали себѣ поклоненія и жертвъ, его гордость—постояннаго успѣха, а энергія и живость характера—постоянныхъ новыхъ впечатлѣній. Однообразіе жизни, среди которой жилъ поэтъ, некрасивая его внѣшность и непривѣтливый пріемъ, встрѣченный имъ въ свѣтскомъ обществѣ, разсердили его и озлобили противъ людей и самого себя. Онъ искалъ въ жизни наслажденій и былъ обманутъ, а примириться съ этимъ обманомъ и покориться необходимости онъ былъ не въ состояніи, такъ какъ духовнаго элемента въ его природѣ было слишкомъ мало; и онъ не могъ стать выше треволненій жизни.

И тотъ, и другой взглядъ на Лермонтова едва ли справедливы, такъ какъ они не находятъ себѣ подтвержденія ни въ его жизни, ни въ его стихахъ.

Если признать противорѣчіе между мечтой о небѣ и ощущеніемъ житейской прозы за родникъ поэзіи Лермонтова, то конечное разрѣшеніе душевныхъ волненій поэта должно было лежать въ успокоеніи его мятежной души въ религіозномъ или эстетическомъ созерцаніи. Только въ этомъ смыслѣ можно понимать это мнимое тяготѣніе Лермонтова къ „небу“. Отвертываясь отъ земли, какъ отъ преходящаго, противорѣчиваго, несовершеннаго и тревожнаго, т.-е. считая земную жизнь за отрицательный полюсъ человѣческаго существованія, поэтъ естественно долженъ былъ противоположный ей полюсъ принять за положительный, совершенный и гармоничный. Одно только погруженіе человѣка въ религіозное или эстетическое созерцаніе жизни могло удовлетворить такому понятію о желаемомъ существованіи, одно только оно могло дать настоя-

щее успокоеніе такому сердцу, которое заранѣе дѣлило существованіе человѣка на двѣ жизни — на нестоющую любви жизнь земную и жизнь небесную, гдѣ все—покой и блаженство. Мы знаемъ, однако, какъ слабо и неустойчиво сказалось такое религіозное и эстетическое настроеніе въ стихахъ Лермонтова. Религія въ поэзіи Лермонтова не только не является рѣшеніемъ какихъ бы то ни было вопросовъ жизни, она сама составляетъ для нашего поэта вопросъ, къ которому онъ всегда подходитъ со страхомъ и на который не даетъ никакого положительнаго отвѣта. А созерцаніе красоты для него—лишь короткій моментъ отдыха между смѣняющимися нравственными тревогами.

Несправедливъ и противоположный взглядъ, который готовъ видѣть въ Лермонтовѣ почти исключительно земную, чувственную натуру, съ малыми духовными запросами. Понимать разладъ Лермонтова съ жизнью, какъ слѣдствіе неудовлетвореннаго самолюбія и жажды осязаемаго счастія или неудавшейся погони за наслажденіями, значитъ — слишкомъ просто истолковать, и человѣка, и его творчество. Если Лермонтовъ и бывалъ недоволенъ своей свѣтской жизнью и вообще своей внѣшней ролью въ обществѣ, то только потому, что всѣ эти внѣшнія блага жизни совсѣмъ не удовлетворяли его „духовной“ природы и не соотвѣтствовали тому представленію о дѣятельной жизни, какое сложилось въ его умѣ съ дѣтства, когда его тревожилъ вопросъ объ его призваніи и когда онъ далъ обѣщаніе „любить земныя страданія и не оставлять ихъ“ ни ради мечтаній о небѣ, ни ради земныхъ удовольствій и благъ.

Сопоставляя далеко не печальную жизнь поэта съ печальными мотивами его поэзіи, мы должны признать, что это противорѣчіе получилось какъ слѣдствіе принципіальной розни, существовавшей между внѣшнимъ обликомъ его жизни и его думами. Если бы безпечная и веселая жизнь, какую Лермонтовъ велъ въ Петербургѣ и на Кавказѣ, приближала его къ тому эпикурейскому идеалу счастливаго и ни въ чемъ

не стѣсненнаго существованія, какой иногда хотятъ навязать ему, то пессимизмъ и недовольство должны были бы уменьшаться въ поэтѣ какъ-разъ въ той степени, въ какой возрастала для него возможность и веселиться, и пользоваться успѣхомъ. Мы видимъ, однако, совсѣмъ обратное—чѣмъ веселѣе была жизнь поэта, чѣмъ виднѣе становилось его положеніе въ обществѣ, тѣмъ печальнѣе и безотраднѣе было его міросозерцаніе. Очевидно, что источникъ душевныхъ страданій Лермонтова заключался далеко не въ ненасыщенномъ самолюбіи или неудавшейся погонѣ за счастіемъ.

И потому мы будемъ ближе къ истинѣ, если предположимъ, что родникомъ страданій Лермонтова была его недремлющая совѣсть, твердившая ему неустанно, что его жизнь не соотвѣтствуетъ его идеаламъ, его творчество — высокому понятію о поэзіи, его отношеніе къ людямъ — тому нравственному чувству, какое поэтъ ощущалъ въ себѣ, но никакъ не могъ оформить и философски обосновать.

Еще на 18-томъ году жизни Лермонтовъ писалъ —

Видали-ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоютъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ обращаетъ въ пытку Прометея.

Съ пыткой Прометея имѣетъ извѣстное сходство и творчество Лермонтова. Не для себя одного хотѣлъ онъ украсть огонь съ неба и великій урокъ могли вычитать люди изъ его страданій.

И въ этомъ смыслѣ Лермонтовъ былъ истинный сынъ того XIX-го вѣка, который поставилъ этическую проблему

жизни въ центръ всего мірозданія и такъ интенсивно трудился надъ ея рѣшеніемъ. Работа Лермонтова надъ самимъ собой была частичнымъ проявленіемъ одной общей работы, занимавшей умы и сердца всего культурнаго міра.

Сила идей не знаетъ преградъ, и никто не можетъ опредѣлить или предусмотрѣть какъ та или другая идея овладѣваетъ человѣкомъ: она пускаетъ ростки иногда тамъ, гдѣ мы менѣе всего могли бы ожидать этого. Кто могъ предположить, что въ тридцатыхъ годахъ, на русскомъ горизонтѣ, появятся вдругъ лица, въ которыхъ гуманная идея найдетъ проповѣдниковъ не менѣе, если не болѣе ревностныхъ, чѣмъ тѣ, которымъ западный культурный міръ въ своей средѣ удивлялся? Кто могъ ожидать, что въ человѣкѣ избалованномъ, огражденномъ, одиноко и замкнуто проведшемъ свое дѣтство и юность, жившемъ всю жизнь въ обществѣ, которое совсѣмъ не задавалось глубокими вопросами, обществѣ разсѣянномъ и жизнерадостномъ—сознаніе своей отвѣтственности передъ людьми и самимъ собою станутъ источникомъ глубокихъ душевныхъ страданій?

Воспитать въ себѣ широкое гуманное отношеніе къ людямъ, а главное, не столько воспитать его, сколько построить на немъ цѣлое міровоззрѣніе и провести его въ программу жизни — дѣло очень трудное, требующее большой энергіи, силы воли, большой убѣжденности, а также и удобнаго историческаго момента. Жизнь съ каждымъ днемъ становится сложнѣе, какъ въ своихъ повседневныхъ явленіяхъ, такъ и въ общихъ вопросахъ, какіе эти явленія ставятъ человѣку, — и при всѣхъ ея сплетеніяхъ неизмѣннымъ остается сознаніе, что безъ широко понятой симпатіи къ людямъ, безъ солидарности съ ними жизнь немыслима. Прежде, когда вѣками установившіяся и на вѣру принятыя общія — религіозныя, національныя или сословныя — этическія формулы давали направленіе жизни, дышалось, конечно, легче; и тяжело стало новому человѣку, когда онъ, предоставленный всецѣло силѣ свободнаго ума и свободныхъ чувствъ, сознаетъ

всю трудность своего отвѣтственнаго положенія передъ нравственной задачей жизни. Немудрено, что, рѣшая ее, онъ такъ часто падалъ духомъ.

Лермонтовъ принадлежалъ къ числу такихъ искателей нравственной истины, въ душевной тревогѣ которыхъ мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ мучительно, но плодотворно для себя и для другихъ отзывается на человѣкѣ присутствіе въ немъ требовательной и чуткой совѣсти.

Нужно было по-своему любить людей, чтобы постоянно думать надъ вопросомъ — какое отношеніе къ нимъ будетъ самое справедливое.

VI.

И люди откликнулись на слова поэта, слова иногда черствыя, насмѣшливыя и злыя.

Но къ этому отклику любви всегда примѣшивалось чувство сожалѣнія.

Жаль поэта, который былъ унесенъ смертью въ такіе молодые годы; жаль его въ особенности потому, что онъ не успѣлъ достигнуть цѣли, которую себѣ поставилъ и не испыталъ въ жизни самаго полнаго удовлетворенія — не высказалъ убѣжденно тѣхъ нравственныхъ убѣжденій, въ которыя окончательно увѣровалъ, чтобы заставить людей съ ними считаться.

Лермонтовъ не завѣщалъ людямъ ничего, кромѣ тревожныхъ, вѣчно красивыхъ образовъ, въ которыхъ воплотилось неустанное стремленіе и бореніе человѣческаго духа. Изнурительная душевная борьба приводила къ ряду вопросовъ, на которыхъ не было устойчиваго отвѣта... сила вся уходила на поиски...

Въ томъ видѣ, въ какомъ поэзія Лермонтова теперь передъ нами, она—неразрѣшенный душевный диссонансъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
. . . . .	5
Дѣтство и юность	15
Юношескія стихотворенія.	25
Учителя и книги	57
Демонъ.	69
Юношескія драмы. Вадимъ. Измаилъ-Бей	93
Первые годы въ Петербургѣ	118
Литературная дѣятельность до 1837 года.	127
Послѣдніе годы	148
Герой нашего времени. , ...	192
Лермонтовъ и литературное движеніе его эпохи . . .	223
Современная Лермонтову лирика	258
. . . . .	319

BINDING SECT. APR 23 1958

519805

LR
L6165
.Yko

Lermontov, Mikha
Kotlyarevksy, N.A.
Михаилъ Юрьевичъ
[Transliterated: Mikh

DATE	N
Dec 2, 1955	B.P. S
Oct 29/56	M. Jenk